ПОЛ

АНДЕРСОН

ДЕНЬ ИХ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Враждебные звезды
Пол Андерсон

Аннотация
Пол Андерсон. Враждебные звезды
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Аннотация

В романе «Враждебные звезды» автор предсказывает существование планетных систем у нейтронных звезд.

Пол Андерсон
Враждебные звезды

Они назвали его «Южным Крестом» и отправили в путь, конца которого никто из них никогда не увидит. Спустя месяцы полета корабль двигался со скоростью, равной половине световой. Разгон был закончен, чтобы оставить достаточно реактивной массы для торможения и маневрирования. И вот наступила долгая тишина. На целых четыре с половиной века. Кораблю предстоял еще долгий путь.

Они управляли им по очереди, придумывали новые машины, запускали их и даже успевали увидеть, как заканчивались непродолжительные полеты некоторых из них. Потом они умирали.

Но вслед за «Южным Крестом» с Земли взлетали все новые корабли. Вспыхивали и догорали пожары войн, рушились города, в которых продолжали жить люди, книгами поддерживавшие огонь в своих очагах. Сменяли друг друга империи, завоеватели подрывали основы самой жизни, религии звали людей к неведомым горным вершинам, на Земле возникали новые расы и образовывались новые структуры власти. А корабли все так же устремлялись ввысь, в непроглядную черноту космоса, и всегда находились люди, которые управляли ими. Иногда эти люди носили форменные фуражки и кители, иногда

— стальные шлемы, иногда — благопристойные серые сутаны; со временем появились голубые береты с крылатыми звездочками — но все они несли свою вахту на кораблях. Проносились десятилетия, и они все чаще и чаще приводили свои экипажи к новым пристаням.

Сменилось десять поколений, а «Южный Крест» еще не преодолел и половины пути к намеченной цели, хотя так далеко от Земли не забиралось ничто, созданное руками человека. На могучем организме корабля стала понемногу сказываться усталость: здесь царапина, там заплата, а рисунки и надписи, прочерченные на нем изнутри одинокими и скучающими обитателями корабля, почти стерлись от случайных прикосновений их преемников.

Но поля и приборы, которые служили кораблю в качестве глаз, мозга и нервов, все так же жадно впитывали в себя небесную информацию. По окончании вахты каждый забирал с собой коробку с микрофотопластинками и отправлялся к земной Луне, легко преодолевая расстояние в сто световых лет. Длительная, вековая борьба землян за выживание нанесла значительный урон собранию этих пластинок: большая их часть была безвозвратно утеряна, остальные, не востре-

бованные никем, лежали, покрываясь пылью. Но вот пришло время, когда бесстрастный всевидящий механизм пробежался беглым взглядом по множеству подобных фотопластинок, доставленных с разных кораблей. И подписал тем самым смертный приговор нескольким людям.

Глава 1

По ту сторону огромного водного пространства пылал закат. Далеко на западе собиравшиеся над Новой Зеландией облака выплескивали расплавленное золото. Оттуда, где это небесное золото отражалось от поверхности моря, бил нестерпимо яркий свет. К востоку зелень и яркая синева моря постепенно наливались чернотой и на горизонте полностью сливались с быстро темнеющим небом, на котором проступали первые мерцающие звездочки. Легкий ветерок поднимал на волне мелкую рябь, заставляя волны игриво плескаться о борт кеча,[1] стекал вниз по лениво обвисшему гроту и чуть шевелил светлые волосы девушки, свободно падавшие ей на плечи.

Теранги Макларен указал на север.

— Вон там — плантации бурых водорослей, — произнес он, растягивая слова. — Основной источник доходов нашей семьи. Скрещиваются разные подвиды, и в результате получаются отличные морские водоросли, из которых можно произвести уйму полезных продуктов. Впрочем,

---

[1] Примечания: 1

Двухмачтовое парусное судно водоизмещением 100–200 тонн.

я далек от всего этого, за что должен благодарить своих уважаемых предков. Биохимия — это упорядоченная путаница. Уж лучше я займусь чем-нибудь попроще, вроде вырожденного[2] атомного ядра.

Девушка усмехнулась.

— А если оно не вырожденное, то ты постараешься его таковым сделать? — спросила она.

Она была техном — как и он, разумеется; он бы никогда не допустил шлюху на свое судно. Несколько машин, по сути, заменяли ему экипаж. По своему положению в обществе она стояла намного выше его — настолько высоко, что никто из членов ее семьи не занимался производительным трудом, тогда как Макларен был чуть ли не единственным в своей семье, кто не работал. Янтарно-золотистый цвет кожи, тонкие благородные черты лица и белокурые, с зеленоватым оттенком волосы выдавали в ней принадлежность к той особой бирманской породе, которая получилась в результате тщательного отбора и мутаций. Чтобы вот так видеть ее здесь од-

[2] Примечания: 2

«Вырожденное атомное ядро» — по современным физическим представлениям — состояние материи в недрах нейтронных звезд, когда электронные оболочки атомов «втиснуты» в ядра под действием колоссальных сил сжатия. (Здесь и далее примеч. пер.)

ну, без обычных сопровождающих, Макларен неделями ходил вокруг нее. И не потому, что генерала Фенга, ее никудышного опекуна, никогда не выходившего из состояния наркотического оцепенения, так уж заботило ее скандальное поведение, когда она, словно амазонка, носилась по планете, пренебрегая всеми правилами приличия. Но потому, что в ней было больше от Цитадели с ее неспокойными огнями, чем от океана в закатных лучах солнца.

Макларен коротко рассмеялся.

— Да я ничего против атомного ядра не имею, — сказал он. — Вырождение — это состояние материи в определенных экстремальных условиях. И хотя квантовая теория существует уже триста лет, механизм вырождения до конца так и не понят. Впрочем, я отклонился, а предпочел бы преклониться. Перед тобой, естественно.

Шлепая босыми ногами, он пересек палубу и уселся рядом с ней. Это был высокий, стройный, широкоплечий мужчина чуть старше тридцати, с крупными кистями рук, смуглый и темноволосый. Но, в отличие от всех уроженцев Океании, его широкое, скуластое лицо украшал орлиный крючковатый нос, а карие глаза выдавали давно позабытого английского предка. На мужчине, как

и на его спутнице, были лишь обычные саронги и несколько драгоценностей.

— Ты говоришь, прямо как ученый, Теранги, — произнесла она. Это не было комплиментом. В наиболее состоятельных семьях становилось модным считать Конфуция, Платона, Эйнштейна и других классиков ужасными занудами.

— Но я и есть ученый, — сказал Макларен. — Ты бы поразилась, увидев, каким язвительным и чванливым я могу быть. Вот когда я, к примеру, был студентом…

— Но ты же был чемпионом по любительской борьбе на воде! — протестующе воскликнула она.

— Верно. А еще я мог запросто перепить двоих и знал все злачные места на Земле и Луне. Но как бы там ни было, стал бы, по-твоему, мой отец — да будет благословенна его унылая коллекция старомодных добродетелей! — субсидировать меня все эти годы, если б я не прибавил своей семье хоть сколько-нибудь престижа? Иметь сына астрофизика — это так почетно. Даже если этот астрофизик стоит им немалых денег. — В сгущавшихся сумерках на его лице блеснула усмешка. — Время от времени, когда я уж слишком предаюсь разгулу и до омерзения напиваюсь,

он грозится лишить меня материальной поддержки. В таких случаях мне ничего не остается делать, как срочно придумывать какое-нибудь оригинальное высказывание или блестящую новую теорию. Можно, в крайнем случае, написать книгу.

Девушка придвинулась к нему поближе.

— Так ты поэтому отправляешься сейчас в космос? — спросила она.

— Да нет, — ответил Макларен. — Это целиком моя идея. Смешной каприз. Я тебе уже говорил, что начинаю просто задыхаться в собственном маразме.

— За последние несколько лет ты не слишком часто наведывался к нам в Цитадель, — согласилась она. — А когда все же появлялся, то был слишком занят.

— Курс корабля можно изменить только по приказу Научно-исследовательского Отдела, отнюдь не расположенного отдавать подобные приказы, а это означает, что надо подкупать нужных людей, отвлекать оппозицию, улещивать самого Регента. Знаешь, я нашел всю эту кухню весьма забавной. Я мог бы даже заняться политикой, когда вернусь, — в качестве хобби.

— Сколько же времени ты там пробудешь? —

спросила она.

— Точно сказать не могу, возможно, всего лишь месяц. И за это время соберу такое количество материала, что его хватит на несколько лет исследований. К тому же я мог бы в дальнейшем совершать броски к кораблю при каждом удобном случае. Он займет постоянную орбиту вокруг той звезды.

— А ты не мог бы возвращаться домой… каждый вечер? — прошептала она.

— Не соблазняй меня, — вздохнул он. — Не могу. Один месяц вахты на звездолете — это стандартный минимум, если не возникнут аварийные ситуации. Видишь ли, каждая нуль-транспортировка использует трубку Франка, которая стоит денег.

— Что ж, — сказала она, надув губки, — если тебя так волнует какая-то дряхлая мертвая звезда…

— Ничего ты не поняла, ваше великолепие. За два с лишним века странствий в космосе еще никому не выпадал такой шанс — поближе познакомиться с самой настоящей потухшей звездой. Возник даже небольшой спор, существует ли вообще такой класс звезд. Настолько ли постарела Вселенная, что центральные светила в каждой из ее галактик полностью исчерпали

свои ресурсы ядерной и гравитационной энергий? Клянусь предками, вполне возможно, что эта звезда осталась от одного из предыдущих циклов мироздания!

Он почувствовал, что сидевшая рядом с ним девушка напряглась, как будто обиделась на его слова, из которых, однако, ничего не поняла и которые ей были совсем не интересны. И тоща в нем самом на какой-то миг вспыхнула обида. Ее и в самом деле не волнуют ни он, ни корабль, ни что-либо другое, кроме собственной восхитительной оболочки... К чему он тут тратит время на этой старой заезженной колее взаимоотношений, когда ему надо заняться подготовкой к экспедиции — о черт, он прекрасно знает, к чему!

Что-то внутри ее дрогнуло, и напряжение, сковывавшее ее, ослабло. Он взглянул на нее. В темно-синих сумерках она казалась бесплотной тенью с копной тускло отсвечивавших волос. Тлеющие угольки солнца почти догорели, и над головой одна за другой просыпались звезды, возвещающие о том, что вскоре все небо будет усеяно мириадами пронзительно-ярких огоньков.

— Где сейчас этот звездолет? — тихо спросила она. Слегка удивившись, он показал на едва обозначившиеся контуры Южного Креста.

— Вон там, — произнесен. — Со времени запуска он лишь незначительно отклонился от своего первоначального курса на альфу Южного Креста. От нас он находится в добрых тридцати парсеках, и даже если бы мы увидели его на таком расстоянии, мы не смогли бы заметить какого-то отклонения.

— Но мы не можем его увидеть. И никогда не увидим. Свет доберется сюда, возможно, через сотню лет, и я... мы все к тому времени умрем, наверное. Нет!

Он стал успокаивать ее. Это были самые прекрасные минуты их встречи, и чем глубже природа погружалась в ночь, тем они становились все чудеснее. С первого дня, как он встал за штурвал своей яхты, зародилась эта любовь. На море был штиль, в каюте — вино и маленькие сандвичи. Тишина дышала умиротворением, и ей захотелось, чтобы он сыграл на гитаре и спел. Она даже попросила его об этом. Но он отказался. Предстоящая вахта не выходила у него из головы: не упустил ли он чего и какие возможные открытия и находки ожидают их у черного солнца? Может быть, действительно сказывалось еле уловимое дыхание грядущей старости — или зрелости, если угодно; а может, просто у него

над головой особенно ярко и тревожно горело созвездие Южного Креста.

Глава 2

На Внешних Гебридах белым покрывалом лежала зима. Дни, нередко задыхавшиеся от густого падающего снега, казались угрюмыми проблесками света между периодами мглистой темноты. Даже когда Северная Атлантика устава-ла яростно биться о скалы, разбиваясь в ледяную пену, бурные океанские волны все равно вы-давали ее неистовость, ее постоянно грызущее беспокойство. Горизонта больше не было: свин-цовые волны встречались со свинцовым небом, и мутная дымка надежно скрывала зазор между небом и водой. «Здесь нет ни суши, ни воды, ни воздуха, но есть некая смесь из трех означенных компонентов», — писал Питеас.[3]

Островок был небольшим. Когда-то давно здесь жили рыбаки, **их** жены держали в своем хозяй-стве одну-две овцы, но с того времени сохранился лишь один дом — каменная хижина, — века, про-шедшие с момента ее постройки, мало изменили ее внешний облик. Внизу, на посадочной пло-

---

[3] Примечания: 3

Питеас (Пифей) (IV в. до н. э.) — древнегреческий астроном, математик и географ.

щадке, виднелся вполне современный ангар для парусной шлюпки, семейной подводной лодки и довольно потрепанного аэрокара. Сделанный из серого пластика, он прекрасно вписывался в окружающий ландшафт — обыкновенный валун, каких на острове много.

На эту площадку Дэвид Райерсон и посадил аэрокар, взятый напрокат; посигналил у входа и медленно въехал в распахнувшиеся ворота. На Скьюле он не был пять лет, но руки до сих пор помнили все необходимые движения для полета в нужном направлении и последующей посадки на острове, и промозглость здешней погоды осталась такой же, как прежде. Это тронуло его почти до слез. Что же касается отца… Райерсон, сдержав рвущиеся наружу эмоции, помог своей молодой жене выйти из машины. Очутившись на холодном пронзительном ветру, он расправил плащ и поспешно набросил его на ее и свои плечи.

Вихревые потоки с воем обрушивались на остров, разгоняясь от самого полюса. Под их яростными ударами люди шли, спотыкаясь и едва не падая; черные локоны Тамары развевались на ветру, словно разорванные флаги. Райерсону показалось, почти на пределе слышимости, что скала под его ногами резонирует

с воем ветра, только в другой, более низкой тональности. Причиной, несомненно, служил страшный грохот и рев сталкивающихся между собой огромных волн, которые раз за разом наносили сокрушительные удары по скалам. Но в эту минуту ему вдруг почудилось, что из глубины до него доносится трубный глас отцовского Бога, существование которого он всегда отрицал. Отчаянно сопротивляясь ветру, он с большим трудом одолел дорогу к дому и онемевшими пальцами коснулся старинного дверного кольца из позеленевшей бронзы.

Магнус Райерсон открыл дверь и махнул рукой, чтобы они проходили в дом.

— Я не ожидал вас так рано, — сказал он, и в его устах это прозвучало почти извинением, если он вообще мог извиняться. Он захлопнул входную дверь, разом отсекая рвущийся внутрь ветер, и наступившая тишина словно оглушила их.

Основная комната, в которой они сейчас находились — побеленная, с кирпичным полом и массивными стенами, — была необычной формы; камин, где голубые огоньки лениво лизали брикетики торфа, являлся ее жизненным средоточием. Значительной уступкой, современной эпохе был светошар и бесподобная увеличенная

фотография двойной звезды Сириус. Нельзя не упомянуть и о бесчисленных навигационных справочниках или всевозможных камнях, шкурах и божках, навезенных из дальних странствий по ту сторону неба. В конце концов, у любого капитана дальнего плавания наверняка сохранился навигационный справочник Боудича[4] и всякие памятные вещицы. Стены расчерчивали полки, уставленные книгами и микрокатушками. Объемистые тома были в основном старинными; среди них нашлось бы совсем мало книг, написанных на современном английском.

Магнус Райерсон стоял, опершись на трость, изготовленную из неземного дерева. Роста он был огромного — в юности достигал не менее двух метров, да и сейчас легкая сутулость не так уж укоротила его; такому росту вполне соответствовало и его мощное телосложение. Нос крутым и неровным бугром выступал из складок выдубленной кожи лица; седые волосы спускались на плечи, седая борода — на грудь. Из-под лохматых бровей сурово смотрели маленькие голубые глазки. Его одежда, сообразно с местными традициями, состояла из вязаного свитера и пару-

[4] Примечания: 4
Н. Боудич (умер в 1838 г.) — американский математик и астроном.

синовых брюк. Прошло несколько минут, прежде чем Дэвид, опомнившись от потрясения, понял, что кисть правой руки отца — искусственная.

— Что ж, — раскатисто произнес наконец Магнус на беглом интерлингве, — значит, это и есть новобрачная. Тамара Сувито Райерсон, да? Добро пожаловать, девочка. — Особого тепла в его голосе не чувствовалось.

Та склонила голову к сложенным вместе ладоням.

— Со всей покорностью приветствую вас, уважаемый отец. Она была австралийкой, типичной представительницей высшего класса своего родного континента — изящно сложенная, с кожей цвета золотистой бронзы, иссиня-черными волосами и раскосыми черными глазами. Одета она была с подобающей скромностью: длинное белое платье и плащ с капюшоном, никаких украшений, кроме свадебной ленты с монограммой Райерсона.

Магнус отвел от нее взгляд и посмотрел на сына.

— Дочь профессора, говоришь? — пробормотал он по-английски.

— Профессора символики, — вызывающе бросил ему Дэвид на интерлингве, который его жена

понимала. — Мы с Тамарой встретились у него дома. Мне тогда очень не хватало знаний по основам символики, чтобы как следует разобраться в собственной специальности, и…

— Слишком долго объясняешь, — сухо обронил Магнус. — Садись.

И первым опустился в кресло. Дэвид, помедлив мгновение, последовал его примеру.

Ему буквально на днях исполнилось двадцать лет. Это был стройный юноша среднего роста, светлокожий блондин, с тонкими и резкими чертами лица и голубыми, как у отца, глазами. Непривычная для него туника бакалавра с эмблемой гравитики стесняла его, и он с удовольствием поменял бы ее на обычную куртку.

Тамара прошла в кухню и занялась приготовлением чая. Магнус поглядел ей вслед.

— Во всяком случае, порядок знает, — проворчал он по-английски. — А отсюда следует, что семья ее по меньшей мере языческая, не то что все эти теперешние атеисты. Это уже кое-что.

У Дэвида возникло такое чувство, будто на него всей тяжестью навалились годы, проведенные на этом острове один на один с овдовевшим отцом. Он подавил гнев и, обратившись к отцу, также заговорил по-английски:

— Более удачной партии я не смог бы сделать. Даже из каких-то грязных практических соображений. К примеру, стать техном, женившись на женщине из семьи технов, и… Ты ведь всегда хотел, чтобы я сделал это? Я добьюсь ранга техна, заслужив его сам.

— Если ты останешься на Земле, — заметил Магнус. — Кто обратит внимание на колониста?

— Кто обратит внимание на какого-то землянина среди десяти миллиардов подобных? — огрызнулся Дэвид. — На новой планете — на Раме — человек может быть самим собой. Там эти дурацкие родовые различия не будут иметь никакого значения.

— Места достаточно и здесь, — сказал Магнус. — Мальчиком ты, помнится, никогда не жаловался, что на Скьюле слишком много народу.

— И я бы создал здесь семью с какой-нибудь неграмотной толстомордой торговкой рыбой, зато прекрасной христианкой, которую ты бы мне выбрал, и всю свою жизнь взращивал новых слуг для Протектората.

Дэвид выпалил эти слова, прежде чем успел подумать, и теперь в каком-то смятении ожидал ответной реакции отца. В течение пятнадцати лет из двадцати этот человек выгонял его из дома

в любую погоду или без ужина отправлял спать. Он уже вырвался из-под его опеки, избавился от покровительства кого бы то ни было, за исключением сюзеренов с правом контракта и любого генерала, который последним завладеет титулом Регента. Но на деле все было не так просто. Дэвид поежился. Он знал, что сам никогда бы не решился эмигрировать, если бы его несмелое желание не имело поддержки непреклонной воли Тамары, которая мягко подталкивала его к принятию этого решения. Он, вероятно, никогда бы даже не женился на ней, подчинившись нежеланию отца, если бы не согласие на брак — и даже больше, чем согласие — ее отца… Дэвид крепко сжал потрепанные подлокотники кресла.

Магнус вздохнул. Он пошарил по карманам в поисках трубки и кисета.

— Я бы предпочел, чтобы ты остался на Земле, — неожиданно мягко проговорил он. — К тому времени, когда с системы Вашингтона-5584 снимут карантин, я успею умереть.

Дэвид стиснул зубы. «Ах ты, седой старый мошенник, — подумал он, — если ты надеешься подловить меня таким образом…»

— Это вовсе не означает, что ты все свои дни будешь привязан к одному острову, — сказал

Магнус. — Почему я истратил сбережения на образование своих сыновей? Чтобы они, окончив Академию, смогли стать космонавтами, кем был когда-то и я, а до меня — мой отец и дед. Земля — это не тюрьма. Вслед за звездолетами земляне могут все дальше и дальше забираться в космос. А что до колоний, так это и есть самое настоящее захолустье. Кто хоть однажды уезжает туда на поселение, никогда сюда не возвращается.

— А что здесь есть такого особенного, к чему возвращаться? — заметил Дэвид. И через минуту добавил, в неуклюжей попытке примирения: — И потом, отец, я — последний. Их всех поглотил космос. Тома убила радиация, Неда подстерег метеорит, Эрик сам стал падающей звездой, а Иан просто не вернулся оттуда, где бы он ни был. Разве ты не хочешь, чтобы наш род не пресекся хотя бы на мне?

— Значит, ты просто трясешься за свою жизнь?

— Нет, погоди! Ты ведь знаешь, насколько опасной может оказаться новая планета. Вот почему первым поселенцам в течение тридцати лет придется жить в условиях абсолютной изоляции. Если ты думаешь, что я…

— Нет, — сказал Магнус. — Нет, ты не трус,

Дэйви, когда речь идет о чем-то материальном. Но когда ты имеешь дело с людьми… Я не знаю, какой ты. Ты что, убегаешь от людей, как в свое время пытался убежать от Господа Бога Иеговы? На Раме не так много народу, как на Земле; и нет нужды работать с ними и против них одновременно, как на корабле… Что ж… — Он наклонился вперед; в его пластиковой руке продолжала тлеть трубка. — Ну да, конечно, я хочу, чтобы ты стал космонавтом. Я не могу решать за тебя. Но если бы ты попробовал, хоть раз, чтобы, честно вернувшись, мог сказать мне, что не рожден для звезд и… и пустоты, и неба, окружающего тебя со всех сторон… Ты понимаешь? Вот тогда я дал бы тебе возможность улететь на ту проклятую планету. Но не раньше. Иначе я никогда не смогу узнать, до какой степени я позволил тебе обманываться относительно самого себя.

Он замолчал. В наступившей тишине было слышно только скорбное завывание ветра под крышей и отдаленное ворчание моря.

Наконец Дэвид медленно проговорил:

— Так вот почему ты… да. Это ты предложил мою кандидатуру техну Макларену для участия в той экспедиции к черной звезде?

Магнус кивнул:

— От своих друзей в Отделе я слышал, что Макларен добился смены курса «Креста». Кое-кто из них был порядком раздосадован. Еще бы! В конце концов, «Южный Крест» — первый корабль, посланный к далекой цели, по-настоящему далекой. Сейчас он находится так далеко от Земли, как не добирался еще ни один корабль. Для них эта смена курса была как бы нарушением установленного порядка. — Он пожал плечами. — Одному Богу известно, когда нам теперь удастся попасть на альфу Южного Креста. И все же я понял, что Макларен прав. Как тройная звезда, Альфа, может, и интересна, но самое что ни на есть остывшее солнце неизмеримо важнее для науки. Во всяком случае, я пустил в ход кое-какие связи. Макларену нужен специалист по гравитике, для помощи в сборе данных. Должность — твоя, если есть желание.

— У меня его нет, — ответил Дэвид. — Сколько времени займет эта экспедиция? Месяц, два месяца? Через месяц я планировал уже быть на Раме и выбирать себе участок.

— Прошло всего несколько недель, как ты женился. О да, я понимаю. Но тебя могут послать на Рам, как только ты вернешься — ожидается еще несколько миграционных волн. Зато у тебя

будет космическое жалованье плюс исследовательские как дополнительное вознаграждение, приобретен кое-какой ценный опыт и, — ехидно закончил Магнус, — мое благословение. В противном случае можешь сию же минуту убираться из моего дома.

Дэвид вжался в кресло, словно увидел перед собой врага. Он слышал, как Тамара медленно ходит по кухне, осваиваясь в незнакомом ей месте. Старый дикарь не то что слегка, а порядком напугал ее. Если он полетит, ей придется остаться здесь, скованной как цепью определенными нормами поведения — тем, от чего они надеялись освободиться на Раме. В общем, довольно унылая перспектива и для нее.

И все же, думал Дэвид, глядя в это угрюмое лицо, однажды весенней ночью оно обратилось к небу, рассказывая ему о звездах и называя их по именам.

Глава 3

Охара, обладатель черного пояса третьей степени, был достойным противником. Но и ему на какую-то долю секунды изменила его обычная стремительная реакция. Он неосторожно выдвинулся, и Сейки Накамура под одобрительный свист публики резким ударом ноги бросил его на ковер. Используя шанс, Накамура ринулся в атаку. Усевшись на Охару и парализовав тем самым всю нижнюю половину его туловища, начиная от пояса, он применил удушающий захват. Охара попытался было использовать контрприем, но задохнувшиеся легкие подвели его. Почти теряя сознание, он шлепнулся на ковер. Накамура отпустил его и в ожидании уселся рядом на корточки. Вскоре Охара поднялся. То же самое сделал и победитель. Оба развязали свои пояса и поклонились друг другу. Судья, настоятель монастыря, пробормотал пару слов, которыми и закончилось состязание. Соперники сели, закрыли глаза, и на какое-то время в помещении воцарилось безмолвие медитации.

Накамура уже давно прошел ту стадию, когда

наслаждаются победой ради победы. Он по-прежнему радовался эстетизму отточенного приема. Ну что за восхитительная игрушка — человеческое тело, особенно когда знаешь, как мастерски бросить сквозь воздух восемьдесят сопротивляющихся килограммов! Но он знал, что даже эта радость является проявлением слабости духа. Дзюдо — больше чем один из видов спорта; его бы следовало назвать средством к достижению цели: в идеальном случае физической формой медитации в принципах дзена.[5]

Он спрашивал себя, сможет ли он когда-либо достигнуть такой высоты. И тут же рядом возникала бунтарская мысль: а есть ли вообще такой человек, который в своей жизни когда-либо достигал этой высоты, и не на несколько мгновений, а хотя бы чуть больше… Это была недостойная мысль. Обладателю черного пояса пятой степени следовало бы прекратить обсуждать про себя тех, кто выше его. А теперь хватит о личном. Виной тут только его рассудок, как в зеркале отражающий напряжение происшедшей схватки, а всякое напряжение, как известно, —

---

[5] Примечания: 5

Одна из форм буддистских религий, учение о самодисциплине, медитации и о достижении человеком духовного просветления посредством обращения к своему внутреннему миру.

враг. Математическое образование позволяло ему представлять поля сил и человека в виде дифференциала dX (где X — функция от бесконечного множества переменных), который прикладывался так точно, исчезающе малыми приращениями действия, что большие поля как бы перетекали одно в другое, и… Подходящий ли это аналог? Надо как-нибудь обязательно обсудить этот вопрос с настоятелем; ведь слишком точный аналог, скорее всего, не отражает реальности. А сейчас он бы предпочел помедитировать об одном из традиционных парадоксов: проанализировать звук, производимый двумя хлопающими ладонями, затем — звук, производимый одной хлопающей ладонью.

Настоятель произнес еще одно слово. Несколько участников состязания, сидевших на ковре, поклонились судье, встали и направились в душевую. Зрители — монахи в желтых одеяниях и разношерстная группа горожан — поднялись с мягких подушек и, оживленно обмениваясь репликами, смешались друг с другом.

Накамура, малорослый коренастый мужчина, переоделся в простой серый комбинезон, скатал и сунул под мышку свой коврик и вышел на улицу. Там он увидел настоятеля, беседующего

с Диомедом Умфандо, начальником местного гарнизона Протектората. Накамура остановился и подождал, пока его не заметят. Затем он поклонился и почтительно втянул в себя воздух.

— А! — воскликнул настоятель. — Сегодняшний турнир поистине достоин восхищения.

— Ничего особенного, достопочтенный, — сказал Накамура.

— Что ты… Ах да, ну конечно. Ты ведь завтра отбываешь, не так ли?

— Да, учитель. На «Южном Кресте», экспедиция к черной звезде. Точно еще не известно, сколько я буду отсутствовать. — Он рассмеялся, и в его смехе явно слышалось самоосуждение — как того требовали нормы приличия. — Не исключено, что кто-то из нас не вернется. Могу ли я обратиться к достопочтенному настоятелю с покорной просьбой о…

— Конечно, — ответил старик. — Твоя жена и дети всегда могут рассчитывать на наше покровительство, и образование твои сыновья получат здесь, если для них не найдется лучшего места. — Он улыбнулся. — Но у кого могут быть сомнения, что лучший пилот на Сарае не вернется победителем?

Они обменялись общепринятыми любезностя-

ми. Затем Накамура пошел прощаться со своими многочисленными друзьями. Подойдя к двери, он заметил высокую фигуру капитана Умфандо в синей форме. Тот поклонился.

— Я сейчас возвращаюсь в город, — почти извиняясь, произнес офицер. — Могу ли я просить об удовольствии составить вам компанию?

— Если моя недостойная особа сможет хоть немного развлечь благородного капитана.

Они вышли вместе. Спортивная школа была частью буддийского монастыря, расположенного в двух-трех километрах от города Суза. Дорога вела их через хлебные поля и в этот час была совершенно пустынна, так как зрители все еще пили чай под гостеприимной красной крышей монастыря. Некоторое время Накамура и Умфандо шли молча; телохранители капитана с винтовками у плеча следовали за ними, стараясь не мешать.

Капелла уже давно зашла за горизонт. Ее шестая планета, гигант Иль-Хан, была почти в полной фазе — огромный золотой щит, переливающийся сотней оттенков. На небе виднелись еще два ее спутника, по своим размерам немного уступающие Сараю, на котором, в отличие от них, жили люди; сама же планета Сарай была вели-

чиной с Землю. В багрянце неба слабо мерцали всего несколько звезд, сумевших не затеряться во всем этом блистающем великолепии; в золотистом сиянии утопали поля; вдали тускло светились фонари Сузы. Небеса исчеркивались следами метеоров, словно там, наверху, кто-то торопливо писал условными значками. Слева на горизонте вздымался горный массив, его пики, устремляющиеся все выше и выше, были покрыты снежными шапками. Где-то невдалеке выводила рулады неведомая ночная птица, ей в ответ стрекотали насекомые, на хлебных нивах с тихим шелестом прогуливался ветерок. И только хруст шагов по гравию грубо прерывал эту идиллическую симфонию звуков.

— Восхитительный мир, — тихо проговорил Накамура.

Капитан Умфандо пожал плечами. На его черном как смоль лице появилась брезгливая гримаса.

— Хотелось бы мне, чтобы он был дружелюбнее.

— Уверяю вас, сэр, что, несмотря на политические разногласия, ни к вам лично, ни к вашим людям никакой враждебности…

— Да бросьте, — перебил его офицер. — Я не

так уж наивен. Начать с того, что Сарай вправе испытывать к нам неприязнь просто потому, что мы — солдаты и сборщики налогов для какой-то там Земли, которая даже посетить ее не позволит обычному колонисту. Но подобные чувства вскоре возникнут и у самого солдата. Дети швыряли в меня комки грязи, даже когда я не был при форме.

— Мне очень жаль, — огорчился Накамура. — Могу ли я принести извинения от имени своего города? Умфандо пожал плечами:

— Я не уверен, уместны ли здесь извинения. Мне не следовало делать карьеру в армии Регента. А Земля занимается тем, что вовсю эксплуатирует колонии. Можно придумать более мягкие выражения или оправдания, но слово «эксплуатация» более точно отражает ситуацию.

На мгновение он задумался, а затем с каким-то отчаянием в голосе спросил:

— Но что еще умеет делать Земля?

Накамура ничего не ответил. Некоторое время они продолжали идти молча.

Наконец Умфандо заговорил.

— Хочу спросить вас без обиняков. — Не увидев на плоском лице собеседника особого желания отвечать, он, сделав над собой усилие, продолжал:

— Вам известно, что вы — один из лучших штурманов в Гильдии; как, впрочем, и любой штурман в системе Капеллы — таковым он просто обязан быть! — но вы как раз тот, к кому обращаются в особо трудных ситуациях. Вы участвовали в дюжине исследовательских миссий в новые системы. Это не обогатило вас, но вы стали одним из самых влиятельных людей на Сарае. Почему именно *вы* относитесь ко мне по-человечески?

Накамура глубоко задумался.

— Что ж, — сказал он наконец, — я не нахожу политику достаточно значимой, чтобы спорить из-за нее.

— Понятно. — Испытывая легкое замешательство, Умфандо переменил тему: — Если желаете, завтра могу подбросить вас на Батый военным транспортным кораблем. Вас высадят прямо на передаточной станции.

— Благодарю, я уже заказал билет на рейс регулярной межпланетной транспортной службы.

— А-а… На «Кресте» вы запросили каюту?

— Нет. На этом корабле мне несколько раз приходилось нести вахту — наравне со всеми, конечно. Хороший корабль. Возможно, сейчас он несколько старомоден, зато добротно сделан. Гильдия предложила мне отправиться в экспеди-

цию, и я, поскольку других обязательств у меня не было, принял их предложение.

Умфандо знал, что предложения Гильдии, по существу, являлись предписанием для космонавтов нижних чинов. Человек с таким положением, как Накамура, мог и отказаться. Но, возможно, именно безотказностью и завоевывается подобная репутация.

— Есть причины для беспокойства? — спросил он.

— Никогда нельзя быть уверенным. Величайшей человеческой ошибкой является ожидание. Человек, полностью освободившийся от напряжения и ожидания, готов ко всему, что бы ни стряслось: ему не надо выходить из неподходящего для той или иной ситуации состояния, а значит, он успевает вовремя среагировать.

— Ха! Наверное, всем штурманам следует вменить в обязанность освоить дзюдо.

— Не думаю, что в принудительном порядке можно по-настоящему освоить какую-либо науку.

Впереди Накамура увидел свой дом. Он стоял на краю города, полускрытый зарослями бамбука, привезенного с Земли. Накамура потратил уйму времени, чтобы привести территорию вокруг до-

ма в надлежащий вид; зато теперь многие из его гостей восхищаются красотой сада, что весьма любезно с их стороны. Он вздохнул. Привлекательный дом, хорошая верная жена, четверо подающих надежду детей, здоровье и успех… Что еще может пожелать себе непритязательный человек? Он признался себе, что его воспоминания о Киото подернуты дымкой забвения; ведь он еще ребенком покинул Землю. Безмятежный малолюдный Сарай, несомненно, предоставляет больше возможностей, чем их дает бедная, измученная Земля, этот людской муравейник, даже своим правителям. И все же иногда он просыпался по утрам под мелодичный перезвон храмовых колокольчиков Киото, звучавший в его ушах. Он остановился у входа.

— Не окажете ли нам честь зайти на чашечку чая? — спросил он.

— Нет, спасибо, — не совсем вежливо ответил Умфандо. — Вам с семьей надо… надо попрощаться. Я еще увижусь с вами, когда…

Небо неожиданно прочертил огненный сполох. На какое-то мгновение голубое пламя заставило померкнуть самого Иль-Хана. Болид с силой ударился об землю где-то в районе гор. Над израненными пиками ярко вспыхнуло пламя

неистовой энергии. Затем дым и пыль смешались в каком-то дьявольском водовороте, а мгновение спустя оглушительный гром прокатился по всей долине.

Умфандо свистнул:

— Вот это махина!

— А… да… очень необычно… да-да, — запинаясь, пробормотал Накамура. Словно в тумане, он поклонился, желая капитану доброй ночи, и с трудом удержал себя, чтобы сломя голову не побежать по дорожке под спасительную крышу. Он просто пошел, но пока он шел, его била дрожь.

«Это всего лишь метеорит, — словно обезумев, говорил он себе. — Всего лишь метеорит. Пространство вокруг гигантской звезды, тесной двойной — как Капелла, и особенно в окрестностях самой большой ее планеты, наверняка забито всяким космическим мусором. Каждый день миллиарды метеоров наносят удары по Сараю. Сотни из них прорываются к его поверхности. Но ведь Сарай, — сказал он себе, — такой же большой, как Земля. На Сарае есть океаны, пустыни, необитаемые прерии и леса… и еще на Сарае, как и на Земле, убьет скорее молния, чем метеорит, и… и…»

— *О, драгоценность в чаше лотоса!* — вскрик-

нул он. — *Я боюсь. Я боюсь черного солнца.*

Глава 4

Снова пошел дождь, но на Красне это никого не раздражает. В такую погоду здесь надевают легкие непромокаемые одежды и радуются каплям дождя на лицах, хоть ненадолго разгоняющего сгустившийся жаркий воздух. Тучи над головой постепенно редеют, и мокрая почва начинает тускло отсвечивать. Иногда разрывается даже самый верхний слой облаков, и тогда в этот прорыв, пронзая черно-синие тучи и серебристый дождик, от тау Кита устремляется ослепляющий красноватый луч.

Чанг Свердлов въехал в Динамогорск; сзади к его седлу был привязан рогатый зверь. Травля зверя оказалась опасным мероприятием: они мчались через стоячие болота и лишенные всякой растительности, неприветливые отроги хребта Царя Николая IV. Чанг отчаянно нуждался в доказательстве, подтверждающем правоту его слов: он всего лишь выезжал поохотиться. Мукерджи, начальник контрразведки, начал что-то подозревать, разрази его Бог.

Два солдата шли рядом по возвышающемуся

над дорогой тротуару. Дождь барабанил по их шлемам и целыми потоками низвергался вниз по дулам винтовок, повешенных через плечо.

По улицам, подобным Ревущей дороге, солдаты Земли обычно ходили по двое и вооруженные до зубов, готовые в любую секунду отразить нападение какого-нибудь красненского работника утопающего в грязи ранчо, или рыбака, шахтера, лесоруба, траппера,[6] в скандалах и драках на время забывающего весь ужас своего годами копившегося одиночества. Залив нутро водкой или рисовым вином по самое горло и прихватив с собой для большего удовольствия fille-de-joie[7] с начесом на голове, он, смутно подозревая, что с ним ведется нечестная игра, был способен стрелять из орудий своей ненависти при одном только взгляде на синеспинника.

Свердлов испытал удовольствие, плюнув на солдатские сапоги, мелькавшие где-то на уровне его головы. При таком ливне это осталось незамеченным. Особенно если учесть шум, толкотню, мигающие огни и раскаты грома над фронтонами городских зданий. Он причмокнул, понукая

---

[6] Примечания: 6
Охотник, ставящий капканы.

[7] Примечания: 7
Девушка для утех, проститутка (фр.).

свою ящероподобную клячу, и направил ее к середине раскисшей дороги, именуемой Ревущей. Сутолока на улице не внесла в его настроение заметного улучшения, скорее наоборот. «Доложусь, — подумал он, — и пойду выпрошу себе аванс в банке Гильдии, а уж потом наверстаю свои шесть недель. Буду куролесить так, что меня надолго запомнят все „веселые“ дома!»

Он свернул на проспект Тигров и остановился перед известным ему трактиром. Привязав своего ящера и кинув сторожу монету, он вошел в пивной бар. Как всегда, там было полно народу и все галдели одновременно. Он протолкнулся к стойке. Хозяин сразу узнал его: Свердлов был молодым человеком богатырского сложения, круглоголовый, коротко остриженный, с мясистым носом и маленькими карими глазами на рябом лице. Хозяин достал кружку с квасом, добавил туда водки и выставил на стойку. Он кивнул на потолок.

— Я скажу ей, что ты здесь, — сказал он и вышел. Свердлов оперся на стойку, держа кружку в одной руке, а другой поглаживая рукоятку пистолета. «Хотел бы я, чтобы наверху меня действительно ожидала одна из девушек, — подумал он. — Нужна ли нам эта дешевая мелодрама с

шифрами и паролями, да и вообще вся эта ячейковая организация?» Он внимательно оглядел комнату, бурлившую полуобнаженными людьми. Кто-то играет в шахматы, кто-то в карты, кто-то рассказывает сальный анекдот, кто-то хвастается, кто-то угодничает; там наблюдают за индийской борьбой, а вон там в углу начинается драка — и это его красняне! Навряд ли кто-то из них может быть платным соглядатаем Регента, и все же… Хозяин вернулся.

— Она здесь и ждет тебя, — осклабился он. Двое мужчин неподалеку от них похабно заржали. Свердлов опрокинул в себя содержимое кружки, раскурил одну из тех дешевых сигар, которым он оказывал предпочтение, и ринулся сквозь всю эту толпу к лестнице.

В конце коридора на четвертом этаже он постучал в дверь. Голос за дверью предложил ему войти. Комната оказалась совсем небольшой и безвкусно обставленной, зато окном она выходила на улицу, ведущую прямо к границе города, где совершенно неожиданно глазам открывалась какая-то нереальная, воздушная красота деревьев в радужном многоцветий. Сквозь редкий красненский дождь посверкивали молнии. Про себя Свердлов с презрением подумал: а есть ли на

Земле, у каждого ее порога, такие же джунгли и бесконечные просторы?

Он закрыл дверь и кивнул двоим мужчинам, сидевшим в ожидании. Он уже знал Ли Цуна, а вот сухощавый, похожий на араба парень был ему незнаком. Но их, тем не менее, и не думали представлять друг другу.

Ли Цун вопросительно поднял бровь.

— Все идет прекрасно, — проговорил Свердлов. — У них там возникли еще кое-какие затруднения — воздушные споры основательно подпортили им электроизоляцию, но мне думается, я нашел решение. Люди с Низины хорошо подкармливают наших ребят, нет и намека на то, что кто-либо выдал их. Пока нет.

— Речь идет о подпольном заводе по производству бомб? — спросил худой мужчина.

— Нет, — ответил Ли Цун. — Пора и тебе узнать об этих делах, тем более что сегодня ты покидаешь систему. Этот человек помогает контролировать нечто более важное, чем изготовление стрелкового оружия. Они там вовсю налаживают производство по выпуску межпланетных реактивных снарядов.

— Но для чего? — спросил незнакомец. — Ведь если Братство завладеет передатчиком материи,

то пройдут годы, прежде чем прибудет подкрепление из какой бы то ни было системы. У вас тогда будет достаточно времени, чтобы создать тяжелое вооружение. — Он вопросительно взглянул на Свердлова. Ли Цун кивнул. — К тому же, — продолжил худой мужчина, — мой отдел старается, чтобы вооруженные силы Протектората находились к нам не ближе самой Земли. И в случае одновременной революции на дюжине планет их звездолеты, возможно, достигнут тау Кита по меньшей мере через два десятилетия.

— Хм, — пробормотал Свердлов. Он опустился в кресло. Сигара в его волосатой руке Ткнула воздух по направлению к худому мужчине. — А вы никогда не думали, что эти земляне — не дураки? Передатчик материи для системы тау Кита уже там, на Луне Два. Наверняка. Мы или завладеем им, или уничтожим. Но неужели это *единственный* нуль-передатчик на всю округу?

Худой мужчина поперхнулся.

— Это не нашего ума дело, — пробормотал Ли Цун. — Чтобы сдерживать людей, достаточно уже одного священного трепета перед Землей. Но, по правде сказать, Регент — идиот, если на какой-нибудь маловероятной орбите нет хотя бы одного астероида с установленным на нем

сверхмощным передатчиком. И тогда уже через несколько часов после провозглашения независимости можно ждать в своих небесах появления флота противника. Мы должны быть готовы дать им отпор!

— Но… — произнес худой мужчина, — но это значит, что для подготовки потребуется больше лет, чем я думал. Я надеялся…

— Сорок лет тому назад в системе Центавра восстание было преждевременным, — прервал его Ли Цун. — Давайте никогда не забывать тот страшный урок. Вы что, хотите подвергнуться лоботомии?

На какое-то время все замолчали. По крыше барабанил дождь. Внизу на улице двое бродяг, судя по всему, только что вернувшихся с Нагорья, устраивали бой ящеров.

— Что ж, — произнес наконец Свердлов. — Я, пожалуй, пойду.

— О нет, тебе следует остаться, — сказал Ли Цун. — Предполагается, что ты сейчас у женщины. Разве ты забыл?

Свердлов нетерпеливо фыркнул, но послушно достал из кармана миниатюрную шахматную доску с комплектом фигур.

— В таком случае кто сыграет со мной блиц-

партию?

— Что, лавры победителя настолько притягательны? — спросил Ли Цун.

Свердлов выругался.

— Почти весь свой отпуск я охотился, продираясь сквозь кустарник и даже карабкаясь на вершину Царя, — сказал он. — Я на несколько недель уезжаю в Тово — или еще хуже, в Крымчак или в Купру, а то и в Белт; в Тово, по крайней мере, есть поселок. А может, даже на месяцы! Дайте хоть немного расслабиться.

— По правде сказать, — произнес Ли Цун, — следующее место твоего пребывания уже определено, и оно не совпадает ни с одним из упомянутых тобой. Оно находится за пределами системы. — Согласно образу-легенде, созданному для публики, он был мелким чиновником в Гильдии Астронавтов.

— Что? — Свердлов сыпал проклятиями целую минуту. — Ты хочешь сказать, что меня на месяц запрут в каком-то вонючем корабле, болтающемся среди звезд, и…

— Спокойно, спокойно, прошу тебя. Тебе не придется нести обычную одинокую вахту — из тех, что «на всякий случай». Эта будет гораздо интереснее — на *ХА* 463, «Южный Крест».

Свердлов задумался. В свое время он достаточно полетал на звездолетах, но никогда особенно не интересовался ими: для него они были частью нудной поденщины, одной из наименее привлекательных сторон жизни космонавтов. А однажды его очередное дежурство пришлось даже на тот период, когда к земному сообществу звездных систем подсоединяли новую систему, но и оно оставило его равнодушным. Планеты новой системы оказались ядовитыми преисподнями, и как только его дежурство окончилось, он поспешил вернуться домой, даже не дождавшись завершения работ по установке ретрансляционной станции — пусть дьявол хлебнет за него на ее торжественном открытии.

— Понятия не имею, о каком звездолете идет речь, — проговорил Свердлов.

— Он направляется к альфе Южного Креста. Или направлялся. Несколько лет тому назад робоконтроль, в обычном порядке анализируя фотографии, полученные приборами звездолета, выявил кое-какие расхождения. Главным образом, смещение некоторых звезд на заднем плане — по законам Эйнштейна о влиянии массы на прямолинейность световых лучей. При более тщательном изучении обнаружилось, что в том

направлении действует слабый источник длинных радиоволн. По-видимому, эти волны — не что иное, как предсмертные вздохи угасающей звезды.

Поскольку работа Свердлова была связана с атомным ядром, он не мог не возразить.

— Я так не думаю. Не исключено, что предсмертные вздохи, как ты выразился, могут быть высвобожденной в виде излучения гравитационной потенциальной энергией после того, как собственная топка звезды полностью исчерпала свои внутренние ресурсы. Но небесное тело, остывшее до такой степени, может излучать только на длинных радиоволнах... Я бы даже назвал этот процесс чем-то вроде турбулентного потока в том пространстве, что считается атмосферой. Считаю, что звезда не просто умирает — она уже *мертва.*

— Не знаю, — пожал плечами Ли Цун. — И думаю, что никто не знает. Экспедиция, о которой я говорил, и призвана ответить на подобные вопросы. От первоначальной цели — к альфе Южного Креста — на время отказались, притормозили корабль и направили его к черной звезде. Сейчас он уже на подходе к ней. Следующие вахтенные выведут его на орбиту и займутся предваритель-

ными исследованиями. И ты как инженер — в их составе.

Свердлов глубоко затянулся сигарой.

— Но почему я? — возразил он. — Я — межпланетник. Если не считать тех межзвездных вахтенных полетов — черт бы их побрал! — то я никогда не бывал за пределами таукитянской системы.

— Возможно, это и явилось одной из причин, почему избрали именно тебя, — ответил Ли Цун. — Гильдия не любит своих людей за их провинциальное мировоззрение.

— Еще бы, — усмехнулся Свердлов. — Мы, колонисты, можем отправляться путешествовать, куда нам заблагорассудится, но только не на Землю. Лишь наши товары попадают на Землю без специального на то разрешения.

— Тебе незачем вербовать нас в Братство Независимости, — сухо заметил худой мужчина. Свердлов стиснул зубы.

— На борту ведь будут и эти земляне, не так ли? Определить меня на тот же корабль, где есть земляне, чревато неприятностями. — Слова с трудом проталкивались сквозь узкую щель его враз отвердевших губ.

— Нет, ты будешь предельно вежливо и доб-

рожелательно сотрудничать, — резко возразил Ли Цун. — Были и другие причины твоего назначения. Не могу сказать тебе больше того, что говорю, но ты и сам можешь догадаться, что у нас есть единомышленники, даже члены нашего Братства, в самой Гильдии… на более высоком уровне, чем в ближнем космосе! Может быть, черная звезда даст нам кое-какие сведения с военной точки зрения. Кто знает? К примеру, что-нибудь о силовых полях или… Призови на помощь собственное воображение. От того, что на «Кресте» будет человек Братства, никому хуже не станет. Скорее наоборот. Доложишь мне, когда вернешься.

— Отлично, отлично, — проворчал Свердлов. — Полагаю, что месяц-другой смогу потерпеть этих землян.

— Вскоре ты получишь официальное предписание, — сказал ему Ли Цун. Он взглянул на часы. — Думаю, тебе уже можно бежать; у тебя ведь репутация мужчины, который, хм-м, быстро работает. Желаю хорошо провести время.

— И не болтай слишком много, когда напьешься, — добавил худой мужчина.

Свердлов задержался в дверях.

— Меня бы уже давно не было в живых, — отве-

тил он, — если бы я болтал.

Глава 5

Для всего личного состава экспедиции Отдел зарезервировал места в первом классе, что означало прямой беспересадочный перелет до Луны при нормальной силе тяжести.

Дэвид Райерсон, позабыв о напитке в руке, в задумчивости стоял у экрана.

— Знаете, а ведь я только два раза покидал Землю, — проговорил он. — Сегодня — третий. В прошлые два раза мы пересаживались на Сателлите и почти весь путь проделали в невесомости.

— Похоже, что было весело, — заметил Макларен. — Нужно как-нибудь попробовать.

— Вы… при вашей работе… вы, должно быть, часто бываете на Луне, — робко сказал Райерсон. Макларен кивнул:

— Обсерватория горы Амбарцумяна — на обратной стороне. Тем не менее небольшое количество пыли и газа нам, конечно, мешает, но я позволю чистюлям отправиться к спутнику Плутона и вернуть мне свои снимки.

— Но… Нет. Простите меня. — Райерсон качнул

своей белокурой головой.

— Продолжай. — Макларен, усевшись в шезлонг, который очертаниями сиденья похотливо повторял плавные изгибы человеческого тела, предложил тому пачку сигарет. Он считал, что хорошо знаком с подобным типом людей — серьезных, одаренных и амбициозных, но в благоговейном трепете взирающих на мишурный блеск ранга техна, который достается кому-то по наследству. — Смелее, — подбодрил он Райерсона. — Меня не так-то легко смутить.

— Я только хотел узнать… кто оплачивал все ваши рейсы… обсерватория или…

— Великие предки! Обсерватория! — Макларен запрокинул голову и рассмеялся искренним смехом человека, которому никогда не приходилось чего-либо серьезно опасаться. Звонкий смех заглушил тихую музыку, лившуюся с экрана. Звук задребезжал, а исполнительница стриптиза даже прекратила на мгновение раздеваться на своей сцене.

— Мой дорогой коллега, — сказал Макларен, — я не только оплачиваю стоимость перевозки своего бренного тела, но от меня еще ждут, чтобы я великодушно пожертвовал на возмещение расходов этого учреждения. Во всяком случае, —

добавил он, — мой отец именно этого и ждет от меня. Да и откуда, спрашивается, браться этим деньгам на теоретические исследования? Их, знаешь ли, невозможно выколотить налогами из простонародья. У них просто нет денег. На верхушку общества тоже надежды мало: их уже так зажали налогами, что дальше некуда. Можно сказать, просто выталкивают их к массам, живущим впроголодь. И поэтому Протекторат опирается на класс технов — обслуживая, но не оплачивая. Впрочем, это лишь в теории; на практике же большинство этих правителей вообще ничего не делает. Но как еще можно было бы поддерживать фундаментальную науку, если не частными финансовыми вливаниями? Слава Богу, за то, что Он вложил в людей эдакий инстинкт снобов; только благодаря этому и живы пока наука и искусство.

Райерсон испуганно оглянулся, словно ожидая, что их сию же минуту арестуют, и зашептал, осторожно присев на краешек кресла:

— Да, сэр, конечно же, я знаю. Просто я не очень хорошо… я был не совсем в курсе всей механики… финансирования.

— Да? Но как же так могло получиться, что у тебя такой пробел в знаниях? Ты ведь учился на ученого, не правда ли?

Райерсон отвернулся к иллюминатору, в котором была видна Земля. Сияние ее ореола, словно туман, наползало даже на самые дальние созвездия и приглушало их блеск.

— Сначала я учился на космонавта, — краснея, произнес он. — Но в последние два года я увлекся гравитикой и мне пришлось с головой уйти в постижение этой науки и… ну… еще я намеревался эмигрировать, так что меня не интересовало… Колонии нуждаются в специалистах. Возможности…

«Первопроходничество означает неограниченные возможности стать скучнейшим из обывателей, эдакой занудно квакающей лягушкой — при условии, что лужа местного масштаба будет достаточно мелка», — подумал Макларен. Но вслух он довольно вежливо спросил:

— Куда?

— На Рам. Третья планета Вашингтона-5584.

— Хм? Ах да. Вновь открытая звезда. Карлик класса *G0*. Послушай, а сколько до нее отсюда?

— Девяносто семь световых лет. Рам только что прошел пятилетний тест — его обследовали по всем параметрам. — Воодушевившись, Райерсон подался вперед и уже без прежней робости продолжал: — Как ни удивительно, сэр, но из

всех обнаруженных ранее планет Рам по своим характеристикам наиболее подходит к Земле. Биохимия настолько соответствует земной, что некоторые местные растения можно даже употреблять в пищу. Там есть климатические зоны, океаны, леса, горы, одна большая луна…

— И тридцать лет полной изоляции, — добавил Макларен. — Ничто не будет связывать вас со Вселенной, кроме голоса.

Райерсон снова покраснел.

— Разве это имеет большое значение? — вызывающе спросил он. — Да и что особенного мы теряем при этом?

— Думаю, ничего, — ответил Макларен. «Возможно, ваши жизни», — подумал он. — Помнишь фантомную чуму на Новом Кашмире? Или ваших детей — на Гондване обнаружился вирус, вызывавший мутации. Пять лет — не так уж много, чтобы как следует изучить планету. Тридцать лет карантина — это минимальный срок, особенно если учесть, что цифра взята произвольно. К тому же, несомненно, существуют и более заметные глазу грозные явления природы. Бури, землетрясения, трясины, вулканы, метеориты. Кумулятивные отравления. Дикие звери. Не вызывающие подозрений полуразумные абори-

гены. Необычность чужой среды, одиночество, сумасшествие. Поэтому не удивительно, что колонии, которым удалось выжить, развивают собственную культуру. И не удивительно, что они начинают думать о Земле как о паразите, пользующемся плодами их собственного, поднадоевшего им героизма. Несомненно одно: у Земли, с ее десятью миллиардами населения и огромной территорией некогда пахотных, а теперь абсолютно бесплодных из-за радиации земель, практически нет выбора.

«Но мне бы очень хотелось знать, почему вообще продолжается эмиграция? Уроки были жестокими, так почему же тогда здравомыслящие люди — как этот юноша, к примеру, — отказываются воспользоваться ими?»

— Ну хорошо, — сказал он вслух. Он дал знак официанту. — Подзаправьте-ка нас, да побыстрее.

Райерсон невольно позавидовал той непринужденности, с которой его собеседник оформил заказ, и не удержался, чтобы не спросить:

— А вы всегда добираетесь до Луны первым классом? Захватив губами новую сигарету, Макларен чиркнул зажигалкой и улыбнулся; от его улыбки сигарета поднялась торчком.

— Думаю, да, — ответил он. — Я всегда путешествовал по жизни первым классом.

Корабль развернулся кормой к Луне и стал двигаться задним ходом, пока наконец не произвел посадку в порту Тихо; ни напитки, ни пассажиры при этом маневре не пострадали. Макларен сразу перестроился на лунную гравитацию, а Райерсон, сильно побледнев, проглотил таблетку. Но даже в этот момент, когда ему было плохо, Райерсона угнетала мысль, что ему еще предстоит пройти через галерею к монорельсовой станции. Пассажирам третьего класса предписано смиренно выносить извечные бюрократические издевательства: соблюдать правила безопасности, стоять в очередях, определяться с местом проживания. На этот раз прошло всего несколько минут, а он уже снова удобно устроился на мягких диванных подушках и глядел в прозрачный кристалл окна, любуясь гордым величием гор, увенчанных острыми пиками.

Когда поезд тронулся, Райерсон сцепил пальцы рук. Он боялся, и страх этот был выше его. Не сразу, но он все же разобрался в причине подобного чувства: призрак отцовского Бога, величаво и с достоинством проповедующий с надгробия, которое воздвиг сын.

— Давай поедим, — предложил Макларен. — Я нарочно выбрал именно этот поезд. Он идет не так быстро, и мы как раз успеем получить в пути удовольствие от еды. Шеф-повар всю душу вкладывает в приготовление устриц в тесте.

— Я не… не голоден, — запинаясь, произнес Райерсон. На смуглом, украшенном крючковатым носом лице Макларена промелькнула усмешка.

— Для этого, парень, и существуют коктейли и закуски. Так что набивай желудок. Если правда то, что я слышал о рационе в глубоком космосе, то нам придется помучиться месяц-другой.

— Вы хотите сказать, что никогда не летали на звездолетах?

— Конечно, нет. Никогда в жизни не залетал дальше Луны. Да и зачем мне заниматься подобной чепухой?

Макларен столь стремительно направился в вагон-ресторан, что плащ за его спиной взметнулся, словно пламя. Под переливающейся белой туникой вырисовывались ноги, мускулистые и безволосые, а ниже виднелись высокие кожаные ботинки на шнуровке; на голове надменно красовался лихо заломленный берет. Райерсон, в своем сером комбинезоне космонавта, уныло плелся позади. На душе у него было горько. «Ка-

кого черта я потащился сюда и бросил Тамару? Да разве этот павлин разбирается в чем-нибудь? Он нанялся в этот рейс, чтобы просто развлечься, вот и все; чтобы ненадолго отдохнуть от вина и женщин… а Тамара сейчас отрезана на какой-то скале от всего мира, а рядом это самодовольное старое животное, которое трясется от злости при одном упоминании ее имени!»

Они сели за столик, и Макларен продолжил:

— Но от возможности поучаствовать в этой экспедиции грех отказываться. В прошлом году я подыскал себе смирного математика и поручил ему как следует разобраться в уравнении Шредингера — я имею в виду вариант релятивистской теории Сигумото. Юэнь теоретически допускает как раз то, что мне по вкусу — и даже слишком по вкусу. Тем не менее он решил уравнение с величинами, предполагаемыми у черной звезды: плотность массы, сила гравитации и так далее. Полученные им результаты заставили нас обоих задать себе вопрос: а не переходит ли подобное небесное тело в совершенно новую стадию дегенерации в самом ядре? Один гигантский нейтрон? Звучит, наверное, слишком фантастично. Но допустим…

И по мере того как монорельсовый поезд увле-

кал их дальше и дальше к Обратной стороне, Макларен, развивая свою теорию, все больше увлекался, перейдя с интерлингвы на язык математических терминов. Райерсон внимательно следил за математическими выкладками — порой Макларен даже испещрял формулами меню, но функция, которую он исследовал, была Райерсону неизвестна. Графически она выглядела замкнутой пространственной поверхностью и при определенных условиях сводилась к обобщенному тензору. Двумя часами позже, когда Райерсон вышел из поезда на Обратной стороне, голова его гудела.

Он уже слышал о циклопических сооружениях в кратере Юкава; полностью заполонив внутреннее пространство кратера, они расползались по равнине за его пределами. Да и кто не слышал об этом? Но все, что он увидел в этот свой первый приезд на Луну, было лишь огромным вокзальным вестибюлем, заполненным множеством одетых в форму специалистов, и длинным покатым туннелем. Не скрывая разочарования, он робко заикнулся об этом Макларену.

— Совершенно верно, — кивнул новозеландец. — Залив в полуденных лучах солнца намного романтичнее, чем прыжок на пятьдесят све-

товых лет; да и представление о проделанном расстоянии там совсем другое — как-то больше впечатляет. А уж о том, что на заливе более красивый пейзаж, и говорить не приходится. По-моему, космические путешествия чересчур превозносят. Да и сами космонавты, насколько я слышал, предпочитают межпланетные перелеты, а свои безрадостные вахты в межзвездном пространстве воспринимают как неизбежную обязанность и несут их по очереди.

Туннель, по которому они шли, временами разветвлялся, и постоянно то тут, то там встречались указатели переходов на альфу Центавра, тау Кита, эпсилон Эридана, на все давно освоенные и заселенные системы. Переходы предназначались для пассажиров, отправка же грузов шла по другим каналам. Ни в одной из этих галерей особой суматохи не чувствовалось. Немногие земляне имели возможность вылететь за пределы Солнечной системы по делам бизнеса, еще меньше могло позволить себе такое путешествие ради удовольствия. Колонистов здесь практически не было: за исключением тех, кто прибыл сюда с согласия земной администрации, а свое согласие она давала очень и очень неохотно. Регенту и без того хватало забот, и он не собирался наживать

себе новые. Ставить метрополию с ее миллиардами неспокойного населения под удар новых идей, рожденных под новыми звездами, или позволять колонистам воочию убедиться, в каком подчинении от Земли они находятся, не входило в его планы, и он препятствовал этому, как мог. Вот что было истинной причиной запрета, о чем знал каждый образованный обитатель Земли. Что же касается неграмотного большинства населения, то оно принимало на веру все официальные, довольно туманные оправдания со ссылками на торговую политику.

Галереи к переходам на Сириус, Процион и другие неколонизированные системы были почти пустынны. С этих систем было нечего взять — разве что какой-нибудь случайный самоцвет или редкий химический продукт. Их использовали в основном для установки ретрансляционных станций — с целью дальнейшей переброски людей на более полезные планеты.

В груди Райерсона вдруг гулко забилось сердце — он проходил мимо недавно установленного указателя: стрелка и выше — светящаяся надпись ПЕРЕХОД НА ВАШИНГТОН-5584. В том туннеле скоро будет тесно, буквально на следующей неделе!

Ему бы следовало быть там. И Тамаре. Ну да ладно, эта эмиграционная волна — не последняя. Его проезд уже оплачен, и поэтому он спокойно прошел мимо к следующей секции.

Чтобы не молчать, он, несколько принужденно, произнес:

— А где же переборки?

— Какие? — рассеянно спросил Макларен.

— Аварийные. Приемное устройство, хоть это и маловероятно, но может отказать. Поэтому здесь так много всяких сооружений и каждая звезда имеет свой нуль-передатчик. Нуль-переброска расходует неимоверное количество энергии — это одна из причин, почему передача материи дороже перелета на звездолете. Даже незначительное приращение неизлученной энергии может расплавить всю нуль-камеру.

— Ах, это! Ну да. — Макларен не стал говорить, что все это ему хорошо известно — пусть поважничает! Парню хочется хоть как-то поддержать себя, не дать себе раскиснуть. Что же его все-таки гложет? Когда Отдел предлагает зеленому юнцу должность в экспедиции первостепенной важности — такой, как эта… Она, конечно, расстроила эмиграционные планы Райерсона. Но не слишком. Даже если он опоздает на несколько недель,

ничего страшного не случится. Вряд ли все лучшие участки на Раме окажутся занятыми: если на то пошло, еще мало людей могут позволить себе оплатить проезд.

— Понимаю, о чем ты, — произнес Макларен. — Да, переборки здесь есть, но они углублены в стены и замаскированы. Кому же хочется подталкивать платежеспособных покупателей к мысли о возможной опасности? Какой-нибудь техн может разнервничаться и учинить скандал.

— Настанет время, — сказал Райерсон, — когда люди сократят потребление необходимой энергии и вместо изготовления трубок Франка научатся воспроизводить их. Записать образец и затем по нему воссоздавать, пользуясь банком памяти. Тогда каждый сможет позволить себе оседлать световые лучи. Межпланетные корабли, даже воздушные и наземные транспортные средства, выйдут из употребления.

Макларен промолчал. Иногда он размышлял — так, между делом — по поводу нереализованных возможностей нуль-транспортировки. Трудно сказать, как обернется для человека его личное бессмертие — хорошо или плохо. Но в том, что оно не для всех, сомнений быть не может! Только для немногих избранных — таких, как Теранги

Макларен. Иначе говоря, стоит ли волноваться? Даже подарив нам корабли, шахматы, музыку, драму ногаку,[8] красивых женщин и превосходные спектроскопы, жизнь может стать нам в тягость.

Что же касается нуль-передач, то вся трудность — а следовательно, и затраты — исходит из сложности сигнала. Взять хотя бы взрослого человека. В нем содержится порядка 10*14* клеток, каждая из которых — сложнейшая структура, включающая в себя огромное количество протеинов. А те, в свою очередь, состоят из миллионов молекул. Приходится сканировать каждую из этих молекул: определить ее структуру, зафиксировать ее энергетические уровни на данный момент и установить истинные пространственно-временные взаимоотношения с каждой другой молекулой. И все это проделать — насколько позволяют законы физики — практически одновременно. Нельзя разбирать человека на части или вновь собирать его дольше чем за несколько микросекунд — он просто не перенесет этого. Если же задержаться, то не стоит даже надеяться на перемещение хотя бы вполне узнаваемого бифштекса.

---

[8] Примечания: 8
Ногаку (или но) — классический японский театр.

Поэтому сканирующий луч, словно энергетический клинок, многократно пронзает человека. На своем пути он не пропускает ни одного атома и, преобразуясь при этом, мгновенно переносит это преобразование на матрицу нуль-передатчика. С другой стороны, такой бешеный темп приводит к распаду. Сканируемый объект переходит в газообразное состояние, причем так быстро, что за этим процессом можно наблюдать только с помощью осциллоскопа. Газ всасывается в деструкционную камеру и затем, разложенный там на атомы, скапливается в банке памяти. В надлежащее время он примет вид прибывающего пассажира или прибывающего груза. В известном смысле человек умер.

Если суметь записать сигнал, который входит в матрицу передающего устройства, то такую запись можно было бы хранить целую вечность. Даже по прошествии тысячи лет можно будет воссоздать человека с его памятью, мыслями, привычками, предрассудками, надеждами и чувствами любви, ненависти и страха, которыми он обладал на момент записи. Можно было бы воспроизвести даже миллиард идентичных людей. Или, что еще целесообразнее, воплотить в жизнь искусственный прототип, единственный

в своем роде, по которому можно сотворить хоть миллиард копий-близнецов. Так что Небытие окажется выгоднее какой-то пригоршни грязи.[9] Или еще так… наложить отпечатки образцов нейронных клеток, заключающих в себе всю память, весь жизненный опыт человека на запись его двадцатилетнего тела, и это будет означать его второе рождение и бессмертие!

И все-таки сигнал чересчур усложнен. Ученые разрабатывают целые программы в этом направлении, но результаты пока неутешительны. Через несколько столетий в ученом мире, может, и найдут какой-нибудь хитрый способ, с помощью которого можно будет записать человека или хотя бы трубку Франка. Ну а пока нуль-транспортировка и сканирование должны проходить одновременно. К примеру, сигнал уходит. Возможно, его передают несколько раз. Рано или поздно он попадает в принимающее устройство желаемой нуль-камеры. Матрица принимающего устройства, питаемая распадающимися атомными ядрами, за считанные микросекунды сжимает газовое облачко, формирует более сложные элементы, далее — молекулы, клетки и

[9] Примечания: 9

Намек на библейское создание человека из земного праха (Бытие, 2, 7).

все образы, запечатленные в сигнале. При этом происходит огромное потребление энергии. Ведь энергия слипания частиц, помогающая воссоздавать человека (или бифштекс, или звездолет, или товары с колониальных планет), в гравитационном и магнитном полях гасится. И вот воссозданный человек покидает приемную нулькамеру и отправляется по своим делам.

«Моноизотопный элемент довольно прост для записи, — напомнил себе Макларен, — даже несмотря на то, что требует уйму транзисторных элементов. Поэтому современная цивилизация может позволить себе быть расточительной по отношению к металлам: например, использовать чистую ртуть для создания тяги в звездолетах. И все же мы пока едим хлеб, производимый человеком в поте лица своего».

В который раз, но без особого возмущения — жизнь ведь так коротка, чтобы тратить ее на что-то, не связанное с высмеиванием рода человеческого — Макларен спросил себя, а так ли уж трудна проблема записи, как утверждают физики. Революций не любит ни одно правительство, а молекулярное дублирование так революционизировало бы общество, что никто и представить бы себе не смог. Подумать только, что и без того

приходится охранять станции и ограждать их здесь, на Луне… в противном случае даже и сегодня какой-нибудь фанатик может выкрасть из больницы трубку с радием и продублировать его достаточное количество раз, чтобы хватило на стерилизацию планеты!

— Ну что ж, — негромко произнес он.

Они подошли к специальному смотровому отсеку и проследовали в контору. Здесь им предстояло испытать на себе все прелести бюрократической волокиты. Райерсон предоставил Макларену улаживать их дела и, пока тот был занят, пытался осмыслить, что образец, которым является он сам, вскоре будет материализован в заново сформированных атомах в ста световых годах от Тамары. Постигнуть это было невозможно. Слова оставались только словами.

Наконец их бумаги были должным образом оформлены. Приемопередатчики, установленные на звездолетах, могут обслуживать несколько сот килограммов за один раз, поэтому Макларен и Райерсон вошли вместе. Им пришлось немного обождать, так как аварийные выключатели на «Южном Кресте» оказались заблокированными: кто-то другой, опередив их, только что отбыл или, наоборот, прибывал.

— Смотри сейчас в оба, — сказал Макларен. — Это — чудо.

— Что? — Райерсон, прищурившись, непонимающе взглянул на него.

Цепь замкнулась. Ощущений не было: технологический процесс шел слишком быстро, чтобы они успели появиться.

Сканирующее устройство послало свой сигнал в матрицу. Матрица наложилась на несущую волну. Но подобная терминология — обычный сленг, заимствованный из электроники. Не может быть «волны», если нет скорости, а у силы тяжести ее нет. (Это наиболее точное толкование общепринятого утверждения, что «гравитация распространяется с бесконечно большой скоростью».) Внутри термоядерной топки вспухали невообразимые энергии; ими ничто не управляло — ничто и не могло управлять ими, кроме генерируемых ими самими силовых полей. Материя пульсировала, переходя из состояния существования qua[10] материи как таковой в состояние полного распада и опять в состояние существования — от частицы к кванту гамма-лучей и обратно. Поскольку кванты не имеют

---

[10] Примечания: 10
В качестве (лат.).

остаточной массы, эти пульсации, согласно законам механики Эйнштейна, нарушали геометрию пространства. Правда, незначительно — ведь гравитация действует слабее, нежели магнетизм или электричество. Если бы не эффект резонанса, сигнал затерялся бы в фоновых «шумах», не успев пройти и нескольких километров. Впрочем, сигнал поддерживали многочисленные ретрансляторы, установленные на всех парсеках пути, пока матрица на «Кресте» не восприняла его и не отреагировала соответствующим образом. Однако время, в известном смысле, стояло на месте, и ни один уважающий себя математик не назвал бы «луч» лучом. И все-таки это был сигнал, единственный сигнал, — как признают физики, специализирующиеся в теории относительности, — перемещающийся быстрее света. Впрочем, на самом деле он не *перемещается* — он просто *есть.*

Райерсон предусмотрительно проглотил таблетку, но все равно у него было такое ощущение, будто из-под ног уходит земля. Он ухватился за поручень. Остаточное изображение передающей нуль-камеры перетекло в катушки и блоки принимающего устройства на звездолете. Райерсон невесомым облачком газа парил в миллиарде

триллионов километров от Земли.

Глава 6

Перед выходом из нуль-камер — или «над» ними во время ускорения — находился топливный отсек, за ним — гироскопы и установка для регенерации воздуха. Далее надо было пройти через обсервационный отсек, где теснились многочисленные приборы и лабораторное оборудование. Непрочная на вид стенка шахты для прохода отделяла производственное отделение от жилого. В шестиметровый круг были втиснуты откидные койки, кухня, ванная, стол, скамейки, полки и запирающиеся на замок рабочие шкафчики, по одному на каждого.

Сейки Накамура одной ногой обхватил стойку, чтобы как-то зафиксировать себя в потоке воздуха, и, подчиняясь неписаному правилу, листал вахтенный журнал. Это дало возможность остальным успокоиться. Светловолосый юноша — Дэвид Райерсон — похоже, особенно нуждался в этом. Астрофизик, Макларен, достиг необычайных успехов в искусстве приятного времяпрепровождения. Попыхивая отнюдь не дешевой земной сигаретой, он морщил свой

аристократический нос, не привыкший обонять запах пота, кухонного чада и машинного масла, за двести лет пропитавшего старый корабль насквозь. Инженер Свердлов — высокий и некрасивый молодой человек крепкого сложения — просто угрюмо смотрел. Ни одного из них Накамура никогда прежде не встречал.

— Что ж, джентльмены, — произнес он наконец. — Простите меня, но я должен был ознакомиться с записями, оставленными последним штурманом. Теперь мне примерно известно состояние дел на сегодня. — Он рассмеялся, и в его смехе прозвучали нотки учтивого самоосуждения. — Все вы, конечно, знакомы с пунктами устава. Штурман является капитаном. В его обязанности входит вести корабль туда, куда пожелает ведущий ученый — в данном случае это доктор Макларен-сан, — но в пределах безопасности, по его собственному решению. В случае моей смерти или недееспособности командование кораблем возлагается на инженера, э-э… Свердлова-сан, и вам следует вернуться домой как можно скорее. Да-с-с. Но я уверен, что наша совместная экспедиция будет приятной и поучительной во всех отношениях.

Он почувствовал, как банально прозвучали

его слова. На тот случай, если в составе экипажа не было членов Гильдии, существовал закон — и закон мудрый, по которому полагалось в первую очередь привлечь всеобщее внимание к основному документу. Некоторые штурманы довольствовались тем, что вслух зачитывали устав, но Накамуре эта процедура казалась какой-то бездушной. Вот только — он заметил растерянный и полный тоски взгляд Райерсона, снисходительный — Макларена, в глазах Свердлова пылало гневное нетерпение — его попытка наладить дружеские отношения потерпела крах.

— Обычно мы не придерживаемся строгого соблюдения всех правил и норм, — несколько натянуто продолжал он. — Мы составим график дежурств по домашнему хозяйству и будем друг другу помогать, так? Хорошо. Об этом чуть позже. Что же касается звезды, то от предыдущих вахт у нас есть кое-какие предварительные данные и подсчеты. По всей вероятности, масса этой звезды в четыре раза превышает массу Солнца; ее радиус — едва ли больше двух земных или чуть меньше. Излучение улавливается только на низких радиочастотах, и то слабое. У меня здесь расшифровка спектрального анализа — вас это может заинтересовать, доктор Макларен.

Высокий смуглый человек протянул за листком руку. Его брови удивленно приподнялись.

— Вот так так, — произнес он. — Это самое странное сочетание длин волн, какое я когда-либо видел. — Наметанным взглядом он пробежался по колонке с цифрами. — Тут, кажется, уйма триплетов.[11] Но линии получаются такими широкими, судя по допустимым погрешностям, что я не могу сказать наверняка без более тщательного… хм-м… — Он снова взглянул на Накамуру. — Где мы сейчас относительно этой звезды?

— Приблизительно в двух миллионах километров от ее центра тяжести. Нас притягивает к ней, поскольку мы пока не вышли на орбиту, но нашей радиальной скорости вполне достаточно, чтобы…

— Не волноваться. — Софизм слетел с губ Макларена, словно туника с плеч. — Хотелось бы подойти к звезде как можно ближе, — с юношеским пылом добавил он. — На какое, по-вашему, расстояние от нее вы смогли бы подбросить нас?

Накамура улыбнулся. Он почувствовал, что с Маклареном поладить можно.

---

[11] Примечания: 11
Тройная спектральная линия.

— Слишком тесное сближение неразумно. Наверняка возле звезды полно метеоритов.

— Но только не возле этой! — воскликнул Маклорен. — Если постулаты физики — не видения, порожденные мескалином,[12] то всякая мертвая звезда является выгоревшими углями сверхновой. Любое вещество, оказавшееся на орбите в непосредственной близости от нее, давным-давно превратилось в облако раскаленного газа.

— Атмосфера? — с сомнением переспросил Накамура. — Поскольку там смотреть нечего, кроме звездного света, то звездный воздух нам бы вполне подошел.

— Хм. Да. Полагаю, какая-то атмосфера там есть, хотя ее слой навряд ли будет толстым: уж слишком велика сила сжатия. Я даже думаю, что радиофотосфера, по которой предыдущие вахты установили диаметр звезды, должна практически совпадать с внешним краем атмосферы.

— А кроме того, если мы приблизимся к звезде слишком близко, то нам понадобится колоссальное количество реактивной массы, чтобы вырваться из зоны ее притяжения, — добавил Накамура. Отстегнув от пояса особую логариф-

---

[12] Примечания: 12
Наркотик, галлюциноген.

мическую линейку, он быстро посчитал. — Итак, нашему кораблю не удастся вырваться в том случае, если расстояние до звезды будет намного меньше трех четвертей миллиона километров; при этом учитывается, что для последующего маневрирования следует оставить приемлемое количество реактивной массы. Я уверен к тому же, что вам захочется исследовать и более отдаленные от звезды области, да-с-с? Тем не менее я охотно пойду на сближение с ней.

Макларен улыбнулся:

— Прекрасно. Когда будем на месте?

— По моим подсчетам, через три часа, включая время, чтобы занять орбиту. — Накамура вгляделся в лица присутствующих. — Если все готовы приступить к несению дежурства, то лучше отправляться в намеченный путь прямо сейчас.

— Что, даже не выпив сначала чаю? — проворчал Свердлов. Накамура кивнул Макларену и Райерсону.

— Вы, джентльмены, приготовьте, пожалуйста, чай и сандвичи и примерно через девяносто минут принесите их инженеру и мне.

— Но позвольте! — возмутился Макларен. — Мы только что прибыли. Я не успел даже взглянуть на свои приборы. Мне нужно установить…

— Через девяносто минут, будьте так любезны. Отлично. А теперь — все по местам.

Накамура отвернулся, не обращая внимания на внезапно вспыхнувший гнев в глазах Макларена и широкую ухмылку Свердлова. Он вошел в шахту и, цепляясь за перекладины, стал с трудом подниматься. Сквозь прозрачный пластик он увидел, что обсервационный отсек остался внизу. Следующим был шлюпочный отсек, за ним шли уровни с набитыми доверху складами. Миновав их, он оказался в последнем отсеке — командной рубке.

Она представляла собой совершенно прозрачный пластиковый пузырь. Сейчас он был расчехлен, и ослепительный блеск звезд холодным потоком беспрепятственно вливался вовнутрь, делая ненужным дополнительное освещение. Подплывая к пульту управления, Накамура только теперь почувствовал, как здесь тихо. Такое удивительное безмолвие. Такое бессчетное количество звезд. Отсюда созвездия выглядели совсем по-другому — какими-то перекошенными, а некоторые и вовсе чужими. Он вгляделся в бездонную глубину мерцающего космоса, пытаясь отыскать Капеллу, но массивный остов корабля загораживал ее. Да и не было смысла разглядывать свое

солнце без телескопа — отсюда, с самой кромки изведанного, где кроме них не было ни единой живой души. Им овладел страх перед холодной, равнодушной пустотой. Все сильнее и сильнее он сжимал его в своих тугих объятиях. Накамура смог заглушить этот страх только работой, давно уже ставшей привычной для него: первым делом он привязал себя к пульту оператора компьютера, один за другим проверил приборы, переговорил со Свердловым, который находился в самом низу корабля — на противоположном конце шахты. Дробно отстучав на клавиатуре расчеты, он отдал автомату узкую бумажную ленточку с результатом и почувствовал слабый толчок: проснувшиеся гироскопы начали разворачивать корабль, готовя его к включению тяги. Разогнавшись когда-то до скорости, равной половине световой, и сбросив ее до пары сотен километров в секунду, «Крест» даже сейчас нес в себе несколько тонн реактивной массы ртути. Его общая масса, включая корпус, оборудование и пассажиров, составляла немногим более килотонны. Массивным гироскопам понадобилось целых полчаса, чтобы полностью развернуть корабль.

Внимательно наблюдая за видеоэкранами, он

ждал. Все, что замечали его глаза сквозь прозрачный пластик рубки, он мог увидеть и на обратном пути. Информация на видеоэкранах была сейчас намного важнее. Но черного солнца не было видно. «А чего же ты еще ждал? — сердито спросил он себя. — Оно наверняка заслоняет собой несколько звезд, но их слишком много».

— Доктор Макларен, — сказал он в переговорное устройство, — вы мне можете дать радиопеленг цели — для контроля?

— Есть! — последовал угрюмый ответ. Вынужденный заниматься всей этой кухонной чепухой, Макларен кипел от негодования. Куда с большим удовольствием он бы занимался спектральными анализами, снимал бы показания ионоскопа, забрасывал бы в свои анализаторы образцы газа и пыли — с каждого сантиметра пути. Что ж, значит все это придется делать, когда они лягут на обратный курс.

Видеоэкраны давали Накамуре возможность обозревать весь корабль сверху донизу, как если бы он смотрел на него из космоса. «Старый, — подумал он. — Время стерло следы даже самого народа, построившего этот корабль, а плод их труда остался. Добротная работа. Вещи переживают своих создателей. Хотя интересно: что останется

от тех фигурок из слоновой кости, которые когда-то вырезал мой отец, чтобы украсить наш дом? Что мог бы создать мой брат, прежде чем угас на моих руках? Нет!» Он разом отключил саму мысль об этом — словно хирург, прижимающий вену, — и стал вспоминать, что он знает о кораблях класса «Лебедь».

Сферический корпус их корабля, сделанный из армированного самоуплотняющегося пластика, имел в поперечнике пятьдесят метров. Гладкая внешняя поверхность корпуса нарушалась лишь люками, иллюминаторами, шлюзами и тому подобным. Параллельными переборками корабль разделялся на различные отсеки. В кормовой части, диаметрально противоположной рубке, корпус раскрывался сопловым отверстием. На расстоянии тридцати метров друг от друга из сопел на сто метров в длину тянулись два каркаса из тонкого металла, похожие на радиомачты или старинные буровые вышки. Оба каркаса включали в себя два ряда колец диаметром в пару сантиметров, а дополнительная арматура с несущей ажурной конструкцией скрепляла их воедино. Это были ионные ускорители, встроенные в гравитационную приемопередаточную сеть, которая одновременно служила им опорой.

— Будьте любезны, инженер Свердлов, — произнес Накамура. — Десятисекундная проверка двигателя на включение.

Приборы выявили определенный дисбаланс в распределении массы внутри корпуса. Юсуф бин Сулейман, только что закончивший вахту на борту корабля и вернувшийся на Землю, небрежно отнесся к… нет, было бы несправедливо так думать… скажем так: он имел свой стиль кораблевождения. Накамура включил компрессоры, и ртуть из топливного отсека стала перетекать в балластные баки.

Вскоре корабль выправил крен, и можно было снова начинать торможение.

— Объявляю готовность к пуску двигателя… Доложите… Необходимо выйти на одну целую семьдесят пять сотых *g*, чтобы… — Накамура отдавал команды на одном дыхании, проговаривая их почти автоматически.

Корабль содрогнулся от грохота. Ощущение внезапно навалившейся силы тяжести было равносильно удару кулаком в живот. Накамура, скованный привязными ремнями, расслабился; двигались только его глаза, да еще палец, время от времени касавшийся панели управления. Секрет дзюдо, как и секрет жизни, заключался в том,

чтобы каждая часть организма не напрягалась, а наоборот, чувствовала себя непринужденно, за исключением определенных тканевых структур, без которых немыслимо выполнение той или иной сиюминутной задачи. Но почему же осуществить это было так дьявольски трудно?

Через компрессоры и трубы, мимо приборного щитка, за которым сидел Свердлов, мимо защитной стенки, преграждающей выход радиации, ртуть подавалась в расширитель. Оттуда она проходила через ионизатор и затем, в виде распыленной струи, мимо термоядерного сердца корабля, где, как и на солнце, вовсю бушевала плазма. Короче говоря, каждый атом испытывал на себе ярость мезонов, под воздействием которых он расщеплялся и его масса превращалась в чистую энергию, а та, в свою очередь, сразу же разбивалась на пары протон-антипротон. Магнитные поля разделяли эти пары, как только те зарождались; и частицы — как положительные, так и отрицательные — устремлялись в линейные ускорители. Плазма, превращая распад материи непосредственно в электричество, одно за другим заряжала кольца на ускорителях — каждое потенциалом на порядок выше. Из последнего кольца частицы вылетали со скоростью,

равной трем четвертям световой.

При такой скорости истечения не требуется большого количества реактивной массы. По этой же причине двойной поток, выбрасываемый ускорителями, был невидим: слишком велика была скорость. Чувствительные приборы смогли бы, наверное, обнаружить далеко-далеко позади корабля бледное пятно, подсвеченное гамма-излучением, что объяснялось начавшимся слиянием противоположно заряженных частиц, но это уже не имело значения.

Весь этот процесс буквально пожирал энергию. Иначе и не могло быть. В противном случае избыточное тепло, выделяемое при распаде атомов, попросту испарило бы корабль. Плазма выделяет энергию, чтобы ее расходовать. Вообще этот процесс намного сложнее, чем его краткое описание и вместе с тем намного проще, чем может себе представить любой инженер, освоивший какую-нибудь нехитрую отрасль своего ремесла.

Накамура внимательно следил за показаниями приборов, полностью подтверждавшими его предварительные расчеты. «Крест» приближался к черной звезде по сложной спирали — равнодействующей нескольких скоростей и двух векторов ускорения. В конечном итоге кривая становилась

почти круговой орбитой с радиусом обращения 750 000 километров.

Накамура совсем забыл о времени и очнулся, только когда молодой Райерсон вскарабкался к нему по перекладинам шахты.

— О! — воскликнул он.

— Чай, сэр, — произнес юноша.

— Спасибо. Э-э… поставьте его там, пожалуйста… инструкция запрещает входить в рубку во время работы двигателя без разрешения… Нет, нет. Прошу вас! — Накамура, смеясь, махнул рукой. — Вы же не знали. Никто от этого не пострадает.

Он увидел, как Райерсон, ссутулившись под более чем полуторной силой тяжести, поднял отяжелевшую голову к незнакомым звездам. Млечный Путь окутал свои спутанные волосы холодным ореолом.

— Вы впервые за пределами Солнечной системы, да? — мягко спросил Накамура.

— Д-да, сэр. — Райерсон облизал губы. Взгляд его голубых глаз несколько туманился, словно не мог сосредоточиться на чем-то более близком, нежели Млечный Путь.

— Не… — Накамура запнулся. Он чуть было не сказал «Не бойтесь», но эта фраза могла бы

обидеть юношу. — Космос — прекрасное место для созерцательных размышлений — медитации, — сказал он, подыскав наконец нужные слова. — Это слово, разумеется, не раскрывает полностью сути явления. «Медитация» в дзен-скорее попытка отождествления себя со Вселенной, чем просто размышления, выражаемые словами. Я хочу сказать следующее, — попытался он пояснить свою мысль. — В глубоком космосе некоторые чувствуют себя такими беспомощными и ничтожными, что им становится страшно. Другие же, памятуя о том, что дом есть не что иное, как шаг из космоса в нуль-передатчик, становятся беспечными и заносчивыми; космос для них — всего лишь набор ничего не значащих цифр. Обе линии поведения ошибочны и уже привели к человеческим жертвам. Но если представлять себя частью всего прочего — неотъемлемой частью, — то те же силы, какие творят солнца, находятся и в вас… понимаете?

— Небеса провозглашают славу Божью, — прошептал Райерсон, — а небесная твердь являет собой Его творение… Страшно впасть в руки Бога живого!

Он не слушал, что говорил ему Накамура, а тот не понимал по-английски. Штурман вздохнул.

— Думаю, вам лучше вернуться в обсервационный отсек. Вы можете понадобиться доктору Макларену.

Райерсон молча кивнул и стал спускаться в шахту.

«Я проповедую неплохую идею, — сказал себе Накамура. — Но почему я сам не могу применить на практике то, о чем говорю? Потому что с неба на Сарай упал камень, и в один миг не стало ни отца, ни матери, ни сестры, ни дома. Потому что Хидеки умер у меня на руках — после того как Вселенная случайно покалечила его. Потому что я никогда больше не увижу Киото, где каждое утро наполнялось хрустальными звуками колокольчиков. Потому что я — раб самого себя.

И все же иногда, — подумал он, — я обретаю покой. И только в космосе».

На одном из витков спирали его корабль развернуло так, что черное солнце отошло от Млечного Пути; и в этот момент Накамура увидел звезду на видеоэкране. Это было крошечное пятнышко абсолютно черного цвета. Через некоторое время оно увеличилось. Хотел бы он знать, неужели звезда действительно чернее самого неба. Чепуха. По идее, она должна отражать звездный свет, разве не так? Но какого цвета металлический

водород? Какие газообразные вещества прикрывают этот металл? Космическое пространство, особенно здесь, нельзя было назвать абсолютно черным: звезду окружало легкое туманное облачко. Так что вполне допустимо, звезда может быть чернее неба.

— Нужно спросить Макларена, — пробормотал он сам себе. — Он сможет определить меру черноты, очень даже просто, и сказать мне. А размышлять о понятии абсолютной черноты и о том, что чернее ее, наверное, бесполезно. — Эта мысль привела его в дурное расположение духа, и мышцы сразу напряглись. Неожиданно для себя он почувствовал, как устал. Но ведь он всего лишь сидел и нажимал на кнопки. Он налил себе чашку обжигающего чая и, громко прихлебывая, с удовольствием выпил.

Все ниже и ниже. Накамура впал в состояние почти полной прострации. Корабль настолько приблизился к звезде, что та выглядела не намного меньше Луны, если на нее смотреть с Земли. Она быстро увеличивалась в размерах, но еще быстрее вырастала на видеоэкранах, расположенных по периметру рубки. Теперь она была такой же большой, как Батый — при его максимальном приближении к Сараю. Мгновение — и

она переросла Батыя. Кровь Накамуры запульсировала в новом ритме. Где-то в глубине души он чувствовал, что полностью слился с кораблем, с силовыми полями, с потрясающим взаимодействием сил. Вот почему он снова и снова выходил в космос. Он тронул рычаги ручного управления, помогая автоматам, корректируя их. Движения его были удивительно слаженны, их гармония ощущалась органически. Это был танец, мечта, уступающая и управляющая; это было полное отречение от «я», нирвана, покой и целостность…

Огонь!

Страшной силы удар обрушился на Накамуру, вгоняя голову в плечи. Лязгнули зубы, и он почувствовал, как из прикушенного языка закапала кровь. В стенах рубки перекатывался грохот.

Ничего не понимая, Накамура уставился на экраны. До черной звезды оставался еще миллион, или сколотого, километров. Она находилась почти на первом градусе широты по меридианной сетке, как бы отрезанная от чужого безымянного созвездия. Самый кончик конструкции с ионными ускорителями раскалился добела. Прямо на глазах Накамуры ажурная конструкция скручивалась и корчилась, словно пальцы агонизирующего человека, и обращалась в пар.

— *Что происходит?* — из машинного отделения рвались крики ужаса. Сжимавшие Накамуру тиски внезапно ослабли, и вес начал быстро падать — да так, что Накамура почувствовал дурноту. Он заметил, что ускорители продолжают стремительно разрушаться. Накамура скосил глаза на основной мегамперметр. Стрелка опустилась за частокол цифр. Значит, четыре кольца из самого дальнего ряда уже разрушены. Тут же, на его глазах, съежилось следующее кольцо.

Еще ничего не произошло, но Накамура понял, что причиной всему — звезда, которая, дотянувшись до корабля своей исполинской рукой, сжимала и скручивала его.

Металл, испаряясь, улетучивался в пространство. Перестав получать добавочные порции ртути, ядерный организм гневно протестовал. Грохочущее эхо металось между сотрясающимися переборками отсеков.

— Отключить! — крикнул Накамура и с силой ударил по основному выключателю.

Сразу стало тихо, и пришла невесомость — словно на этот корабль ступила смерть.

Из обсервационного отсека донесся чей-то голос. Накамура, не расслышав, о чем тот говорит, машинально подрегулировал переговорное

устройство, чтобы устранить помехи.

— Инженер Свердлов, — позвал он. — Что случилось? Вам известно, в чем дело?

— Нет. Нет. — Послышался стон. Хорошо уже и то, что человек, по крайней мере, был жив. — Похоже, что ионные потоки… каким-то образом… отклонились. Фокусирующие поля сдвинулись. Выплеск энергии ударил по кольцам — но это же невозможно!

Накамура вцепился в свои привязные ремни. «Я не буду кричать, — внутренне закричал он. — Я не буду кричать».

— Схемы передатчика, кажется, тоже вышли из строя, — хриплым голосом ржавой машины, использовавшей его горло, сообщил Накамура. Среди звезд, прямо за прозрачным пластиком рубки, всплыло мертвое лицо его брата, строившее ему гримасы.

— Да. — Свердлов, видимо, склонился над своими видеоэкранами. Спустя некоторое время в переговорном устройстве звякнуло. — Его еще можно починить, — прохрипел Свердлов. — На всех кораблях обычно имеются запчасти — на случай столкновения с метеоритом или… В общем, отремонтируем передатчик и уберемся отсюда как можно скорее.

— Сколько времени уйдет на ремонт? Живее!

— Откуда мне знать? — разъяренным драконом прорычал Свердлов. И добавил: — Мне нужно выйти наружу и как следует все осмотреть. Поврежденные секции необходимо отрезать. Возможно, кое-какие детали понадобится обрабатывать на станке. Если повезет, мы все сделаем за несколько часов.

Накамура молчал. Он разрабатывал кисти рук, сложив их вместе — сила на силу. Затем он занялся медленным дыханием, затем повращал головой, чтобы расслабились мышцы шеи, и начал созерцать состояние покоя — столько, сколько потребуется. И покой пришел. В конце концов, смерть его маленького эго не так ужасна, но при условии, что упомянутое эго воздержится от желания хотя бы еще раз подержать на руках свое Детище-сан.

Почти не отдавая себе отчета, он нажимал на кнопки компьютера. Его догадка подтвердилась, и это нисколько не удивило его.

— Куда вы пропали? — звал Свердлов, словно прорываясь сквозь века. — Куда вы пропали, штурман?

— Здесь. Прошу прощения. Так вы говорите, что на ремонт контура уйдет несколько часов? Да за

это время — при нашем свободном дрейфе — мы просто врежемся в эту звезду.

— Что? Но мы же *на* орбите! Возможно, не совпадающей с центром, но…

— Это совершенно не то, что надо. Наша внутренняя радиальная скорость все еще слишком велика. Если бы эта звезда была только точкой, нам бы не грозила опасность; но она имеет объем. По моим подсчетам — хотя в этом вопросе есть еще много неясностей, — наша нынешняя орбита пересекается со звездой. Думаю, что смогу вывести корабль на более безопасную орбиту, прежде чем неизвестная сила — что бы это ни было — окончательно разрушит ускорители. Да.

— Но вы сожжете их! А заодно и передатчик! Мы загубим его так, что и вовек не починишь!

— Возможно, как только займем орбиту, что-нибудь смастерим на скорую руку. Но если мы будем просто падать, можно считать себя мертвецами.

— Нет! — чуть ли не завизжал Свердлов. — Послушайте, может, мы сумеем вовремя починить передатчик. Может, эта работа займет у нас всего лишь пару часов. Это наш шанс. Но зацепиться за нужную орбиту с расплавленным или обращенным в пар передатчиком… да вы хоть знаете, как изготовить такую штуку из необработанного

металла? Я не знаю!

— У нас на борту есть специалист по гравитике. Если кто и может соорудить нам новый нуль-передатчик, так это он.

— А если не сможет, то мы окажемся здесь в ловушке! Чтобы умереть с голоду? Да уж лучше сразу разбиться и не мучиться!

Пальцы Накамуры пустились в пляс по клавиатуре. Он запрашивал показания приборов, компьютерные расчеты, но не трогал автопилот. Потому что ни одна машина не сможет управлять судном, чей двигатель разрушает чья-то неведомая, непредсказуемая сила. Такую задачу смог бы выполнить только человек.

— Но капитан здесь я, — произнес он как можно мягче.

— Уже не капитан!

Накамура с силой ударил по основному выключателю.

— Я только что отключил вас от цепи управления, — сказал он. — Пожалуйста, оставайтесь на своем посту. — Он включил переговорное устройство в обсервационном отсеке. — Не будут ли так любезны двое уважаемых ученых задержать инженера, чтобы тот не помешал штурману?

Глава 7

Чанг Свердлов был вне себя. На мгновение глаза застлала черная пелена ярости.

Придя в себя, он обнаружил, что видеоэкраны все еще показывают картину разрушения. Звездный свет тускло отсвечивал на хрупком переплетении приемопередаточного контура и двух комплектах колец, которыми он удерживался. На самом краю ярко рдел расплавленный металл. Словно обезумевшие светлячки бешено вращались вокруг него брызги. По ту сторону скрученных и сгоревших деталей конструкции к холодному голубому сверканию мириадов звезд в звездных скоплениях катились, словно под откос, световые годы. Мертвое солнце было едва различимо — просто кружок матовой черноты, и этот кружок, казалось, распухал прямо на глазах. Был то обман зрения или нет, но Свердлов ощущал противное тянущее чувство страха: он боялся падения и страшился невесомости.

Еще с детских лет его не пугало отсутствие силы тяжести. Курсантом он был непревзойденным в своей компании мастером по части проделок,

связанных со свободным падением. Он и еще двое его напарников славно повеселились в те дни. Но чтобы вот так быть отрезанным от дома — с ним еще никогда не случалось. Красна всегда находилась на расстоянии межпланетного перелета или межзвездного прыжка, не больше.

И этот ходячий справочник, так называемый штурман, еще хочет уморить их с голоду, чтобы спасти свой никчемный корабль?

Свердлов отстегнул привязные ремни. Одним прыжком перемахнув на другой конец крохотного пункта управления и протиснувшись между трубами, колесами и циферблатами отсека топливной подачи, он подошел к инструментальной полке. Выбрав длинный гаечный ключ, он помчался к шахте. Клокотавшая в нем ярость отлилась в форму твердого решения: «я не хочу убивать его, но лишь принудить принять мои доводы. И чем скорее, тем лучше, иначе мы действительно разобьемся!»

Свердлов как раз огибал нуль-камеру, когда торможение возобновилось. Он поднимался, как обычно: хватался за перекладину над головой и своим невесомым телом подтягивался вверх. И вдруг на него обрушились сразу две единицы земной гравитации.

Он судорожно сжал пальцы на одном из поперечных брусьев. Рука напряглась, удерживая на себе сто девяносто килограммов, но долго она так выдержать не могла. Пальцы разжались. Свердлов, выпустив гаечный ключ, ухватился за брус правой рукой, просунув ее между перекладиной и стенкой шахты. Рывок со страшной силой ударил его по бицепсам. Он тут же схватился за перекладину левой рукой. Теперь он висел на обеих. Инженер слышал, как ключ, падая, задел кожух гироскопа и, скользнув по нему вниз, зазвенел об экран, служивший защитой от остаточной радиации.

Тяжело дыша, он нащупал ногой нижнюю перекладину и на минуту расслабился. Правая рука онемела, и лишь потом в ней стала просыпаться боль. Он согнул пальцы. Ничего не сломано.

Ему следовало сейчас сидеть в своем кресле, пристегнутым к нему привязными ремнями. Возможно, в расчеты Накамуры входят рывки в десять-пятнадцать гравитационных единиц — при условии, что поврежденные ускорители смогут еще вынести такие нагрузки. Свердлова вдруг прошиб страх от реальной возможности оказаться размазанным по переборке. Он стал карабкаться по перекладинам наверх. Мучитель-

ное восхождение можно было сравнить разве что с передвижением мухи в патоке. Через тысячу лет он прорвался наконец в жилой отсек.

Макларен сидел на одной из коек.

— Ни шагу дальше. Пожалуйста, — произнес он. Перегрузка резко возрастала. Свердлов ощущал ее свинцовую тяжесть на своих плечах. Он шагнул к шахте.

— Нет! — вскричал Райерсон. Но его опередил Макларен, который, стряхнув с себя привязные ремни, с трудом добрался до шахты. Смуглое лицо блестело от пота, но Макларен улыбался.

— Ты не слышал, что я сказал?

Что-то буркнув, Свердлов снова вошел в шахту и обеими ногами встал на перекладину. «Я еще успею добраться до того пузыря и собственными руками задушить Накамуру». Макларен выжидал подходящий момент. И когда Свердлов начал подтаскивать свою ногу к следующей перекладине, насмешливо добавил:

— Когда техн приказывает сесть, ты садишься на четвереньки… колонист. Свердлов замер.

— Что такое? — медленно переспросил он.

— Я мог бы запросто выволочь тебя оттуда — ты, неотесанная свинья, — сказал физик, — но я предпочитаю, чтобы ты сам вышел ко мне.

Испытывая странное саднящее чувство грусти, Свердлов спросил себя, с какой стати он снизошел до ответа. Разве тявканье какого-то землянина так уж существенно? Ему пришло в голову, что Макларен, чего доброго, воспользуется своим обещанием подняться за ним в шахту, но при такой чудовищной перегрузке драка на перекладинах может окончиться плачевно для обоих. Следовательно… Ум Свердлова был, видимо, таким же крепким, как и его кости. Он выбрался обратно из шахты в обсервационный отсек и, с трудом сохраняя равновесие, встал на ноги.

— Ну? — спросил он.

Макларен скрестил на груди руки.

— Иди-ка ты лучше на койку, — посоветовал он. Свердлов неуклюже двинулся на него. Через тонкую мерцающую ткань туники землянин выглядел достаточно мускулистым, но массы в нем было, пожалуй, меньше килограммов на десять. К тому же ростом он явно не дотягивал до макушки краснянина — не хватало нескольких сантиметров, — да и руки у него были покороче. Пара стремительных ударов тут же выведет его из строя, и можно еще будет успеть остановить Накамуру.

— Готовься, — хрипло проговорил Свердлов.

Макларен убрал с груди руки. С его лица не сходила широкая спокойная улыбка. Свердлов качнулся вперед, посылая удар прямо в орлиный клюв. Но голова Макларена ушла от удара. Одновременно Макларен схватил Свердлова за руку и использовал прием жесткого рычага. Свердлов задохнулся от боли. Напрягшись, он высвободился из мертвой хватки и послал удар в ребра. Макларен перехватил кулак, что есть силы рубанув краем ладони по внешней стороне запястья Свердлова. Удар был такими мощным, что Свердлову даже почудился хруст костей. Противники стояли вплотную друг к другу. Свердлов замахнулся другим кулаком. Макларен ткнул его в пах. Краснянин согнулся от боли. И тогда Макларен начал молотить по нему, как по барабану. Свердлов упал на одно колено. Макларен ударил его ногой в солнечное сплетение. Свердлов опрокинулся и тяжело грохнулся на пол, придавленный тройной перегрузкой.

В звенящей темноте, мерно колыхавшейся перед его глазами, он услышал голос землянина: «Помоги мне с этой тушей, Дэйв». И затем почувствовал, что его волокут по полу, каким-то непостижимым образом взваливают на койку и привязывают.

Он пришел в себя. Пульсирующая боль пронизывала все тело. Он попытался сесть.

— Значит, вот как дерутся земляне, — шевельнул он распухшими губами.

— Не люблю драться, — отозвался со своей койки Макларен, — потому я и окончил нашу стычку как можно быстрее.

— Ты… — Краснянин приподнял несуразно тяжелые руки и начал возиться с привязными ремнями. — Я иду в рубку. Если ты и на этот раз попытаешься задержать меня…

— Слишком поздно, коллега Свердлов, — невозмутимо заметил Макларен. — Какое бы событие ты ни пытался предугадать, оно уже практически произошло, а повернуть время вспять невозможно.

Эти слова окончательно добили Свердлова.

— Но… да, — произнес инженер. — Я слишком опоздал. — И тут же взорвался криком: — Мы все слишком опоздали!

— Угомонись, — сказал Макларен. — Если честно, то твое поведение не дает оснований доверять твоему мнению по любому из вопросов.

Корабль сотрясся от грохота. Этого не должно быть, мелькнуло в голове Свердлова — уж он разбирался в этом. Даже с полной нагрузкой

двигателю полагалось работать практически бесшумно, а с частичной, как сейчас, тем более. Кожа его покрылась мелкими бисеринками пота. Впервые за свою бурную жизнь он в полной мере осознал, что может умереть.

— Прости меня, — проговорил Макларен. — Я должен был остановить тебя, но сейчас я только могу принести свои извинения.

Свердлов не ответил. Он невидяще уставился на потолок. Странно, но первое, что он ощутил после того, как улеглась его ярость, было чувство безграничной печали. Теперь он никогда не увидит Красну свободной.

Глава 8

Тишина и невесомость были по-сказочному таинственны. Сам не зная почему, Макларен приглушил свет люминесцентных ламп во всем обсервационном отсеке. В сумеречном свете горбившиеся на полках и стендах научные приборы казались стадом длинношеих чудовищ. Теперь ничто не мешало звездам свободно изливать свое холодное стальное сияние через незашторенный иллюминатор.

Та звезда стремительно влетела в поле его зрения. Имея эксцентричную орбиту, «Крест» оборачивался вокруг звезды за 37 минут.

Сейчас, при максимальном сближении со звездой, корабль отстоял от нее всего на полмиллиона километров. Ее видимый диаметр составлял три полных Луны. Внешние очертания звезды выглядели чрезвычайно размытыми: абсолютная чернота центра приобретала по краям темно-серый оттенок. Здесь звездный свет встречался с атмосферой черного солнца, сжатой более беспощадным давлением, нежели океанская пучина Земли. Если глядеть на звезду в телескоп, то на ее

черном фоне, казалось, проглядывали всякие черточки, крапинки, полосы и пятна, отливающие не то чтобы другим цветом, но каким-то намеком на цвет — слишком неуловимый, чтобы сказать о нем определенно… как будто на поверхность остывшего солнца все еще отбрасывают свои тени давно отгоревшие протуберанцы.

«У полюсов она совершенно сплющена, — напомнил себе Макларен. — Знай мы об этом раньше, все могло быть по-другому. Взять тот же радиоспектр: теперь-то я понимаю — когда уже слишком поздно, — что линии действительно являются триплетами, а их расширение означает доплеровское смещение».[13]

Тишина угнетала.

В помещение медленно вплыл Накамура. Зависнув в воздухе, он застыл в спокойном ожидании.

— Ну как? — спросил Макларен.

— Он все еще снаружи — осматривает ускорители и контур, — ответил Накамура. — Никак не хочет признать, что надежды нет.

---

[13] Примечания: 13

Х. Доплер установил, что свет, испускаемый звездой, удаляющейся от нас, смещается к красному концу спектра, а приближающейся — к фиолетовому, поэтому каждая спектральная линия вращающегося тела расширяется тем больше, чем выше скорость вращения.

— Я тоже, — сказал Макларен.

— Вся конструкция практически разрушена. Пятьдесят метров от нее бесследно исчезли, остальная часть — расплавлена, скручена, замкнута накоротко… Каким-то чудом вся эта груда металла еще дает слабый выплеск энергии, так что я могу хотя бы занять орбиту. — Накамура вежливо засмеялся. Макларен подумал, что такое неестественное извиняющееся хихиканье может скоро надоесть тем, кто не воспитывался среди подобных символов. — Кое-какие запчасти у нас есть, но их не так уж много.

— Что-то, наверное, можно изготовить и здесь, — заметил Макларен.

— Возможно, — сказал Накамура. — Но дело, разумеется, даже не в самих ускорителях. Единственным способом попасть домой является восстановление контура. Что говорит по этому поводу наш молодой человек, Райерсон?

— Не знаю. Я послал его проверить декларацию корабельного груза, а затем взглянуть на то барахло, которым в действительности набит корабль. Он ушел уже давно, но…

— Понимаю, — произнес Накамура. — Молодым нелегко встретить смертный приговор.

Макларен кивнул с отсутствующим видом и

перевел взгляд на исписанные листки в его руке с распечаткой данных. Через минуту Накамура откашлялся и сконфуженно произнес:

— Э-э… приношу свои извинения… за ту историю с инженером Свердловым…

— Ну? — Макларен не отрывал взгляда от цифр. Его хладнокровия хватило бы и для новой победы. «Все дело в том, — думал он, заглушая биение молоточков в висках, — что я труслив. Теперь, когда от меня ничего не зависит и мне остается только безучастно ждать своего приговора — жить мне или умереть… я прихожу к заключению, что Теранги Макларен — трус».

У него перехватило горло — словно там застрял огромный ком величиной с кулак.

— Я не в курсе, что… э-э… произошло, — запинаясь, произнес Накамура, — да и не хочу этого знать. Надеюсь, вас не слишком затруднило…

— Нет, все в порядке.

— Если бы мы смогли молча проигнорировать это. Насколько я понимаю, он предпринял попытку помешать мне. И у лучших из нас бывают моменты срыва.

«Я всегда знал, что однажды наступит день, когда придет конец белым парусам над зеленой волной, вину, маскам ногаку и женскому смеху.

Но так скоро я не ожидал».

— В конце концов, — сказал Накамура, — нам теперь работать вместе.

— Да.

«Я не ожидал, что это произойдет в ста световых годах от отчего дома. Вся моя жизнь прошла в развлечениях, а теперь я вижу, что черное солнце вовсе не намерено забавлять меня».

— Вам уже известно, что произошло? — спросил Накамура. — Я не тороплю вас с ответом, но…

— О да, — ответил Макларен. — Известно. Под сваленными в одну кучу песнями и яхтами, романтическими приключениями, шутками и победами, которые больше ничего для него не значили, но которые всегда останутся с ним, Макларен обнаружил свой удивительно ясный рассудок, четко выполняющий свои функции.

— Не убежден, должны ли мы посвящать в такие подробности других, — сказал Макларен. — Потому что этого могло и не случиться, если б мы были осмотрительнее.

— Я тоже подумывал об этом, — Накамура снова издал смешок. — Но кому бы пришло в голову искать опасность рядом с… с трупом?

— Широкие спектральные линии говорят о значительной скорости вращения звезды, — сказал

Макларен. — Поскольку корабль не приближался к экваториальной плоскости, приборы не смогли зафиксировать полный эффект Доплера, но нам следовало бы хорошенько подумать. А тройные линии означают расщепление Зеемана.[14]

— А! — Накамура с шумом втянул в себя воздух. — Магнетизм?

— Самое что ни на есть мощное магнитное поле, которое когда-либо замечалось у небесного тела, — заметил Макларен. — Судя по показаниям, зафиксированным приборами уже здесь, величина полярного поля составляет… о, пока не могу сказать. Пять, шесть, семь тысяч гаусс[15] — где-то так. Потрясающе! Индукция Солнца составляет всего лишь 53 гаусса. Для звезд она никогда не превышает 2000.[16] За исключением поля нашей звезды.

Он потер подбородок.

— Эффект Блеккетта. — Спокойная уверен-

---

[14] Примечания: 14

Зееман (голландский физик, 1865–1943) открыл явление расщепления спектральных линий под действием внешнего магнитного поля.

[15] Примечания: 15

Единица измерения магнитной индукции.

[16] Примечания: 16

Андерсон ошибается, хотя и ненамеренно. К моменту написания романа еще не было известно, что индукция магнитного поля альфа Гончих псов может достигать 5000 гаусс. (Примеч. ред.)

ность, с которой он произнес эти слова, приятно удивила его самого. — Магнитное поле напрямую связано с угловой скоростью. Причиной, по которой ни одно живое солнце не имеет такого поля, как у здешней мертвечины, является то, что ему пришлось бы вращаться чересчур быстро. Такая нагрузка не прошла бы ему даром: его просто разнесло бы на куски, а куски расшвыряло бы ко всем чертям — досталось бы и преисподней, и нам на завтрак. — Есть какое-то странное, извращенное чувство покоя в словах, произносимых не задумываясь: ложь самому себе, убеждающая подсознание, что его компаньонами являются не обреченные люди и черное солнце, а сексапильная девушка, ожидающая очередной остроты в таверне Цитадели. — После того как звезда полностью выгорает, она как бы охлопывается, и тогда вынуждена кружиться еще быстрее, понимаете? Сохранение углового момента. Похоже, он был необычайно велик с самого начала, но скорость вращения является, главным образом, результатом ее вырожденного состояния. А та самая сверхплотность позволяет ей вертеться с такой неприличной поспешностью. Можно, наверное, сказать, что сопротивление разрыву неизмеримо больше.

— Да, — проговорил Накамура. — Понимаю.

— Я тут кое-что подсчитал, — добавил Макларен. — В действительности нас не могло разрушить даже очень сильное поле. Мы прекрасно защищены от его воздействия. Но любой космический корабль на ионной тяге становится… индуктором в магнитной цепи с контуром обратной связи. Элементарно. Разумеется, такие огромные корабли, как наш, не предназначались для посадки на какой-либо из планет. Они, скорее всего, никогда и не приблизятся к живому солнцу так близко, как мы; а что касается вероятности существования подобного ненормального магнетизма у этого черного карлика… что ж, никто и никогда не задумывался над этим. Он пожал плечами:

— Смотрите сами, капитан Накамура. Возьмем хорошо известную формулу связывающую *H, e и V.* Протон, движущийся по стометровой трубе на трех четвертых с, отклоняется полем в семь сотых гаусса на один сантиметр. Разреженный, но чрезвычайно активный поток ионизированного газа ударил по самому дальнему кольцу ускорителя. Если я правильно запомнил значение газовой постоянной, то температурный эквивалент такой скорости должен соответствовать трем

триллионам, или что-то вроде того, градусов по абсолютной шкале. Чем ближе мы подходили к звезде, тем больше усиливалось поле вокруг нас, а следовательно, ионы все больше отклонялись и одно за другим выбивали кольца.

Конечно, — усталым голосом закончил Макларен, — все эти величины — всего лишь приближенные, поскольку мы прибегли здесь к обычной алгебре. Но так как мы пересекаем магнитное поле под углом, то для того, чтобы получить ясную картину о случившемся, нам потребуется векториальное дифференциальное уравнение. Можно попробовать заменить мои цифры, используя коэффициент пять или шесть. Но я думаю, что моя версия все-таки дает общее представление.

— Да-с-с, — произнес Накамура. — По-моему, тоже. Из сумрака отсека, паря бок о бок в воздухе, оба смотрели на пронзительно яркие звезды.

— Знаете, — сказал Макларен, — есть один грех, за которым неизбежно следует наказание и который поэтому должен являться самым смертным грехом из всех, какие только существовали во все времена. Это глупость.

— Не совсем с вами согласен. — Ответ Накамуры слегка покоробил Макларена. — Я знал

многих — как бы лучше назвать их? — лишенных мыслительных способностей людей, которые жили счастливо и с пользой для общества.

— Я говорил не об этом виде глупости. — Макларен едва сдержался, чтобы не фыркнуть. — Я имел в виду нашу собственную разновидность. Вашу и мою. Нам следовало тогда остановиться и продумать ситуацию, прежде чем кидаться сюда сломя голову. Я ведь хотел приближаться к звезде медленнее и во время этого медленного продвижения снимать показания приборов, а вы распорядились мною по-своему.

— Мне стыдно, — сказал Накамура и, опустив голову, спрятал лицо в ладонях.

— Дайте закончить. Мне бы следовало прийти сюда, хорошенько продумав всю программу. Тоща я не объяснил вам наглядно, почему *нельзя* так поспешно занимать ближнюю орбиту. Я только выразил свое недовольство тем, что вы не захотели дать мне время прочитать показания приборов, пока идем к звезде. Руководствуясь имевшейся у вас информацией, вы были вправе… О, черт возьми! Я поднял этот вопрос только для того, чтобы вы знали, каких тем следует избегать в разговоре с нашими товарищами по несчастью — а их, очевидно, тоже можно обвинить в

недомыслии. Мы не можем позволить себе ссориться. — Макларен почувствовал, что его губы складываются в некое подобие ухмылки. — Во всяком случае, я не заинтересован в этом. Мой интерес чисто прагматический: я хочу убраться отсюда!

Из-за перегородки, отделяющей жилой отсек от производственного помещения, появился Райерсон. Макларену он сначала показался тенью. Но по мере приближения к нему Макларен смог разглядеть на юном лице неестественно блестящие глаза и трясущиеся губы.

— Что ты обнаружил, Дэйв? — Вопрос сорвался с его губ прежде, чем он успел подумать. Райерсон отвел взгляд.

— Мы не можем его сделать. У нас недостает запасных частей, чтобы заработал… контур… мы не можем, — запинаясь, произнес он.

— Я знал это, — сказал Накамура. — Конечно. Но у нас есть инструменты и станки. В хранилище лежат бруски металла, которому мы можем придать любую нужную нам форму. Вопрос только в том…

— Откуда достать четыре килограмма чистого германия? — взвизгнул Райерсон. Стены отозвались насмешливым эхом. — Может, внизу, на

той звезде?

Глава 9

Свердлов, меньше всего похожий на человека в своем неуклюжем громоздком скафандре, первым вышел через шлюз машинного отделения. Когда Райерсон следом за ним ступил на корпус корабля, ему на мгновение показалось, будто привычный мир вдруг ушел у него из-под ног и он остался один в этом враждебном человеку космосе.

У него перехватило дыхание. Мимо стремительно проносились огромные чужие звезды. С другой стороны притаилась знакомая ему сплошная чернота, чуть тронутая неясными матовыми пятнами. Райерсон взмахнул рукой, пытаясь ухватиться за что-нибудь реальное. Из-за этого движения он оторвался от корабля и, раскручиваясь, стал падать на мертвую звезду. Он даже не успел испугаться. Вызывая мучительный прилив тошноты, вокруг него бешено завертелось колесо из смешавшихся друг с другом черных пятен и сверкающих бликов, и сам он как неотъемлемая часть колеса, распятый на его центре, вращался вместе с ним. В ушах гудело. Он не взял бы на себя

смелость утверждать, что не кричит сейчас.

Страховочный трос рывком остановил его, и Райерсон стал медленно подплывать к кораблю. Наушники неожиданно задребезжали от язвительного голоса Свердлова: «В следующий раз так не вздрагивай, землянин». У Райерсона появилось ощущение более целенаправленного движения, словно краснянин стал подтягивать его за трос.

Отдельные фрагменты черноты стали приобретать для Райерсона определенный смысл. Округлая тень перед ним — это, конечно, корпус корабля. Выступ на нем… ну да, это же одно из креплений дополнительного бака. Основной расход массы, необходимый для достижения половины скорости света, равен 4,35 — формулы теории относительности предпочтительнее ньютоновского экспоненциала, — а для торможения полученный результат возводится в квадрат. «Крест» покинул Солнечную систему с полными баками ртути — по одному с каждой стороны. Оттуда ртуть подавалась в топливный отсек. Много позже опустевшие контейнеры разобрали на части и складировали на борту.

Он с трудом заставил себя не думать о таком уютном, таком приятно упорядоченном мире

технических данных. Вокруг корпуса корабля и повсюду на *x* миллиардов световых лет от него лежали звезды. Ближайшие к нему — а их было несметное количество — вспыхивали и переливались, и пронзали его своими острыми взглядами. Их изрезанные очертания не походили на те, которые Райерсон привык видеть с Земли. Изменились даже такие узнаваемые созвездия, как Стрелец; Райерсон воспринимал его как нечто призрачное, похожее на лицо его жены — такое же расплывающееся и исчезающее. Более далекие звезды незаметно сливались с Млечным Путем — единственным компактным скоплением, перекинувшимся через все небо; от него шел самый мертвенный свет во всей видимой Вселенной. Еще дальше, за пределами огромного пространства в миллион световых лет, можно было бы увидеть еще больше солнц — сразу по несколько миллиардов, — образующих бело-голубые спирали других галактик.

Толчок неприятно отдался в ногах Райерсона. Он стоял прямо. Подошвы его ботинок немного прилипали к пластику корпуса, тем самым помогая ему сохранять вертикальное положение. Легкого вращения корабля хватало как раз на то, чтобы заставить небо медленно проплывать

перед его глазами. От этого у него возникло смутное чувство, будто он висит вниз головой; и он подумал о привидениях, являющихся на свет Божий и похожих на летучих мышей, которые с писком носятся в ночном воздухе. Райерсон отыскал глазами Свердлова. Громоздкие очертания его фигуры в защитном скафандре казались такими уродливыми и вместе с тем такими основательными, что Райерсон готов был заплакать от благодарности.

— Ну ладно, — проворчал краснянин. — Пойдем. Тщательно выверяя каждый шаг, они двинулись за изгиб корабля. Длинные тонкие отрезки конструкции, прикрепленные у каждого за спиной, вибрировали, отзываясь на их осторожную поступь. Подойдя к решетке, выступающей из кормы, Свердлов остановился.

— Покажу тебе фокус, — сказал он. — Свет в вакууме не рассеивается, так что даже рядом бывает затруднительно разглядеть тот или иной предмет, а поэтому… — Рукой в перчатке скафандра он сильно сжал небольшой пластиковый мешок. Оттуда вырвался яркий сноп огня, и плотный туман, окружавший их, расступился перед натиском света. — Это тяжелая органическая жидкость. Образует капельки, которые часами

висят поблизости, прежде чем разложатся. Ну и что ты думаешь о приемопередаточном контуре?

Райерсон неловко наклонился и начал с усердием вглядываться. Через несколько минут он наконец откликнулся:

— Все именно так, как вы докладывали. Думаю, контур починить можно. Но большую часть деталей нам придется перенести на борт — возможно, расплавить их или, по крайней мере, снова обработать на станке. А еще нам понадобятся совершенно новые сегменты взамен тех, что испарились. Хватит ли у нас для этого брусков металла?

— Надеюсь, да. Что дальше?

— Дальше… — Райерсона прошиб пот. Из подмышек по телу скатывались частые капли. — Понимаете, я гравитик, а не инженер по нуль-транспортировке. Физик, очевидно, будет не самой лучшей кандидатурой для конструирования мостов; точно так же и мне, чтобы выполнить эту работу, надо еще многому поучиться. Но я могу воспользоваться инструкцией по эксплуатации и заново просчитать множество размеров, и… ну… думаю, что смогу воссоздать действующий контур. Настройку придется про-

водить по методу проб и ошибок: ведь чтобы как-то настроить, нужно располагать точным резонансом, а справочник исходит из того, что такие узлы, как осциллятор искажений, должны иметь точные, стандартные размеры и кристаллическую структуру. Если этого не будет — у нас ведь нет аппаратуры, чтобы проверить точность размеров, даже если я вспомню их… Что ж, как только мы соорудим нечто, похожее на работающий контур, мне придется пробовать различные комбинации настройки. Возможно, пройдут недели, прежде чем… ну, Солнце или Центавр, или… или любая из станций, даже какой-нибудь другой звездолет… не войдут в резонанс.

— Ты, случайно, не родственник профессору Бруссару из Академии Ломоносова? — прервал его Свердлов.

— Нет. А что?..

— Тот, бывало, точно так же излагал свои лекции. Мне неинтересны теория и практика нуль-транспортировки. Я хочу знать, сможем ли мы попасть домой?

Райерсон сжал кулак. Он был рад, что темнота и шлемы скрывали их лица.

— Да, — сказал он. — Если все пойдет хорошо. И если мы сможем найти четыре килограмма

германия.

— Для чего он тебе?

— Видите вон те утолщенные места стыков в контуре? Это… э-э, можно назвать их гигантскими транзисторами. Половина решетки погибла, а с ней и германий: он попросту испарился. Я убежден, что затронута кристаллохимическая структура. Но мы можем достать необходимые нам детали, разобрав на части другие механизмы, без которых мы не можем сейчас обойтись. Кроме того, на борту есть узел из сплава металлов, который можно позаимствовать для изготовления самих транзисторов. Но у нас на борту нет лишних четырех килограммов германия.

В посуровевшем голосе Свердлова появились скептические нотки:

— И тот пустоголовый Макларен думает найти планету? И разрабатывать рудники?

— Я не знаю… — Райерсон облизал губы. — Не знаю, что еще можно сделать.

— Но ведь эта звезда была сверхновой!

— Она была огромна. Наверняка вокруг нее крутилось много планет. Часть дальних, возможно, уцелела — если, конечно, они были достаточно больших размеров, чтобы начать возрождаться.

— Ха! И вы собираетесь в кромешной тьме, без

солнца, блуждать в поисках германиевой руды по груде расплавленного никеля с железом?

— У нас есть сепаратор изотопов. Его можно переделать на… в общем-то, я еще до конца с ним не разобрался, но… Ради Бога! — неожиданно для самого себя закричал Райерсон. — Что еще можно сделать?

— Заткнись! — рявкнул Свердлов. — Когда я захочу сломать свои наушники, я возьму молоток.

Он стоял в водовороте золотистого тумана, а черный в сером ободке глаз мертвой звезды словно следил за ним. Присев, Райерсон перегнулся, заглядывая внутрь каркаса, и застыл в ожидании. Наконец Свердлов произнес:

— Предположения можно строить до бесконечности. Но то, что не может сделать электронно-вакуумный прибор, не сделает и транзистор. — Он издал резкий смешок. — А вакуума у нас здесь сколько хочешь. Так почему бы не придумать какой-нибудь эквивалент электронным деталям? Так нам будет намного удобнее — ремонтировать ускорители и одновременно прочесывать космос в поисках планеты.

— Придумать? — вскричал Райерсон. — А также опробовать, внести в конструкцию изменения и… Вы представляете себе, что даже если мы бу-

дем съедать половину своего рациона, то запасов продовольствия не хватит и на шесть месяцев.

— Представляю, — ответил Свердлов. — Я ощущаю это на своем желудке прямо сейчас. — Он невнятно выругался. — Ну да ладно. Буду действовать по плану дальше. Если бы этот тупица Накамура не…

— Он выбрал единственно возможный вариант! Вы *хотели* погубить нас?

— Худшее нас ждет впереди, — заметил Свердлов. — Что нам теперь осталось, кроме этих шести месяцев? Полгода поболтаемся здесь, а через месяц-другой умирать? — В радиотелефоне послышался грубый звук, словно Свердлов сплюнул. — С поселенцами Сарая я встречался и раньше. Из-за своей трусости они еще хуже землян и почти так же глупы.

— Да погодите же вы… — начал Райерсон. — Давайте не будем ссориться…

— Боишься возможных последствий? — усмехнулся Свердлов. — Ты еще не знаком с грязными приемами в драке твоего дружка Макларена, а?

Корабль вращался, вспарывая темноту, наполнившуюся вдруг шумом от неровного дыхания Райерсона. Он поднял руки, защищаясь от громоздкой роботообразной фигуры, стоявшей

напротив него.

— Пожалуйста, — запинаясь, произнес он. — Погодите же, погодите, инженер Свердлов. — На глаза навернулись жгучие слезы. — Мы ведь все вместе попали в эту историю, вы же понимаете.

— Я все удивлялся, когда же ты наконец выскажешь эту избитую фразу, — злобно фыркнул краснянин. — Ты уже решил, что будет — ах! — так забавно рассказывать своим светским дружкам, как ты провел, пожалуй, целый месяц в глубоком космосе. Ты помешал мне совершить важное дело и швырнул меня в ту ситуацию, о которой не дал себе труда даже задуматься, и погубил нас всех — а теперь говоришь «Мы все вместе попали в эту историю!». — Он уже не говорил, а рычал: — Ты, паршивый ублюдок жрущего дерьмо таракана, я верну тебя домой — не ради тебя и не ради твоей жены, потому что если она обитательница Земли, то я не знаю, чем она там занимается, пока тебя нет — но ради моей планеты. Слышишь, ты? Я им там нужен!

Стало очень тихо. Райерсон чувствовал, как постепенно стихает бешеный ритм сердца и оно начинает биться нормально. Он наконец перестал слышать свой пульс. Руки у него захолодели, а лицо словно онемело. Страх притаился где-то

в глубине души, и оттуда, с самого ее донышка, всплыла мысль: «Так вот как бывает, когда Господь сил небесных налагает на человека руки». Пристально вглядываясь в безжалостное ослепительное сияние звезд позади Свердлова, он проговорил ровным голосом:

— Хватит. Я наслышан о бедных угнетенных колониях. Думаю, что вы своим личным примером доказываете, что Протекторат намного лучше, чем вы того заслуживаете. Что до меня, то я никогда не видел, даже в самой малости, так называемого ограбления других планет. Мой отец начинал с гардемарина и своим трудом заслужил звание капитана, а мои братья и я сам проучились в Академии по праву закона — как граждане беднейшего и самого перенаселенного мира во всей Вселенной. А вы знаете, что такое конкуренция? Да ведь вы, хвастливый мужлан, и недели не протянули бы на Земле. Я и сам уже устал от постоянной, каждодневной борьбы. Если бы не эта проклятая экспедиция, мы с женой на следующей неделе уехали бы в новую колонию. А теперь, глядя на вас, я сомневаюсь, что наше решение было мудрым. Что, колонисты все такие, как вы, — храбрые лишь на то, чтобы порочить старика и женщину, особенно когда те находятся

на безопасном расстоянии в сто световых лет?

Свердлов не шевелился. «Крест», медленно вращаясь, повернулся, и в поле зрения Райерсона снова попала черная звезда. Она, похоже, выросла с тех пор, как Дэвид видел ее в последний раз — ведь корабль стремительно несся в периастр.[17] У Райерсона было такое чувство, будто они падают в него. Ощущение не из приятных. «Господь, Ты взираешь на меня своим холодным и мертвенным взором гнева». Тишина была подобна тетиве, готовой вот-вот лопнуть от сильного натяжения.

Наконец до Райерсона донеслись звуки низкого голоса, неспешно проговаривающего слова:

— Ты готов подтвердить свои слова, землянин?

— Сразу как закончим здесь! — крикнул Райерсон.

— О! — На этот раз молчание затянулось дольше. Затем послышалось: — Забудь наш разговор. Возможно, я слишком разнервничался и поэтому говорил резко. Никогда еще не встречал землянина, который не был бы врагом… в своем роде.

— А вы когда-нибудь пытались поближе узнать их?

---

[17] Примечания: 17

Ближайшая к звезде точка орбиты тела, движущегося вокруг этой звезды.

— Забудь наш разговор, я сказал. Я верну тебя домой. Могу даже как-нибудь проведать тебя на твоей новой планете и поприветствовать. А теперь давай-ка потрудимся здесь. Первым делом надо заставить вновь заработать ускорители.

Слабость, охватившая Дэвида Райерсона, была такой сильной, что ему даже стало интересно, а не упадет ли он под действием силы тяжести? «О, Тамара, — подумал он, — будь сейчас со мной». Он вспомнил, как они жили в палатках на калифорнийском пляже… пляж был целиком в их распоряжении — никто не селился на этих бесплодных землях на востоке… целые тучи чаек кружились над ними, выпрашивая хлеб, пока они оба не изнемогали от смеха. И почему он сейчас вспомнил об этом, да еще так некстати?

Глава 10

Когда математические формулы стали расплываться перед глазами Макларена, а мозг отказался повиноваться, настал черед поработать руками. Свердлов и Райерсон под его началом занимались механической обработкой деталей. Изящные маленькие пальцы Накамуры оказались настолько чуткими, что его поставили протягивать проволоку и шлифовать поверхности контрольных колец. Макларену поручили наименее квалифицированную работу и наименее срочную, так как он всегда опережал потребности в продукте своего изготовления: он расплавлял, сортировал и вновь спаивал останки погибшей части ионных ускорителей и приемопередаточного контура.

Проделывать все это в условиях невесомости оказалось довольно сложно. Когда они выходили на поверхность корабля или какую-либо внешнюю его конструкцию, особенно на решетку, любое резкое движение давалось им с большим трудом. Сила Кориолиса[18] создавала серьезные

[18] Примечания: 18

Сила, сносящая тело, находящееся на вращающемся объекте, вбок, вдоль оси вращения.

проблемы даже на внутренних работах. С другой стороны, плавка в условиях полной невесомости тоже имела свои скверные особенности. Левая рука Макларена все еще была в повязке, а на лбу до сих пор багровела вмятина от ожога.

Впрочем, ему это, кажется, не мешало. Глядя в зеркало, он с трудом узнавал себя. И не то чтобы лицо его претерпело значительные физические изменения — просто само выражение его стало незнакомым. Вся его жизнь сузилась до этих последних нескольких недель, а то, что было до них, казалось далеким сном. В немногие свободные от работы минуты он еще мог перекинуться со Свердловым в партию скоростных шахмат, поспорить с Накамурой о преимуществах ногаку в противовес кабуки или шокировать юного Райерсона каким-нибудь удачно подобранным скабрезным стишком. Но, мысленно оглядываясь назад, он замечал, что такие минуты выпадают все реже и реже. Он оставил попытки приготовить из их мизерных пайков что-нибудь вкусное, когда дежурил по кухне; и уже давно — в течение сотен оборотов «Креста» вокруг черного солнца — не исполнял баллад. Он брился по часам и по-прежнему тщательно следил за своим туалетом, но все это было для него лишь частью необхо-

димого ритуала — подобно тому, как Накамура мысленно созерцал свои парадоксы, Райерсон цитировал Библию, а Свердлов перебирал фотографии голых бывших любовниц. Этим они словно говорили себе: «я все еще жив».

Затем настал такой момент, когда Макларен спросил себя: а что он делает, помимо попыток выжить? Вопрос был нехорошим.

— Видишь ли, — сказал он своему зеркальному близнецу, — в таком случае напрашивается следующий вопрос: зачем? Все то время, пока мы вместе, мы старательно уходим от этой проблемы.

Сложив электробритву, он поправил тунику и вышел из крохотной ванной. В жилом отсеке никого не было — как обычно, большую часть времени он пустовал. И не только потому, что им было так уж некогда рассиживаться, просто слишком ограниченное пространство отсека не позволяло этого делать.

Покинув отсек, он с удовольствием погрузился в такой уютный мир своих приборов, в котором его душа находила истинный покой. Он честно признал, что его программа по изучению звезды — как можно более всеобъемлющему — была на три четверти эгоистичной. Маловероятно, что

для их спасения понадобится точное знание атмосферного состава звезды. Но процесс познания давал ему возможность хоть на несколько минут забыть, где он находится. Конечно, в этом он признавался только себе и никому другому. Иногда ему становилось интересно, что скрывается за молчанием его напарников.

На этот раз в лаборатории он был не один. У иллюминатора в воздухе парил Накамура. Контуры его туловища были подчеркнуты немигающими бриллиантами звезд. Но как только мертвое солнце ушло из поля видимости, Макларен заметил, что тело штурмана напряглось, и тот поднес руку к глазам, словно пытаясь прикрыть их.

Он бесшумно подплыл к Накамуре.

— Бу-у, — произнес он.

Резко дернувшись, штурман завертелся волчком, ловя ртом воздух. Как только судорожное трепыхание рук и ног прекратилось, Макларен увидел ужас.

— Простите! — воскликнул он. — Я не думал, что испугаю вас.

— Я… ничего. — Во взгляде его карих глаз просвечивало что-то жалкое. — Мне не следовало… Ничего.

— Вы ко мне по какому-то вопросу? — Макларен

предложил ему одну из своих последних сигарет. Накамура, забыв поблагодарить, машинально взял ее. «С этим парнем что-то неладно, — подумал Макларен. Сквозь сверкавший звездными огнями иллюминатор в помещение медленно просачивался страх. *И он — наш единственный штурман».*

— Нет. У меня… Я немного расслабился. Точную работу не выполнишь, если… устал… да-с-с. — Накамура с силой втянул в себя табачный дым, и впалые от недоедания щеки запали еще больше. Вокруг его головы заплясал небольшой венчик из бисеринок пота.

— О, вы мне ничуть не мешаете. — Макларен скрестил ноги и откинулся назад, словно сидел в кресле, а не в воздухе. — По правде говоря, я рад, что вы здесь. Мне необходимо с кем-то поболтать.

Накамура устало рассмеялся.

— Скорее, нам нужно обращаться к вам за помощью, чем вам искать ее в нас, — сказал он. — Вы изменились меньше всех.

— Разве? А я думал, что как раз на мне все сказалось сильнее. Свердлов тоскует по своим женщинам, алкоголю и политике. Райерсон томится желанием вернуться к своей изумительной

молодой жене и изумительной новой планете. Вы же — наша скала, о которую разбиваются годы. А я… — Макларен пожал плечами. — Мне в жизни не за что зацепиться.

— Вы стали спокойнее, это так. — Сигарета слегка подрагивала в руке Накамуры, но его голос звучал уже тверже.

— Просто я стал задавать себе вопросы, — Макларен хмуро посмотрел на черное солнце. Пока он воспринимал эту звезду как научную проблему, он близко не подпускал к себе ту одержимость, которую заметил во время еды в Райерсоне, чьи глаза казались еще больше на осунувшемся лице, и в Свердлове. Райерсон в последнее время стал молчаливым и вновь обратился к той суровой религии, которую он однажды стряхнул с себя; а Свердлов стал еще более грубым. Макларен пока не думал о звезде как о полуразумном существе, воплощающем зло. Но нет ничего более легкого, чем начало.

— Рано или поздно они возникают у каждого, — без особого интереса заметил Накамура. Он все еще находился в коконе своего страха; именно оттуда и хотел вытащить его Макларен.

— Но от моих вопросов нет никакого толку. Я чувствую, что захожу в тупик, если все, чем

я в действительности занимаюсь, является рутинной чепухой, и я мог бы с таким же успехом думать о своих проблемах.

— Мысль — это технический прием, которому надо обучаться, — сказал Накамура, — так же как и способам использования тела… — Он внезапно замолчал. — Я не имею права учить. Я подвел своих учителей.

— А мне кажется, вы держались молодцом. Я всегда завидовал вашей твердой вере. У вас на все есть ответ.

— Дзен никогда не дает готовых ответов на вопросы. Он, по сути, старается избегать любого теоретизирования. Ни одна человеческая теория не в состоянии постичь бесконечную реальную Вселенную.

— Понимаю.

— Вот на чем я споткнулся, — прошептал Накамура. — Я ищу объяснение. Я не хочу просто существовать. Нет, этого недостаточно… здесь, вдалеке от всего, я убеждаюсь, что ищу себе оправдание.

Макларен взглянул на клубящееся небо.

— Я вам скажу кое о чем, — произнес он. — Мне ужасно страшно.

— Как? Но мне казалось…

— О, достаточно пары остроумных реплик, чтобы скрыть это. А за словом я в карман не лезу. Но я точно так же боюсь смерти и так же неистово сопротивляюсь, наступая на горло собственному достоинству, как любая загнанная в угол крыса. И я к тому же понемногу начинаю понимать почему. У меня нет ничего, кроме собственной жизни — абсолютно ничтожной и бессмысленной жизни, состоявшей из учения, но не понимания, из начатых, но не завершенных дел, из знакомых, но не друзей. Разве она стоит того, чтобы ее спасали, а? И вместе с тем я не в состоянии разглядеть в целой Вселенной больше того, что вижу: множество хаотично возникающих мелких случайностей органической химии на множестве крошечных планет. Если бы я смог понять, что есть нечто намного более важное, чем груда слизистых оболочек, именуемых Теранги Макларено… Что ж, тогда я мог бы не страшиться собственного конца. Ведь еще оставалось бы то, что действительно имеет значение.

Некоторое время Накамура курил в тишине. Нервно затягиваясь, Макларен быстро докурил свою сигарету. Не в силах устоять перед искушением, он, выругавшись про себя, прикурил новую.

— Все это я говорил не для того, чтобы вас разжалобить, — сказал он, но про себя подумал: «Черта с два! Я скормил тебе порцию твоего же психологического лекарства точно по расписанию. Хотя доза, возможно, оказалась большей, чем я рассчитывал».

— Я не достоин, — проговорил Накамура. — Но для меня это честь. — Он посмотрел в иллюминатор, у которого бок о бок парили оба мужчины. — Я стараюсь успокоить себя мыслью, что где-то обязательно есть существа на более высокой ступени развития, чем мы, — сказал он.

— Вы уверены? — спросил Макларен, радуясь возможности уйти от обсуждения личных проблем. — Те, что нам встречались, не шли ни в какое сравнение с нами. По крайней мере, в области интеллекта. Я еще могу допустить, что аборигены Ван Маанена красивее нас, а старототианцы более покладистые, и на них, в отличие от нас, можно положиться.

— А много ли мы знаем о своей Галактике?

— Хм-м-м… да.

— Всю свою жизнь я надеялся встретить истинно великую расу. Даже если они не похожи на богов, у них непременно должны быть свои мыслители. Им не обязательно смотреть на мир,

как мы. Два великих народа могут узнать друг от друга такое, что они и вообразить не могли. В истории Земли уже были эпохи высочайшего подъема, когда смешивались различные народы. Да-с-с. Но эпоха, которая грядет при встрече двух великих рас, будет еще грандиознее из-за большей разницы между ними. И меньшего противоборства. Чем это будет обусловлено? Да просто будет что предложить друг другу. Как-никак, миллиард лет раздельного существования форм жизни.

— Могу вам доложить, — заметил Макларен, — что это как раз и не понравится Протекторату. Наша нынешняя цивилизация не переживет такого взаимопроникновения идей.

— Разве наша цивилизация такая уж великая? — спросил Накамура с непривычным для него презрением.

— Нет. Думаю, не такая.

— По части технических ухищрений нам нет равных. Сомневаюсь, что мы сможем узнать что-то новое из области техники у таких инопланетян, каких я представляю себе. Но чему мы действительно можем научиться у них, и очень важному для нас, — так это философии, которой так не хватает нынешней эпохе человеческой

истории.

— А я думал, вы не верите во всякие там философии.

— Я неправильно выразился. Я имел в виду *do* — характер. Характер… отношения? Это и есть то, для чего существует жизнь, это и есть ваше «почему» — не просто механическая причинно-следственная связь, но сам дух, в мире которого мы живем.

Накамура рассмеялся:

— Вы только послушайте ребенка, поправляющего учителя! Я, кто не смог даже соблюсти известные принципы дзен, прошу помощи у неизвестного! Да будь она мне предложена, я несомненно со стыда заполз бы в ближайшую червячную норку.

Неожиданно его вновь охватил ужас. Он схватил Макларена за руку. От этого резкого движения оба закувыркались в воздухе, а их вестибулярные аппараты взбунтовались настолько, что внутри их черепных коробок замельтешили звезды. Макларен ощутил крепкую хватку ледяных пальцев Накамуры.

— Я боюсь! — задыхался штурман. — Помогите мне! Я боюсь!

Постепенно равновесие восстановилось. Нака-

мура отправился за новой сигаретой; когда он брал ее, пальцы у него тряслись. В помещении воцарилась глубокая тишина.

Макларен, не глядя в сторону сарайца, наконец заговорил:

— Почему бы не рассказать мне, что вас гложет? Вам станет много легче.

Накамура вздохнул.

— Я всегда боялся космоса, — сказал он. — И вместе с тем меня тянет к нему. Вы можете это понять?

— Да. Думаю, что понимаю.

— Из-за него, — Накамура издал нервный смешок, — пошла кувырком вся моя жизнь. Сначала меня ребенком оторвали от дома и отправили с Земли, казалось, через весь космос. Теперь-то я, конечно, никогда уже не смогу вернуться туда.

— У меня есть кое-какие связи в Цитадели. Можно было бы устроить визу.

— Вы очень добры. Я не уверен, что она поможет мне. Сегодняшний Киото, конечно же, отличается от того города, что остался у меня в памяти. Даже если он не изменился, то наверняка изменился я, да-с-с? Но с вашего разрешения, я продолжу. Спустя несколько лет, как мы поселились на Сарае, на планету упал метеорит, который убил

всю мою семью, кроме брата. Камень из космоса, вы понимаете? Но тогда мы так не думали. Нас поставил на ноги монастырь. Мы получили стипендии в Академии Астронавтики. И вместе мы отправились в полет — в качестве курсантов. Вы слышали о гибели «Фирдоуси»?

— Нет, боюсь, что нет. — Макларен выдохнул облачко дыма, которое легкой вуалью закрыло от них космос.

— Капелла, как и Солнце, — звезда класса *G0*, только гигант. «Фирдоуси», управляемый дистанционно, долгое время находился с исследовательскими целями в самом сердце системы, у ближайшей к Капелле планеты. Радиация вызвала усталость металла. Никто об этом даже не подозревал. Во время нашего полета корабль неожиданно вышел из строя. Штурман с трудом заставил корабль занять орбиту, а дальше мы долго падали на Капеллу и ждали спасения. Многие умерли от нестерпимой жары. Мой брат был одним из них.

И снова мертвая тишина.

— Понимаю, — сказал наконец Макларен.

— С тех пор я боюсь космоса. Время от времени страх оживает в моем сознании. — Горечь перехватила ему дыхание, и он замолчал. Макла-

рен взглянул украдкой на Накамуру. Тот сидел в воздухе в позе лотоса, но взгляд маленького штурмана был обращен на кисти рук, которые беспрерывно находились в движении. — И вместе с тем я не могу бросить свою работу. Потому что в открытом космосе мне часто кажется, что я приближаюсь к… слитности… к чему мы все стремимся и что вы назвали пониманием. Но здесь, когда мы привязаны к определенной орбите вокруг этой звезды, слитность ушла и во мне растет страх. Он уже заполонил почти все мое сознание, и я боюсь, что настанет момент — и я закричу.

— Иногда это помогает, — заметил Макларен.

Накамура, пытаясь улыбнуться, поднял глаза.

— О чем вы думаете? — спросил он.

Макларен с задумчивым видом выпустил целое облако дыма. Теперь ему придется тщательно подбирать слова — и никакой подготовки и репетиции при оказании помощи, — иначе они потеряют единственного человека, который может выдернуть отсюда корабль. Или потеряют Накамуру. Последний фактор, как ни странно, казался даже более существенным.

— Мне интересно, — пробормотал он, — даже в абсолютно свободном обществе, если таковое вообще существует… мне интересно, не боится

ли своей невесты всякий мужчина.

— Что? — Накамура, ошеломленный, распахнул глаза.

— И в то же время нуждается в ней, — продолжал Макларен. — Дело тут не только в сексе. Возможно, страх является необходимой частью всего, что имеет какую-либо значимость. Смог бы полюбить Бах своего Бога столь величественно, если бы не его внутренний страх перед Ним? Не знаю.

Он погасил окурок.

— Советую вам поразмыслить над этим, — сказал он небрежно. — А также над тем очевидным фактом, который вы наверняка до конца еще не осознали: перед вами не Капелла.

Закончив, Макларен ждал.

Туловище Накамуры дернулось. И только потом, вспоминая это странное телодвижение, Макларен сообразил, что Накамура тогда просто сбросил с себя напряжение.

— Спасибо, — проговорил штурман.

— Это мне надо благодарить вас, — вполне искренне отозвался Макларен. — Вы меня тоже, знаете, поддержали.

Накамура отправился в механическую мастерскую.

Макларен задержался у иллюминатора чуть подольше. Щелчок карманной зажигалки привел его в чувство.

Из жилого отсека появился Чанг Свердлов. Во рту у него вызывающе торчала сигара.

— Ну, — проговорил Макларен, — и как долго ты подслушивал нас?

— Достаточно долго, — буркнул инженер. Некоторое время он усердно пыхтел дешевой сигарой, пока его рябое лицо не скрылось в клубах отвратительного дыма.

— Итак, — проговорил он, — разве ты не собираешься обрушивать на меня свою ярость?

— Если только для пользы дела, — ответил Макларен.

— А! — Свердлов замолчал и снова задымил сигарой. — Может, я с этой целью и пришел, — заявил он через минуту.

— Вполне возможно. А как у вас подвигаются дела с наружным ремонтом?

— В порядке. Послушай, — выпалил Свердлов, — сделай мне одолжение, а? Если можешь. Не признавайся Райерсону или мне в том, что ты — тоже человек и что точно так же напуган и растерян, как и все остальные. Не признавайся в этом и Накамуре, даже ему. До сих пор, правда, ты

этого не делал — это так. Нам, чтобы вырваться отсюда, нужен настоящий прирожденный техн — эдакий чертовски самоуверенный пижон!

Он ринулся из лаборатории. Макларен услышал, как тот нырнул в шахту и чуть ли не бегом устремился по ней к корме.

Глава 11

В бортовом журнале, в который Накамура скрупулезно заносил все важные события, он отметил и точную дату, когда «Крест» начал удаляться от мертвой звезды. Остальные даже и не пытались следить за ходом времени. Здесь, в космосе, не было дней. Здесь не было даже времени, в полном смысле этого слова. Было только существование с почти забытым ощущением солнечного света, листьев и женщин, бывших задолго до начала существования, — что-то вроде вывернутой наизнанку внутриутробной памяти.

Даже первые минуты их отрыва от звезды уже не воспринимались ими как реальные. Они просто заняли свои места и уставились на свои приборы, абсолютно не ощущая себя победителями. Накамура в рубке, Макларен, снабжающий его информацией, в обсервационном отсеке, Свердлов и Райерсон, бодрствующие в машинном отделении, — все они чувствовали себя просто исполнителями очередного задания из бесконечного их ряда.

Свердлов первым вырвался из своей мрач-

ной утробы, своего безучастного оцепенения и осознал, что жив. Через час пристального разглядывания циферблатов и экранов выпученными от двойной перегрузки глазами он провел рукой по щетине на подбородке.

— Святой Экскремент! — прошептал он. — Этот ублюдок, черт бы его побрал, неплохо сработан.

И возможно, его смог бы понять только Райерсон, проработавший с ним в открытом космосе в течение недель, сложенных из часов совместной работы.

Решетка, выступающая из сферы корабля, выглядела грубой и недоделанной. И действительно, восстановление приемопередаточного контура продвигалось очень медленно. Впрочем, времени им было не занимать, пока они гоняются за какой-то планетой. Свердлов просто установил каркас, чтобы было на чем закрепить изготовленные им самим кольца ускорителей, экранированные от магнитных воздействий цепи защиты, а также второстепенную проводку, трубки, аккумуляторные пластины, конденсаторы, трансформаторы… Он замерял до миллиампера ионный ток, проклинал, переделывал, вновь замерял, кивал головой, запрашивал полную нагрузку, невнятно комментировал, переделывал, вновь замерял и

спрашивал себя, а смог ли бы он все это проделать без Райерсона. И не потому, что он так уж нуждался в помощнике, но мальчик оказался невероятно терпелив. Раз, когда у Свердлова лопнуло терпение из-за не подчиняющейся ему электроники и он, спустившись в корабль и взяв кувалду, принялся крушить брусок железа за неимением человеческих черепов, Райерсон остался снаружи, пытаясь заново все перемонтировать.

Однажды, когда они остались одни среди Галактики, Свердлов спросил его об этом.

— Разве ты не человек, парень? Неужели тебе никогда не хотелось запустить через всю комнату реостатом?

Голос Райерсона, больше похожий на тонкий писк мошки, с трудом пробился в его наушники, почти теряясь на фоне беспрерывного треска космических помех.

— Не будет никакого толку. Уж этому отец научил меня. Дома мы часто выходили в море.

— И что?

— Море никогда не прощает.

Свердлов взглянул в сторону своего напарника и, не найдя его в причудливом смешении световых бликов и черноты, прямо перед собой неожиданно увидел Полярную звезду. Его словно

пронзило током. Сколько людей, подумал он со вздохом, ушли за своей судьбой, руководствуясь этой ледяной звездой Севера?

— Конечно, — робко признал Райерсон, — ладить с людьми не так-то легко.

А решетка росла. Наконец все замеры показали норму, и Свердлов сказал Накамуре, что они могут трогаться в путь.

Двигателю, разгонявшему «Крест» до полусветовой скорости, было бы не поднять корабль прямо от этого солнца. Да и люди не смогли бы вынести, даже на короткое время, перегрузку в пару сотен гравитационных единиц. Корабль начал отступление на двух *g*, а корабельные гироскопы развернули его соплом к той физической массе, от которой он стремился уйти. Таким образом, его эллиптическая орбита стала спиралью. До того места, где гравитационное поле снижалось бы настолько, что становился возможным переход на гиперболическую траекторию, было еще много часов полета.

Свердлов, сгорбившись в своей упряжи из привязных ремней, злобно уставился на экраны и индикаторы. Так легко им не отделаться от этой проклятой гнусной дохлятины из шлака и пепла! От нее можно всего ожидать, и он должен

быть готов к этому. Боже, но как же ему хотелось пить! На корабле имелась установка по регенерации воды, и то только потому, что во времена постройки корабля инструкция по космоплаванию предписывала наличие такой установки. Странно быть обязанным жизнью какому-то бюрократу, чьи картотечные шкафы покрылись двухсотлетней пылью! Но регенератор оказался непригодным и все это время простаивал без дела. Да и нужды в нем не было: все отходы шли в накопитель материи и получали новую жизнь в виде воды, пищи или чего-нибудь другого — в зависимости от сигнала, посылаемого с Лунной станции при каждой смене вахт.

Но на «Крест» больше не поступало ни одного сигнала. Пища, единожды съеденная, исчезала безвозвратно. Вторичной воды едва хватало для поддержания жизни. «Гром и молния! — подумал Свердлов. — Я могу учуять себя за два километра отсюда. За бутылку пива я вряд ли продам Братство, но с ящиком Регенту ко мне лучше не соваться».

В его сознание проникло тихое, еле уловимое «бррум-бррум-бррум» — это сам с собой разговаривал двигатель. Слишком громко, пожалуй. Приборы показывали норму, но, по мнению

Свердлова, приличному двигателю не пристало так громко урчать. Обернувшись, он взглянул на экраны. Черное солнце едва виднелось. Он бы вообще его не заметил, если бы не знал, куда смотреть. Сшитый на живую нитку, уродливый ионный привод был похож на клетку для звезд. Под кольцами дрожало бледное голубое свечение. Непорядок, конечно. Нет полной отдачи. У задней части сооружения плясали огни святого Эльма.

— Машинное отделение штурману. Как там у вас дела?

— Терпимо. — Голос Накамуры прозвучал неожиданно слабо. Должно быть, сказывается напряжение. Конечно, ведь он вручную выполнял сотню операций, для которых на корабле не нашлось роботов. Но кто мог предвидеть?..

Свердлов прищурился.

— Взгляни-ка на хвост этого агрегата, Дэйв, — сказал он. — Заднее негатронное кольцо. Видишь что-нибудь?

— Ну… — Обведенные черными кругами, воспаленные глаза юноши с трудом обратились в ту сторону, куда показывал палец Свердлова. — Электростатический разряд, — то голубое свечение…

— А еще что-нибудь видишь? — Свердлов с

тревогой глянул на мегамперметры. Ток, проходящий через, ускорители, не был стабильным и постоянно колебался на несколько процентов. Но разве не ползла очень медленно вниз стрелка прибора на негатроне?

— Нет. Нет, не могу.

— Надо было поставить по термоэлементу в каждое кольцо. Возможно очень слабое отклонение ионов, а это значит, что ионы жуют самый кончик конструкции. И это будет происходить до тех пор, пока ее фокусировка окончательно не разладится. Тогда нам придется плохо.

— Но мы проверили все без исключения… К тому же магнитное поле звезды слабеет с каждым сантиметром нашего продвижения вперед.

— Вибрация, мой зелено-юный друг. Достаточно потрясти одну из тех сляпанных на скорую руку электромагнитных катушек, которые едва-едва удерживают настройку, как… *Стой!*

Последняя катушка справа по борту раскалилась докрасна. Из нее выплеснулась огненная струйка электрического разряда и побежала вверх по решетке. Стрелка мегамперметра в минусовой цепи упала на десять делений, и Свердлов почувствовал, как корабль слегка качнуло, словно он, потеряв равновесие от резкого

толчка, завалился набок.

— Машинное отделение отключает тягу! — взревел он, с силой обрушивая удар на магистральный рычаг. Грохот захлебнулся и, подвывая, сменился неясным бормотанием. У Свердлова возникло такое чувство, будто его забросило на скалу, вершиной уходящую в вечность.

— Что случилось? — раздался лающий голос Макларена. Свердлов отвел душу, отпустив пару непристойных замечаний.

— Что-то там снаружи вышло из строя. Последний негатронный ускоритель стал накаляться, а ток в сети падать. Разве ты не чувствуешь, что мы рыскаем?

— О Господь, смилуйся над нами, — простонал Райерсон. Вид у него был совершенно больной. — Только не опять!

— А! Не обязательно все так плохо, — проронил Свердлов. — Что до меня, то я вообще удивляюсь, как эта паршивая штука продержалась так долго. Да и чего хорошего ждать от такой увязки проволоки и стержней, но тут уж ничего не поделаешь. — В душе он боролся с желанием набить кому-нибудь физиономию.

— Считаю, что мы на устойчивой орбите, — заявил Накамура. — Но я бы чувствовал себя

гораздо легче, если бы вы поторопились с ремонтом. Вам нужна помощь?

— Нет. Мы с Дэйвом можем справиться сами. Будьте наготове, чтобы включить нам контрольную тягу.

Свердлов и Райерсон забрались в свои скафандры.

— Готов поклясться, с каждым днем он смердит все хуже, — сказал краснянин. — Раньше мне как-то не верилось, что я могу быть источником такой мерзости. — Он нахлобучил свой шлем и добавил, уже по радио: — И то ладно для такого славного покорителя звезд.

— Нет, — произнес Райерсон.

— Что?

— Запах издает тело. Значение имеет только душа, живущая внутри тела.

Свердлов с любопытством посмотрел из глубины своего шлема на стоявшую рядом с ним фигуру в скафандре.

— Ты действительно веришь в эту чепуху?

— Простите, я не хотел читать вам наставления или…

— Не стоит. Мне тоже неохота ссориться. — Свердлов вызывающе засмеялся. — Впрочем, поразмышляй-ка вот над чем. Если тело — такой

уж ничего не стоящий кусок мяса, то почему ты из кожи вон лезешь, чтобы вернуться к своей жене?

В наушниках он услыхал негодующее дыхание и на мгновение почему-то ощутил себя потерпевшим фиаско. Им не о чем здесь спорить. «К черту, — сказал он себе. — Если какой-то там землянин не желает слушать колониста, то лучше ему греметь костями подальше от космоса».

Оба, забрав инструменты и приборы, вышли через люк в гнетущем молчании. Сначала, как это бывало всегда, глаза их словно ослепли. Затем зрачки расширились, а мозг переключился на восприятие чужих структур. И тут же на них обрушился безжалостно яркий свет.

Ощупью пробираясь по решетке к задней ее части, Свердлов почувствовал, что гнев его постепенно отступает. Мальчишка был прав: ни к чему проклинать неживую материю. Побереги свою ярость для тиранов и подлецов, а также их прихлебателей. И стоит, наверное, задаться вопросом (страшно подумать): а достойны ли они даже этого? Он стоял в окружении десятка тысяч жестких солнц, но ни одно из них не было ни Солнцем, ни тау Кита. О Полярная звезда, путеводная звезда смерти, неужели мы такие же

малые песчинки, как и все это?

Он дошел до конца конструкции, пристегнул к ней страховочный трос и распылил рядом с кольцом облачко светоносного тумана. Но не слишком близко к кольцу, так как смешение облачка с потоком ионов было бы для него нежелательным — а так, чтобы освещение давало ему возможность разглядеть окружающие предметы со всех сторон. Вытянувшись в длину, он парил позади всей конструкции, одновременно подтягиваясь поближе к ускорителям и внимательно их разглядывая.

— Хм, да, на ней видны следы эрозии, — проговорил он. — Скорее всего, конечно, подвела негатронная часть. Протоны, ударяясь о земную материю, повреждают ее намного меньше. Подай-ка мне, пожалуйста, тот счетчик.

С равнодушным лицом, Райерсон молча протянул ему нужный прибор. Свердлов замерил уровень радиоактивности.

— Ничего серьезного, — решил он. — Заменять кольцо нам не придется. Хорошо, что мы вовремя остановили этот процесс. А изменения в электрическом фокусировочном поле, вызванные его обглоданной формой, можно компенсировать переналадкой магнитных катушек. Надеюсь.

Райерсон не отвечал. «Боже мой, — подумал Свердлов, — неужели я так сильно обидел его?» До сих пор, работая снаружи, они иногда переговаривались — не то чтобы по-настоящему беседовали, но временами обменивались какими-нибудь банальными репликами или просто что-нибудь бормотали в ответ… вполне достаточно для того, чтобы заглушить шипение межзвездного фона.

— Алло, штурман! Мне нужен один микроампер. В течение секунды.

Свердлов посторонился. Стоять на пути антипротонного выплеска даже в миллионную долю ампера было бы в высшей степени неразумно. Электрические разряды, словно плющ, обвили арматуру ускорителя. Внимательно читая показания приборов, установленных им на пути следования ионного потока, Свердлов кивнул.

— Что там на потенциометре, Дэйв? — спросил он. — Я имею в виду, есть ли там что-нибудь, заслуживающее внимания?

— Норма, — отрывисто ответил Райерсон.

«Может, мне надо извиниться? — подумал Свердлов. И затем в нем гейзером заклокотало: — Ну нет, клянусь Иудой! Если он такой уж ранимый, пусть он скорее сгниет, чем я попрошу у него прощения».

Вокруг в огромном множестве роились звезды — далекие и недостижимые. Порой — особенно когда Свердлов менял направление взгляда — казалось, что они движутся. Как мухи. Миллион пылающих мух. Свердлов дурашливо прихлопнул одну из них и заворчал, разозлившись на себя.

Спустя некоторое время ему пришло в голову, что нервы Райерсона тоже, должно быть, порядком поистрепались. Нельзя же от парня ожидать абсолютно разумного поведения. «Да я ведь сам потерял голову еще в начале нашей стычки», — подумал Свердлов. Вспомнив об этом, он почувствовал, как в висках застучала кровь. Он с яростью принялся откручивать магнитную катушку номер один, как будто перед ним был враг, который заслуживал оскопления.

— Порядок, дайте-ка мне еще один микроампер на односекундную проверку.

— Попробуйте сдвинуть номер два на пару сантиметров вперед, — посоветовал Райерсон.

— Ты что, спятил? — фыркнул Свердлов. «Да, полагаю, мы все сейчас немного спятили». — Смотри, если отклоненный поток ионов ударит сюда, тогда придется направлять его вниз — вот так, и…

— Не стоит беспокоиться!

Свердлов не видел движений Райерсона, скрытого громоздким скафандром, но он ясно представил себе, как тот отворачивается, презрительно пожимая плечами. Инженеру хватило нескольких минут бесплодных попыток как-то наладить систему, чтобы убедиться в том, что землянин правильно представлял себе взаимодействие сил.

Он проглотил комок в горле.

— Ты был прав, — вырвалось у него.

— Что ж, давайте ее заново смонтируем, — холодно обронил Райерсон.

«Прекрасно, земной сноб, сэр». Свердлов еще несколько минут возился с катушками.

— Контрольное включение. — «Не совсем то. Надо бы еще подрегулировать». — На этот раз пустите сюда один миллиампер… Полный ампер… хм. — Истечение ионов было слишком кратковременным, чтобы кольцо успело нагреться, но стрелки на приборах словно взбесились.

— Какое-то отклонение еще есть, — произнес Свердлов. — Вопрос распределения скоростей. У определенного, незначительного процента частиц совершенно ненормальные скорости, и… — Ему пришло в голову, что он, скорчившись

перед Райерсоном, который устремил на него сверху свой невидимый взор, лепечет тому банальности, очевидные для всех. — Я попробую вот эту сдвинуть немного в сторону. Подай-ка мне тот верньерный ключ… Так. Пожалуйста, контрольное включение в один ампер.

На этот раз приборы молчали. Райерсон протяжно свистнул.

— Кажется, мы справились с этим, — сказал он. «Мы? — подумал Свердлов. — Ну и ну, да ты подал мне пару инструментов!»

Но вслух сказал:

— Подождем, что покажет полная нагрузка, тогда будем знать наверняка.

— Конечно, — нерешительно подтвердил Райерсон. По его смягчившемуся тону Свердлов догадался, что Райерсон превозмог свою вспышку гнева.

«Ну а я нет!»

— Тогда нам остается просто испробовать систему и посмотреть, да? — продолжал землянин.

— А если у нас все еще будет значительное отклонение, то снова облачаться в свои железные костюмы и тащиться сюда — и может, не один раз, а дюжину? Нет уж!

— Но мы же так делали и прежде.

— Что-то я зверски проголодался, — сказал Свердлов. Неожиданно он взорвался: — Меня уже тошнит от этого! Меня тошнит от собственного зловония, от которого мне никуда не деться, и от твоего тоже, меня тошнит от одних и тех же глупых рож и одних и тех же глупых реплик, да, и даже от одних и тех же звезд! С меня достаточно! Возвращайся в корабль. Я останусь здесь и понаблюдаю, что будет при ускорении. Если что-нибудь не так, я тут же на месте все исправлю.

— Но…

Потрескивая, сквозь бормотание звезд пробился голос Накамуры.

— О чем вы думаете, инженер Свердлов? Двойная перегрузка попросту сдернет вас с корабля! А мы не с такой легкостью маневрируем, чтобы спасти вас.

— Этот страховочный трос прошел испытание на две тысячи килограммов, — отозвался краснянин. — Это же нормальная процедура непосредственной проверки работы ускорителей при ионной тяге.

— Пусть это сделают автоматы.

— Которых у нас нет. Вы уже *знаете,* что система полностью налажена? Вы так уверены, что не будет никакого, даже самого незначительного

кумулятивного эффекта и что эта штука однажды не откажет — и именно тогда, когда вы больше всего будете нуждаться в ней?

— Странное время, однако, чтобы размышлять над этим. — Голос Накамуры прозвучал сухо и почему-то отчужденно.

— Я инженер, — холодно ответил Свердлов. — Прочитайте корабельный устав.

— Хорошо, — произнес Накамура. — Хорошо, но…

— Это сэкономит время, — вмешался Райерсон. — Возможно, даже на несколько дней, если катушки действительно плохо отрегулированы.

— Спасибо, Дэйв, — сказал Свердлов, испытывая неловкость.

— Хорошо, — согласился Накамура, — у вас, конечно, есть право. И все же я снова прошу вас…

— А я прошу у *вас* всего-то навсего двойную перегрузку на пару секунд, — прервал его Свердлов. — Вот когда я приду к убеждению, что это кольцо работает, как ему полагается, и что нам не прядется из-за него вечно останавливаться как сейчас, тогда я вернусь в корабль. Не раньше.

Он обхватил ногами каркас и начал переставлять закрепленные на нем приборы.

— Возвращайся, Дэйв, — сказал он.

— Но почему… Я думал, что буду…

— Нет необходимости.

— Но вы же не можете снимать показания сразу со всех приборов одновременно, а кроме того, если придется что-то делать, вам понадобится помощь.

— Я позову тебя, если захочу. Дай мне свой пояс с инструментами.

Юноша неохотно протянул пояс Свердлову, и тот, обвязавшись им, щелкнул застежкой.

— Такая проверка сопряжена с некоторой долей риска, Дэйв. Если уж мне не повезет, то лишь ты сможешь более или менее выполнять функции инженера, без которого на корабле не обойтись. Корабль не может рисковать нами обоими.

— Но зачем вообще подвергать себя риску?

— Потому что мне опротивело торчать здесь! Потому что мне остается одно: или активно сопротивляться этой проклятой головешке, или начать выть! А теперь иди в корабль!

По мере того как громоздкая фигура его напарника удалялась, Свердлов, не отрывая от нее глаз, думал: «А ведь я сейчас, по правде говоря, не очень-то разумно поступаю, разве нет? Но кто мог предвидеть, что будет в сотне световых лет от моего солнца?»

Готовя систему к проверке, он ломал себе голову над тем, что же двигало им. В нем жила потребность вступить в борьбу с чем-то осязаемым, а балансировать на этом металлическом остове с удвоенным собственным весом было, несомненно, вызовом. Еще одной причиной — правда, менее важной — явилась логичность его аргументации. Все те доводы, которые он привел, были достаточно вескими. Ведь если продолжать двигаться с той же черепашьей скоростью, соблюдая все меры предосторожности, то можно и с голоду умереть.

А скрытой пружиной всего, подумал он, является смутное, не понятное ему желание, вызревающее в душе. Ли Цун с Красны велел бы ему выжить любой ценой, пожертвовать другими, чтобы спасти себя для своей планеты и Братства. Но ведь есть пределы. Не обязательно принимать на веру кальвинизм Дэйва — хотя безжалостный кальвинистский Бог, казалось, находится совсем рядом с этой мертвой звездой — и признавать правду, что существует нечто более важное, чем простое выживание. Чем даже выживание по уважительной причине.

«Может, я стараюсь найти это нечто», — смущенно подумал он.

Он сползал «вверх», пока ноги не обхватили одну из поперечных деталей конструкции. При этом последнее кольцо ускорителя оказалось у его правой лодыжки, а циферблат электрощупа удобно устроился у лицевого стекла шлема. Правая рука сжала верньерный ключ, а левая туго натянула страховочный трос.

— Приготовьтесь к включению тяги, — передал он по радио. — Наращивайте два *g* в течение одной минуты и держите так, пока я не скажу «стоп».

Сначала ничего не происходило. Только по небосводу медленно поползли созвездия, менявшие свое положение вместе с кораблем, который разворачивали гироскопы. Молодец, Сейки! Это давало возможность Свердлову избежать попадания под ионный поток при контрольном включении тяги.

— Приготовьтесь, — прозвучало в наушниках Свердлова. Вес возвращался к нему в ликующем напряжении мышц плеч, рук, ног и живота; в глухом стуке сердца, постепенно заглушавшем тихое потрескивание разговаривающих звезд.

Корпус теперь нависал прямо над ним — гигантская сфера, опиравшаяся на сдвоенные вышки. Из середины основания каждой вышки

изливался призрачный голубоватый свет, а в местах пересечения элементов конструкции сплетались и фонтанировали электрические разряды.

«Непроизводительная трата энергии, — подумал Свердлов. — А все из-за того, что восстановительные работы проводились без надлежащей аппаратуры. Зато красиво. Похоже на праздничный фейерверк». Он сразу вспомнил то время, когда был маленьким. Мать как-то повела его на демонстрацию пиротехнических чудес. Они сели в катамаран, взятый напрокат, и любовались изумительными цветами, неслышно распускавшимися над озером.

— Да уж, — проворчал Свердлов. Прищурившись, он вгляделся в циферблат индикатора. Теперь, когда наружу выбрасывались целые граммы вещества, было очевидно, что отклонение все еще оставалось довольно значительным. Кольцо нагрелось не очень сильно — можно сказать, почти незаметно, но негатроны с трудом пробивались в ядра сквозь панцирь из электронов, что приводило к распаду атомов. Вскоре следовало ожидать деформацию кристаллической структуры, усталость и, в завершение всего, аварию. Доложив об этих своих открытиях, Свердлов

хвастливо добавил:

— Я был прав. Без работы здесь не обойтись.

— В таком случае выключаю тягу. Приготовьтесь. Невесомость вернулась. Вытянув руку с ключом, Свердлов осторожно захватил им катушечную гайку и отпустил болт.

Саму катушку он сдвинул назад.

— Через минуту я ее поставлю на место. Готово! А теперь давайте три примерно на тридцать секунд, просто чтобы удостовериться.

— Три? Вы уверены, что вы…

— Уверен. Пуск!

Свердлову пришло в голову, что то, чем он занимается сейчас, является совершенно иным способом служения человека своей планете, а именно: быть человеком на своем месте. Может, даже лучшим способом, чем планировать вымирание людей, которым выпало жить где-то на другой планете. «Да перестань же, — сказал он себе, — иначе в скором времени можешь рассчитывать на место преподавателя в детском саду Лиги Спасения».

На него навалилась тяжесть тройной перегрузки, и мускулы буквально наслаждались ею.

При трех ионный поток шел мимо кольца. Значит, отклонения не было… или было? Он по-

додвинулся, чтобы получше разглядеть. Правая рука, все еще сжимавшая утяжеляющий ее ключ, соскользнула с балки, на которую она опиралась. Свердлов потерял равновесие. Раскинув руки, он повис, инстинктивно стараясь не упасть. Правой рукой он попал в струю антипротонов между катушками электромагнита.

Брызнуло пламя.

Накамура выключил тягу. Свободно паря, Свердлов рассматривал при свете звезд свою руку. Ионное излучение срезало ее так аккуратно, как если бы то сделал стационарный газовый резак. Из дыры в скафандре наружу вырвались водяной пар и кровь, тут же замерзнув в виде небольшого облачка, бледного на фоне туманностей.

Боли не было. Пока. Но с падением давления у него заложило уши.

— Машинное отделение! — отрывисто произнес он. Часть его находилась как бы вне тела и изумлялась присутствию своего духа. Что за великолепный механизм по выживанию, когда приходится туго! — Аварийная ситуация! Сбрось полный вольтаж ускорителей до одной тысячи. Спусти мне с десяток ампер. Быстро!

Он не почувствовал нарастания силы тяже-

сти. Такая тяга слишком мала, чтобы ощутимо сдвинуть массивный корпус корабля. Он снова сунул руку в ионный поток. Вот теперь к нему пришла боль, но только в голове, так как, не выдержав падения давления, барабанные перепонки в ушах лопнули. Еще одна минута — и у него начнется кессонная болезнь. Вокруг культи запястья неслышно загудел газ, состоявший из антипротонов. Когда сталь стала плавиться, Свердлов, зажав в левой руке ножовку, принялся орудовать ею, пытаясь наглухо запечатать рукав скафандра. Он, казалось, был отрешен от всего. Мозг заволакивало черной пеленой. В какую-то минуту Свердлов в изумлении спросил себя: «Разве я собирался совершить такое для других?»

Когда он решил, что рукав надежно запаян, он отвел руку в сторону.

— Выключите тягу, — прошептал он. — Идите и заберите меня отсюда.

Баллоны со сжатым воздухом исправно снабжали его кислородом, давление внутри скафандра вновь поднялось. Как же хорошо было свободно парить в пространстве, насколько позволяла длина страховочного троса, и наслаждаться дыханием. До тех пор, пока собственная кровь не стала душить его. Тогда он сдался и принял

милосердный дар темноты.

Глава 12

Дни, предшествующие зимнему солнцестоянию, казались тусклыми проблесками света, к югу и вовсе гаснувшими в низких свинцовых тучах. Такой был и сегодняшний день. Тамара вышла на прогулку с первым лучиком света, робко прочертившим дорожку через океан, а сейчас время уже близилось к закату. Она спросила себя: да может ли сам космос быть мрачнее этой земли? В космосе, по крайней мере, видны звезды. А на Скьюле приходилось целыми днями ютиться в доме, скрываясь от ветра; а небо представляло собой сплошной круговорот снега.

Когда она, покинув пустошь, стала спускаться к морю, с неба посыпались редкие сухие снежинки. Но никакого тепла они не несли с собой, и снегопада сегодня ночью не предвиделось. Ветер, разгоняясь за тысячу километров отсюда, от самых айсбергов, и проносясь через Атлантику, с силой обрушивался на остров. Она постоянно чувствовала на себе его леденящие покусывания — плащ с капюшоном служил плохой защитой от них. Но она *все равно* не вернется в дом. До тех

пор, пока медленно не угаснет день и оставаться под открытым небом станет небезопасно.

Она сказала себе печально: «Даже и тогда я осталась бы здесь — если только это не повредит ребенку — и старик пришел бы искать меня. Дэвид, помоги мне; я не знаю, что было бы хуже!»

Она испытывала какое-то болезненное удовольствие быть честной по отношению к себе. По всем правилам ей бы следовало думать только о неродившемся ребенке Дэвида, а о себе не больше, чем о чреве, вынашивающем плод. Но для нее все это было как-то нереально… еще нереально… пока по утрам она только испытывала тошноту, а по ночам видела дурные сны.

Ее реальностью был Магнус Райерсон — волосатый, словно животное, грубо ворчавший на нее за то, что она не выполняет домашнюю работу так, как хочет он, и невнятно читавший что-то вслух… этот его остров, его море и его уроки распроклятого английского языка!

Тамара заметила, что произносит это ругательство вслух.

— Распроклятый английский язык! Распроклятый английский язык! Можешь взять свой язык и сделать с ним, сам знаешь что! — Она то и дело слышала это выражение, как маленькая

девочка, из-за двери украдкой заглядывающая в комнату, где разговаривают мужчины. Обычно подобными фразами уснащают свою речь люди более низкого круга — такие, как фермеры, занимающиеся разведением рыбы, или рабочие с коралловых приисков, или пастухи. Она понятия не имела, о чем все знали. Возможно, разорвать его на мелкие кусочки и пустить по ветру в этот чудовищный Северный океан.

На мгновение она стиснула руки. Если бы она могла точно так же сокрушить Магнуса Райерсона!

Она старалась держать себя в рамках приличий. Ведь она была леди. Не техн, но как-никак дочь профессора. Она умела читать и писать, она училась танцам и игре на флейте, разливать чай и вышивать платья, а также вести беседы с учеными, чтобы те не слишком скучали в ожидании ее отца… Словом, прошла полную академию изящных искусств. Отец назвал бы ее ненависть к свекру антисоциальной. Теперь это была ее семья.

Тем не менее.

Ноги, утопая в снегу, сами несли ее вниз по склону через вересковые заросли, пока наконец она не очутилась на усыпанном камнями берегу.

Море с яростью набрасывалось на груды валунов и вдребезги разбивалось о них. От ударов огромных валов вздрагивала земля. Гонимый ветром колючий снег жалил кожу. За скалами виднелось лишь безбрежное серое пространство, где вздымались седобородые волны и дул пронизывающий полярный ветер. Там, за этими скалами, грохотало, гудело и свистело на все лады.

Она вспомнила сочную зеленоватую синеву южного океана, тихий шорох, с которым он подползал к подножию пальм, устремившихся к бесконечно высоким небесам.

Однажды Дэвид насмешливо сказал:

— Мои предки были северянами — насколько мы смогли заглянуть в глубь веков — пиктами, скандинавами и скоттами, моряками и мелкими фермерами, жившими на самом краю Атлантики. Наверное, поэтому уже несколько поколений подряд многие из них становятся космонавтами. Чтобы удрать оттуда!

И затем, касаясь губами ее волос, добавил:

— Но я-то узнал, чего они все ищут на самом деле. Трудно было представить, что сердечность Дэвида, его нежность и смех родились в этом месте, похожем на могилу. Впервые он познакомился с ней через ее отца — профессор и студент

много ночей провели тогда вместе под австралийскими звездами, не смыкая глаз. Дэвид все пытался найти такого Бога, который не был бы столь жесток к своим детям, постоянно обещая грешникам вечные адские муки. Тамара размышляла о религии, которая так тревожила его, словно была каким-то чужеродным клеймом, некогда выжженным на нем мифической Далекой Внеземной Цивилизацией. Ее размышлениям во многом способствовала непонятность догм его секты: даже в их время христиане встречались не так уж редко, но по своей наивности она предполагала, что протестант — это что-то мусульманское.

Теперь-то она понимала, что обитатели Скьюлы и Бог Скьюлы порождены самой Скьюлой, а в их жилах течет ледяная океанская вода. Дэвид никогда не пытался подстраиваться под общепринятые нормы поведения. Его характер сложился таким, что Магнус Райерсон в глубине души считал его мало похожим на человеческий. Неожиданно Тамара, немного смущаясь, вспомнила, как однажды вечером пару недель назад старик усадил ее переводить балладу.

— Наши предки пели ее в течение многих сотен лет, — сказал он и посмотрел на нее из-под

нависших бровей. Тамара до сих пор помнила тот его взгляд.

Снял он крест свой и шлем и слез с коня,
Даже имя Христа позабыв.
Ведь его целовала в уста
Сама фея волшебной любви.

Тамара ударила кулаком по ладони. Ветер ухватил плащ, и тот, взметнувшись, начал хлопать ее по плечам, словно черные крылья. Дрожа от холода, она снова укуталась в него.

Догорающей лучиной солнце тлело на самом краешке этого мира. Еще несколько минут — и станет совсем темно. В такой кромешной тьме, какая бывает здесь после заката, можно было бы замерзнуть до смерти, на ощупь отыскивая дорогу домой. Тамара ускорила шаг, не теряя надежды найти решение. Она не появлялась сегодня в доме именно потому, что там было невыносимо. Но на ум ничего не приходило, словно он перестал подчиняться ей. Она так и не знала, что ей делать.

«А скорее всего, — подумала она, — я все же знаю, но пока не набралась смелости».

Когда она добралась до дома, сумерки сгустились настолько, что она с трудом различила в

темноте побеленные стены и крутую заснеженную крышу. Сквозь щели в ставнях пробивались желтые лучики света. Она остановилась у двери. Входить!.. Но выбора не было. Она повернула шарообразную ручку и перешагнула порог. Следом за ней в дом ворвался ветер и грохот океана.

— Закрой дверь, — произнес Магнус. — Закрой дверь, дурочка.

Она захлопнула дверь перед непрошеными посетителями, оставив их бормотать и стенать под навесом крыши, повесила на вешалку плащ и повернулась. Магнус Райерсон сидел в своем потертом кожаном кресле и держал в руках книгу в потертом кожаном переплете. Как всегда, как всегда! Разве можно отличить в этом логове один день от другого? Светошар светился тускло, так что старик казался скорее тенью с мерцавшими, как сосульки, глазами и бородой, ниспадавшей грязно-белым водопадом. В очаге обреченно потрескивали брикетики торфа, пытаясь согреть чайник на каминной полке.

Положив книгу на колени, Райерсон выколотил свою допотопную трубку (воздух от нее в доме становился отвратительным) и грубо спросил:

— Где тебя носило весь день, девчонка? Я уже собирался идти искать тебя. Ты бы могла подвер-

нуть ногу и умереть там — одной и беспомощной, наедине со стихией.

— Но этого не случилось, — ответила Тамара. Она переобулась в дзори и направилась в кухню.

— Погоди, — сказал Магнус. — Тебе что, трудно запомнить? Я хочу, чтобы мой ужин и чай были на столе ровно в 16.30… И еще. Ты, девушка, должна быть осторожней. Ты ведь носишь последнего из Райерсонов.

Тамара остановилась. Скользнув взглядом по старинному кирпичному полу, она словно в тумане ощутила, как напряглось ее тело. Озябшая кожа, которая начала было отходить в тепле, покалывавшем ее мелкими иголочками, снова онемела. Это она ощутила уже сильнее.

— Не считая Дэвида, — сказала она.

— Если он жив. Ты еще веришь в это, после стольких недель? — Не глядя на нее, Магнус принялся прочищать трубку.

— Я не верю, что он мертв, — ответила она.

— Лунная команда не смогла установить с ними контакт по гравитационному лучу. Так что даже если он все еще жив, он умрет от старости прежде, чем корабль достигнет какой-либо звезды, где живут люди. А впрочем, нет — он скорее умрет от голода!

— Если бы он мог починить то, что вышло из строя… Приглушенные звуки грохотавшего снаружи прибоя усилились до крещендо. Магнус сжал губы.

— Одним из способов, как свести счеты с жизнью, является… надежда, — сказал он. — Ты должна смириться с худшим, потому что в этом мире больше зла, нежели добра.

Она взглянула на черную книгу, которую тот называл Библией и которая своей массивностью выделялась среди других книг, теснившихся на одной из полок.

— Так утверждает ваше Священное писание? — спросила Тамара, внезапно охрипнув. Она не узнала своего голоса.

— Ну да. А также второй закон термодинамики. — Магнус постучал трубкой по пепельнице. Этот неожиданный громкий звук заглушил завывание ветра.

— А вы… а вы… не хотите даже разрешить мне повесить его фотографию, — прошептала она.

— Она в альбоме, вместе с другими моими погибшими сыновьями. Я не желаю, чтобы ты вешала ее на стенку и хныкала перед ней. Мы должны смиренно принимать все, что Бог ниспосылает нам, и в то же время крепко держаться

на ногах.

— Да вы знаете… — проговорила Тамара, не сводя с него глаз и чувствуя, как в ней медленно поднимается волна ужаса. — Да вы знаете, что я не могу вспомнить даже его лица?

Смутно она надеялась вызвать его гнев. Но его широкие плечи, обтянутые пушистым свитером, просто приподнялись — легкое пожатие плечами, и все.

— Ну да, обычное дело. У тебя в памяти остались его слова, его светлые волосы и голубые глаза, ну и так далее, но все это не дает истинного образа. Ничего удивительного — в конце концов, ты и знала-то его не так уж долго.

«Ты мне говоришь, что я чужая, — подумала она, — что я сунула свой нос куда не положено и украла то, что мне не принадлежит».

— До ужина еще осталось время, чтобы немного повторить английскую грамматику, — сказал старик. — Уж больно неважно у тебя с неправильными глаголами.

Он положил книгу на стол. Девушка сразу узнала ее — стихи Киплинга, кем бы там ни был этот Киплинг.

— Доставай учебник и садись, — проговорил тот, указав на полку.

Вспыхнув, Тамара сжала кулаки.

— Нет.

— Что? — Продубленное ветрами лицо повернулось, всматриваясь в нее.

— Я не собираюсь больше учить английский.

— Не… — Магнус уставился на нее так, словно та была редким образчиком с другой планеты. — Ты себя плохо чувствуешь?

Чеканя язвительные слова, она бросала их одно за другим в лицо старику:

— Я лучше знаю, как мне проводить время, и не собираюсь тратить его на изучение мертвого языка.

— Мертвого? — вскричал Магнус. Она ощутила, как пространство между ними заполняется его гневом. — Язык пятидесяти миллионов…

— Пятидесяти миллионов невежественных провинциалов, населяющих бесплодные земли между разбомбленными городами, — сказала она. — Да за пределами своих Британских островов и пары глухих районов на североамериканском побережье вас никто и не поймет. Ни один современный автор или ученый, или… да никто… не пишет по-английски. Он мертвый, и все тут! Ходячий труп!

— Это ты так о языке своего мужа! — заорал он

на нее, поднимаясь с кресла.

— Вы думаете, он когда-нибудь заговорил бы на нем с кем-то, помимо вас, если бы… уехал отсюда? — отпарировала она. — И вы считали — в случае, если Дэвид вернется с того корабля, на который вы его отправили, и мы уедем на Рам, — вы воображали, что мы заговорим на языке вымирающего народа? В новом-то мире?

На щеках она почувствовала брызнувшие из глаз слезы. Охваченная страхом, она задыхалась. Старик был таким страшным и волосатым, таким огромным. Когда он встал, светошар и тусклый свет камина, объединившись, отбросили его тень на нее и заполонили темным силуэтом целый угол комнаты. Головой он едва не задевал потолок.

— Так, значит, теперь народ твоего мужа вымирает, — отрывисто проговорил он, словно выстрелил. — Зачем же ты тогда выходила за него замуж, раз он такой умирающий?

— Он-то как раз в порядке! — закричала она так, что отозвались стены. — Но не вы! Сидите тут и грезите о прошлом, когда Землей управляли ваши предки — из того прошлого мы благополучно выбрались! Дэвид собирался туда, где… где есть будущее!

— Понятно. — Магнус Райерсон наполовину отвернулся от нее. Засунув руки в карманы, он сжал их там в кулаки и заговорил раскатистым голосом, обращаясь к кому-то другому — не к ней.

— Мне все ясно. Ты ничем не отличаешься от других, воспитанных в ненависти к Западу, потому что когда-то он был их господином. Их учителем. Несколько веков тому назад этой планетой распоряжался белый человек. Наши старые грехи будут преследовать нас и последующие тысячу лет… пока, в свою очередь, не ослабнет твой народ, а те, кого вы поставили на ноги, не отомстят вам за предоставленную им помощь. Впрочем, я не собираюсь извиняться за своих предков. Я горжусь ими. Жестокости в нас было не больше, чем в остальных. И мы подарили — даже будучи на смертном ложе своей цивилизации… мы подарили вам звезды.

Его голос все усиливался, пока не превратился в настоящий рев.

— Но мы не умерли! Ты думаешь, что этот жалкий Протекторат является обществом? Как бы не так! Это даже не благопристойное невежество и дикость. Это просто заурядная диктатура, которая преклоняется перед своим статус-кво и боится заглянуть в будущее. Я отправился в космос, по-

тому что мои предки когда-то уходили в море. Я отдал космосу своих сыновей, и ты отдашь космосу своих, потому что именно в нем зародится новая цивилизация! Ты изучишь историю и язык наших предков — твоих предков. И ты, ей-Богу, узнаешь, что *значит* — быть одной из нас!

Его слова упали в пустоту. Какое-то время слышалось только завывание ветра да шепот крохотных язычков пламени в камине. Внизу грозно ревел океан и с грохотом обрушивался на прибрежную полосу, терзая остров, словно терьер крысу.

— Я уже знаю, что это значит, — проговорила наконец Тамара. — И это знание стоило мне Дэвида.

Он снова обратил к ней свое лицо и, опустив голову, исподлобья смотрел на нее, как на врага.

— Вы убили его, — сказала она негромко. — Вы послали его на смерть к мертвому солнцу. Потому что вы…

— У тебя сдают нервы, — прервал ее старик, сдерживая гнев. — Я настоял на его участии во всего лишь одной космической экспедиции, чтобы он испытал себя. Та экспедиция, о которой ты говоришь, была очень важной. Она много значила для науки. Впоследствии — каких бы

успехов на своем поприще он ни добился — он бы с гордостью говорил: «Я был на „Кресте“».

— Значит, он должен был умереть, теша свою гордость? — спросила она. — Такая причина лишена всякого смысла — как, впрочем, и истинная. Но я все же скажу вам, почему вы на самом деле заставили его отправиться туда… и если вы будете отрицать, что вынудили его силой, я назову вас лжецом! Вам была невыносима сама мысль, что один из ваших детей взбунтовался и отошел от вас… что он постиг весь этот отвратительный фарс, называемый космическими исследованиями, когда значение имеет количество проведенных в космосе километров по принципу: чем больше, тем лучше. Будто огромные расстояния обладают неким чудодейственным свойством. Дэвид собирался жить так, как назначила ему природа: ходить по живой земле, дышать живым, а не упакованным в баллоны воздухом, и чтобы были горы, на которые можно взбираться, а не вращающийся гроб… и его дети бы тоже… мы были бы счастливы! Вот с этим-то вы и не могли смириться!

Магнус зло усмехнулся.

— Уж больно расшумелась дочка профессора по символике, и все попусту, — сказал он. — Если

начать с конца, то чем ты докажешь, что вам было назначено жить счастливо?

— Чем вы докажете, что нам было назначено совершить прыжок через световые годы? — закричала она. — Это просто еще один способ убежать от себя — не больше. Без всякой на то выгоды. Я бы еще смогла понять, если бы корабли искали планеты для колонизации. Но… даже сам «Крест» был нацелен на трех гигантов! А ему сменили курс и отправили к какому-то черному, никому не нужному куску шлака! И сейчас Дэвид мертв… ради чего? Ради научной любознательности? Вы — не ученый-исследователь, да и он им тоже не был, и вы это знаете. Ради богатства? Больше, чем он смог бы заработать на Земле, ему не платили. Ради славы? На Земле совсем немного людей, которых волнуют исследования. На Раме ненамного больше. А уж Дэвида они и вовсе не интересовали. Ради приключений?

Да у вас за час прогулки по лесу приключений может быть больше, чем за целый год пребывания на звездолете. Так вот, вы убили своего сына, так как увидели, что он становится нормальным!

— Ну хватит, — прорычал Магнус и шагнул к ней. — Я уже достаточно наслушался тебя. В

своем-то собственном доме! К тому же я никогда не был сторонником этой новомодной бредовой идеи позволять женщине тявкать…

— Отойдите! — вскричала она. — Я не *ваша* жена! Он остановился. Черты его лица неожиданно смягчились. Он поднял свою искусственную руку, словно защищаясь от удара.

— Ты жена моего сына, — проговорил он уже спокойно. — Ты тоже одна из Райерсонов… теперь.

— Нет, если именно это имеется в виду. — Она наконец нашла решение, которое искала. Подойдя к стене, она сняла с вешалки плащ. — Надеюсь, вы одолжите мне свой аэрокар для перелета в Сторноуэй. Я обязательно отошлю его обратно, на автопилоте. Оттуда я найду на чем уехать.

— Куда же ты едешь? — спросил он голосом обиженного ребенка.

— Не знаю, — резко ответила она. — Куда-нибудь, где не такой ужасный климат. Мне будут выплачивать жалованье Дэвида, пока его не объявят мертвым, а потом я буду получать пенсию. Когда не останется никаких сомнений в том, что он не вернется, я перестану его ждать и уеду на Рам.

— Но девочка… прилично ли…

— К черту приличия! Я предпочитаю, чтобы сын Дэвида родился живым.

Она снова обулась в сапоги и, взяв с буфета фонарик, вышла за дверь. Когда она открывала ее, в дом ворвался ветер и ударил Магнуса по лицу.

Глава 13

Есть чудесная страна
Чинчанчу у моря,
Там из красного вина
Ткет прибой узоры.
Там берет из жизни все
Милая принцесса —
Аморальна пусть, зато
Красотою блещет.

Обогнув кожух гироскопа и с трудом поднявшись в обсервационный отсек, Дэвид Райерсон услышал легкое пощелкивание струн гитары, перемежающееся с красивыми аккордами. Голос Макларена не отставал от них. Взяв себя в руки, юноша вздохнул и убрал с глаз свесившуюся прядь прямых светлых волос.

Макларен находился в жилом отсеке. Видеть его было почти оскорбительно — такого чистого, в белой тунике, тогда как каждому для мытья выдавалось мизерное количество воды, достаточное лишь для однократного смачивания губки. Но еще обиднее было то, что от наполовину уре-

занных пайков новозеландец, казалось, ничуть не изменился. О недоедании говорили лишь заострившиеся черты его привлекательного смуглого лица и сгорбленная спина. У него не выпирали кости из-под туго натянутой кожи, как у Райерсона, и не было болезненного румянца и периодических приступов зубной боли, как у Накамуры. Это было несправедливо!

— О, привет, Дэйв. — Макларен продолжал пощипывать струны, только тише. — Как дела с контуром?

— Я закончил.

— Хм?

— Я только что расклепал последний болт и заварил последний контакт. Осталось лишь найти этот германий, сделать транзисторы и настроить блоки. — Обхватив рукой опору, Райерсон отдался на волю невесомости. Запавшие глаза его вглядывались в никуда. — Да поможет мне Бог, — прошептал он, — чем мне сейчас заняться?

— Ждать, — произнес Макларен. — Нам ничего не остается делать, как только ждать. — Некоторое время он изучающе смотрел на юношу. — Честно говоря, мы с Сейки пользовались любыми предлогами, чтобы не помогать тебе налаживать контур, а если уж делали, то меньше, чем

могли бы. Причина тут проста: я боялся, что ты закончишь работу прежде, чем мы найдем нашу планету.

Райерсон вздрогнул. Бледное лицо медленно заливал румянец.

— Да как же… — Гнев его улегся так же быстро, как вспыхнул. — Понимаю. Хорошо.

— За эти недели, с тех пор как мы отодвинулись от мертвой звезды, у меня появилась редкая возможность попрактиковаться в музыке, — заметил Макларен. — Я даже пробовал сочинять. Вот послушай.

На роскошных кораблях
Принцы-ухажеры
К той красавице плывут
Сквозь дикие штормы.
Нетерпением горя,
Принцы сразу к делу:
Предлагают руку ей,
А она им — …

— Да прекрати же! — взвизгнул Райерсон.

— Как хочешь, — мягко произнес Макларен и уложил гитару обратно в футляр. — Я с удовольствием поучил бы тебя играть, — предложил он.

— Нет.

— А как насчет партии в шахматы?

— Нет.

— Мне бы чертовски хотелось, чтобы я был поинтеллектуальнее, — признался Макларен. — Я никогда, знаешь, не отличался особой широтой взглядов. Всегда был каким-то несерьезным и безответственным, даже в науке. Теперь же… Было бы хорошо, если б я захватил с собой сотни две книг. Когда я вернусь, то обязательно прочитаю их все. — Улыбка на его лице угасла. — Думаю, теперь я смог бы понять их.

— Когда мы вернемся? — Исхудавшее тело Райерсона подобралось в воздухе, словно для прыжка. — Ты хочешь сказать: *если* вернемся!

Вошел Накамура, держа в руке пачку исписанных листков бумаги.

— Я произвел расчеты по последним данным, — сказал он. Райерсон встрепенулся.

— Что ты обнаружил? — закричал он. — Бога ради, что ты обнаружил?

— Безрезультатно.

— Господь Бог Израиля, — простонал Райерсон. — Опять безрезультатно.

— Дальше этой орбиты мы и не видим ничего, — спокойно сказал Макларен. — Где-то у меня

были кое-какие выкладки по следующей орбите. — Он вышел, лавируя среди приборов.

На щеке Райерсона непроизвольно задергался мускул. Юноша долго смотрел на Накамуру.

— Неужели мы ничего не можем сделать? — спросил он наконец. — Телескопы или… Что нам, так и *сидеть?*

— Мы вращаемся вокруг мертвого солнца, — напомнил ему штурман. — Отсюда можно видеть лишь слабый звездный свет. Только мощные приборы в состоянии сфотографировать планету, а не такие телескопы, как у нас. И не с большего расстояния, чем нам бы позволила гравитация. Вот так-с-с.

— Но ведь мы могли бы изготовить большой телескоп! — воскликнул Райерсон. — У нас есть стекло, и… и серебро, и…

— Я уже думал об этом. — Голос Макларена донесся до них из лаборатории. — Можешь заниматься им на досуге, но мы умрем с голоду прежде, чем получим подходящее зеркало и установим его здесь со всем полагающимся к нему оборудованием.

— Но… Макларен, ведь космос так велик! Мы можем разыскивать планету миллион лет и не найти ее, потому что не видим… не в состоянии

видеть их!

— Нельзя сказать, что мы работаем так уж вслепую. — Держа в руках перфоленту, Макларен снова зашел в отсек. — Возможно, ты забыл, по какому принципу мы ищем. Прежде всего мы определяем свое положение на орбите относительно мертвой звезды, затем какое-то время двигаемся по орбите, снова определяем положение — и так много раз. Потом смотрим, имела ли траектория движения корабля значительное расхождение с заданной кривой. Если да, то это значит, что причиной возмущения орбиты послужила некая планета, и в своих поисках этой планеты мы можем воспользоваться методом Леверье.[19] Если же нет — иными словами, если мы слишком далеки от планеты, то на следующем отрезке мы делаем то же самое. Пройдясь таким образом по всей окружности, мы повторяем все сначала на более высокой орбите.

— Заткнись! — раздраженно бросил Райерсон. — Можешь меня не учить! Я не школьник, черт бы тебя побрал! Мы лишь *гадаем!*

— Не совсем так, — возразил Макларен. — Ты был занят контуром, а я в это время разрабатывал

---

[19] Примечания: 19

У. Ж. Ж. Леверье (1811–1877) — французский астроном, автор теории планет. По предвычислениям Леверье был открыт Нептун.

второй принцип… ну да, приступил к нему, ты меня раньше никогда и не спрашивал. Сейчас поясню. Понимаешь, соотнеся полученные нами данные с известными классами звезд, я узнал, как примерно выглядела эта звезда в ее лучшие времена. Исходя из этого, а также из теории образования планет, я получил представление о ее былой планетарной системе. Например, ее планеты находились, скорее всего, приблизительно в экваториальной плоскости, а такие величины, как масса, угловой момент и магнитное поле, определяют постоянные закона Боде.[20] В меру этих знаний я могу изобразить орбитальную карту.

Ну а потом звезда превратилась в сверхновую. Ее ближайшие планеты испарились, а самые дальние гиганты, хотя и сильно пострадали, но, вероятно, уцелели. Теоретически планеты могли сформироваться на расстоянии светового года от этой звезды. Из-за таких колоссальных радиусов их обращения даже незначительная погрешность может сделать сомнительными мои подсчеты в астрономических единицах. Важную роль играет также следующий факт: взрыв

[20] Примечания: 20

И. Э. Боде — немецкий астроном. Один из авторов правила, устанавливающего зависимость между расстояниями планет от Солнца.

сверхновой заполнил газом все близлежащее пространство. Фактически мы находимся внутри несветящейся туманности. Орбиты оставшихся планет должны были бы уменьшиться, ведь в течение миллионов лет планеты по нисходящей спирали приближались к своему угасшему центру. С одной стороны, нам это только на руку: круг поисков становится не таким безнадежно огромным. Но с другой, возникает вопрос: сколько времени прошло с момента взрыва? Каково сейчас распределение плотности данной туманности и каким оно было в то время? Я тут кое-что прикинул, взяв несколько показателей. Вчерне, конечно, но… — Макларен пожал плечами, — что нам еще остается делать? Те последовательные орбиты, которые я вычислил как наиболее приемлемые на сегодняшний день для уцелевших планет, мы как раз сейчас и проверяем. Ну и, конечно, промежуточные радиусы, чтобы убедиться в значительных возмущениях нашей траектории, когда это будет происходить. И тут неважно знание точных координат тех планет. Это уже вопрос времени, когда мы достаточно близко подойдем к одной из них.

— Если хватит еды, — простонал Райерсон. — Нам ведь еще надо есть, пока не наладим контур.

Не забывай об этом.

— Мы собираемся пересмотреть наши графики, — задумчиво произнес Макларен. — До сих пор мы находили, чем себя занять. Теперь нам приходится только ждать и стараться не сойти с ума от этого ожидания. — Он ухмыльнулся. — Итак, объявляю конкурс скабрезных стишков на «Южном Кресте» открытым и в качестве приза предлагаю…

— О да, — сказал Райерсон. — Мировая потеха. Игры и веселье — а там к нам прислушивается замерзший труп Чанга Свердлова!

Сразу стало тихо. До них донесся неясный шепот воздуха в вентиляторах.

— Что мы еще можем сделать для нашего бедного друга? — тихо спросил Накамура. — На контрольной ракете послать его в черное солнце? Он заслужил лучшего к себе отношения. Да-с-с? Пусть его похоронят близкие.

— Похоронят его копию? — пронзительно закричал Райерсон. — Более глупого…

— Прошу вас, — произнес Накамура, пытаясь улыбнуться. — В конце концов… нас это не затруднит, а его друзей на родине может как-то утешить, как вы думаете? В конце концов — пользуясь атомной терминологией — мы даже не

стремимся отослать обратно самих себя. Только копии. — Он засмеялся.

— *Да прекрати же ты наконец свое хихиканье!*

— Пожалуйста. — Накамура отодвинулся, в шутливом изумлении поднимая руки. — Пожалуйста, и если я обидел вас, то прошу прощения.

— Прошу прощения! Прошу прощения! Убирайся отсюда! Убирайтесь оба отсюда! Видеть вас больше не могу!

Все еще кивая головой, улыбаясь и издавая шипящие звуки, Накамура направился к шахте. Одним прыжком Макларен очутился между ним и Райерсоном и схватил каждого за руку.

— Ну хватит! — Для обоих было настоящим потрясением увидеть, как на смуглом крючконосом лице Макларена глаза неожиданно наливаются зеленью. Он крушил их словами, орудуя ими, словно топором. — Дэйв, ты прямо как младенец, криком призывающий мать сменить ему пеленки. А ты, Сейки, думаешь, что остальному миру достаточно лишь твоих вежливых словечек. Если вы оба еще не передумали снова увидеть солнечный свет, то вам придется подправить свои взгляды. — Он слегка тряхнул их. — Дэйв, будь опрятнее. Сейки, переодевайся к обеду и разговаривай с нами. Вам обоим следует пре-

кратить самооплакивание и взяться за работу, чтобы выжить. А следующий шаг — снова стать цивилизованными. Чтобы одолеть ту Звезду, мы не располагаем ни численностью, ни временем, ни силой — ничем, кроме мужества. Теперь уходите и начинайте тренироваться, чтобы стать мужчинами!

Не отвечая, они молча смотрели на него и через несколько секунд разошлись в противоположных направлениях. Макларен остался один. До него вдруг дошло, что он сидит, тупо уставившись на футляр от своей гитары. «Мне лучше убрать ее подальше, до лучших времен, — подумал он. — Если они вообще наступят. Я не перестал мыслить, а с моими привычками, наверное, трудно ужиться».

Долгое время он ни о чем не думал. «Кажется, я стал капитаном — фактически, если не номинально. Но как это произошло? Что я сделал такого, чем я этого добился?» И тут же всплыла мучительная для него мысль: «Это потому, что мне нечего особо терять. Я могу быть объективнее, ведь у меня нет ни жены, ни детей, ни какого-то дела, ни Бога. Одинокому человеку легче оставаться спокойным».

Он прикрыл глаза и, словно желая опровергнуть себя, поплыл среди тысяч и тысяч безжалост-

ных звезд. Но он не имел права долго оставаться в таком положении — вот так, сгорбившись. Кто-нибудь мог вернуться, а капитана нельзя видеть поддавшимся чувству страха.

Страха не перед смертью. Перед жизнью.

Глава 14

Планета, видимая сквозь пластик смотровой башенки обсервационного отсека, выглядела так же зловеще, как и убившая ее материнская звезда. Скорчившись в тесноте тесной башенки, Райерсон пристально вглядывался в темноту космического пространства. На фоне рассыпанных по всему небу созвездий проступали контуры гигантского черного тела с серой каймой, испещренного бледными полосками. Райерсон смотрел, как оно пересекало Млечный Путь, пока наконец не исчезло из поля зрения. Но он знал, что это перемещение вызвано движением «Креста», в страхе кружившегося вокруг своей надежды.

«Я стою на горе Нево, — подумал он, — а внизу — моя земля обетованная».

Без всякой связи со своими мыслями он сунул руку в нагрудный карман. За долгие месяцы у них появились странности; они стали молчаливыми интравертами[21] и траппистами,[22] потому что

---

[21] Примечания: 21
Человек, сосредоточенный на самом себе, на своих переживаниях.

[22] Примечания: 22
Монах, член католического ордена молчальников.

содержательная беседа была слишком редкостна и драгоценна, чтобы сыпать ею где и когда попало. Из кармана Райерсон вытащил фотографию Тамары и приблизил ее к глазам. Временами в его памяти оживали воспоминания и тогда ему казалось, будто он вдыхает аромат ее волос. «Посмотри, — сказал он ей. — Мы нашли ее». И, подобно язычнику, преклоняющемуся перед своим идолом, прошептал: «Ты — мой талисман, Тамара. Ты нашла ее».

Когда черная планета, жадно заглатывая звезды, снова появилась в поле зрения (а до нее было всего тысяча или около того километров), Райерсон повернул фотографию жены лицом к планете — так, чтобы Тамара могла видеть, чего они достигли.

— Дэйв, ты там?

Голос Макларена донесся до него из-за цилиндра жилого отсека. За время поисков его голос стал совсем тихим. Часто, когда Макларен говорил, его было почти не слышно. А сам новозеландец, который некогда находился в гораздо лучшей форме по сравнению с остальными, в последнее время страшно исхудал — не так, как они, — а глаза его словно провалились на самое дно глазных впадин. Зато, подумал Райерсон,

Каждый из присутствующих на борту звездолета так или иначе пришел к примирению с самим собой, но это им дорого обошлось. Он, например, заплатил своей юностью.

— Иду, — Райерсон с трудом двинулся вдоль закруглявшейся стены обсервационного отсека, стараясь не задеть приборы. Макларен сидел за своим пультом. В руках он держал пюпитр, в зажимном устройстве которого была порядочная стопка исписанных листков бумаги. Только что к нему подошел Накамура. Сараец уже не расставался с маской, под которой прятал свои чувства, и все больше и больше походил на вежливого, ненавязчивого робота. Райерсон, глядя на него, спросил себя, что ощущает этот человек — безмятежна ли сейчас его душа или, наоборот, проходит через адов круг самого беспросветного одиночества, а может, она переживает и то и другое одновременно.

— Тут у меня для вас вполне приличные данные расчетов, — сказал Макларен.

Райерсон и Накамура застыли в молчаливом ожидании. Как ни странно, особого ликования по поводу того, что планета наконец приоткрыла свои секреты, не было. «Я превратился, — подумал Райерсон, — в обыкновенного работягу. Все,

что происходит вне меня, кажется почти нереальным — существует лишь последовательный ряд движений в моем теле и моем мозгу. Я не могу веселиться, потому что никакой победы нет. Есть только единственная и окончательная победа: Тамара.

Но я удивляюсь, почему не радуются Теранги и Сейки».

Макларен быстро перелистал бумаги.

— По сравнению с Землей планета имеет меньшую массу и радиус, — сообщил он, — зато значительно превышает ее по плотности. Это наводит на мысль, что планета состоит, в основном, из никелевого железа. Спутников у нее, конечно, нет. Атмосферы тоже нет, несмотря на то что сила тяжести на ее поверхности ненамного больше земной. Кажется, там внизу — голые скальные породы… или, как мне думается, металл. Во всяком случае, что-то твердое.

— Каковы были ее размеры в прошлом? — тихо спросил Накамура.

Макларен пожал плечами.

— Тут можно только гадать, — сказал он. — Я не знаю, какой по счету является эта планета когда-то существовавшей системы. Понимаете, одна или две из числа уцелевших планет к насто-

ящему времени, вероятно, уже упали на мертвую звезду. Лично я, однако, думаю, что эта планета была типа 61 Лебедя С — более массивной; чем Юпитер, но занимавшей меньший объем из-за деформации коры. У нее была чрезвычайно большая орбита. Но сверхновая все же достала планету, полностью испарив ее кислород, и, возможно, даже некоторые более тяжелые элементы. Весь этот процесс, конечно, требовал времени, и, когда звезда окончательно выродилась в белого карлика, у планеты все еще оставалась довольно большая масса. Поскольку на кору больше не давили наружные слои, она вернулась к нормальной плотности, и это возвращение, ставшее новой катастрофой, само по себе было, наверное, захватывающим зрелищем. С тех пор, в течение вот уже сотен мегалет, газы, оставшиеся после взрыва сверхновой, заставляют планету медленно двигаться по нисходящей спирали к мертвому центру. А сейчас…

— Сейчас мы нашли ее, — проговорил Райерсон. — А запасов еды у нас осталось только на три недели.

— И ко всему германий, который еще только предстоит найти, — добавил Макларен.

Накамура вздохнул. Мысленно он перевел

взгляд на отсек «под» ногами. Там, далеко на корме, находилось складское помещение. Через его незакрытый люк свободно вливался не знающий пощады космос, омывая своими потоками мертвого человека, привязанного к опоре.

— Будь нас тут четверо, — сказал он, — мы бы уж давно съели все свои припасы и сейчас умирали бы от голода. Со всей покорностью я отдаю дань признательности инженеру Свердлову.

— Он умер не потому, — холодно заметил Макларен.

— Нет, конечно. Но разве сам факт несчастного случая умалил значение того, что он сделал для нас?

Какое-то время они молча плавали в невесомости. Затем Макларен, взяв себя в руки, произнес:

— Мы только зря теряем время. Наш корабль никогда не предназначался для высадки на планеты. Ранее я информировал вас, что в любом из найденных нами миров вместо небесной атмосферы вполне вероятен вакуум. Поскольку никаких возражений с вашей стороны не последовало, то беру на себя смелость утверждать, что наши аэролеты способны совершить посадку.

Скрестив ноги, Накамура обхватил руками колено. Лицо его по-прежнему выражало полное

безразличие.

— А вы хорошо знакомы с типовым разведочным оборудованием? — спросил он.

— Не очень, — признался Макларен. — Просто, насколько я понимаю, аэролетам отдают предпочтение из-за экономии в массе.

— Скорее даже из-за лучшей маневренности. Используя крылья и турбореактивные ядерные двигатели, воздушное судно способно высоко подняться в атмосферу, преодолевая сильнейшее сопротивление воздуха. При этом не надо даже тратить реактивную массу самой ракеты. С такой же легкостью и без всякого риска для себя он может производить посадку в каком угодно месте. Те аэролеты, что имеются на борту «Креста» в демонтированном виде, как раз и предназначены для этой цели. Покинув свой базовый корабль, обращающийся вокруг новой планеты, они на короткое время включают ракетный двигатель, плавно входят в атмосферу планеты и снижаются. С возвращением, конечно, труднее, но аэролеты достигают стратосферы, даже не включая реактивную тягу. Ну а ее включение, в свою очередь, выносит аэролеты из стратосферы прямиком в космическое пространство, где заработают их ионные ускорители. С загерметизированными

кабинами аэролетам, естественно, пригодна любая атмосфера.

Это что касается их разведывательных функций. Но, оказывается, эти вспомогательные космические кораблики способны приземляться на одной только ракетной тяге. Когда приходит время установки очередной ретрансляционной станции, работающей на луче, выбирается небольшой спутник какой-либо планеты. Причем, чтобы избежать необходимого в таких случаях карантина, желательно выбрать спутник, начисто лишенный атмосферы и жизни. Кораблики, снующие взад и вперед как челноки, переносят с базового корабля детали нуль-передатчика, а тот уже собирается на поверхности спутника. Таким образом, собственная масса спутника поступает в распоряжение накопителя материи и тогда, согласно сигналам с базовой станции, может быть воссоздано любое количество вещества. В первую очередь обычно пересылаются детали намного более крупной приемопередаточной станции, которая способна манипулировать сразу многими тоннами материи.

— Что ж, прекрасно, — сказал Макларен. — Примерно так я и думал. Давайте приземляться

и… о!

Райерсон почувствовал, как его рот растягивается хоть и в невеселую, но все же улыбку.

— Ты видишь? — прошептал он. Макларен внимательно посмотрел на него.

— Ты, кажется, не слишком обескуражен, — заметил он. — Этому должна быть причина. Райерсон кивнул:

— Я уже говорил об этом с Сейки, пока ты был занят определением точных характеристик планеты. Тебе, наверное, будет не интересно, но… Впрочем, пусть он сам скажет тебе.

— Я почти и не надеялся, — медленно произнес Макларен, — что у первой же встреченной нами планеты уцелеет спутник, причем достаточно малых размеров, чтобы посадить на него наш корабль — или, если угодно, пришвартоваться к нему. Лучшего невозможно было бы и желать. А теперь я знаю точно, что никакое небесное тело не сопровождает эту глыбу. Следовательно, нам придется добывать свой германий там, внизу.

— Что мы, вероятно, давно бы уже сделали, если бы нам повезло быстрее отыскать планету, — сказал ему Накамура. — Мы можем спустить аэролет на поверхность прямо сейчас. Но ведь нам придется переправлять туда все шахтное и

обогатительное оборудование, определять место для бурения, устанавливать воздушный купол… Слишком много работы на троих — явно больше, чем на те три недели, за которые мы успеем съесть все наши запасы пищи. А ведь еще остается самое главное — горные работы.

Макларен кивнул.

— Мне бы следовало самому об этом подумать, — сказал он. — Интересно, насколько здраво мы рассуждаем… как можем мы оценить нормальность рассудка, если мы — единственная человеческая раса на десятки световых лет?.. Ладно. Итак, я не подумал, а вы не сказали. И все же мне кажется, что выход из нашего трудного положения найти можно.

— Да, — согласился штурман. — Правда, довольно рискованный, но любой другой приведет к смерти, это уж точно. Мы можем спустить сам корабль и использовать его в качестве готового воздушного купола и оборудованной рабочей площадки.

— «Крест»? Но… ну да, конечно, здешняя гравитация для него не проблема. Да и магнетизм ему тоже не страшен, тем более что сейчас ионный привод экранирован… но мы не можем садиться на хвост! Мы же сомнем контур, и… черт побери,

корабль вообще не может приземляться. Он просто не предназначен для этого! Он не обладает достаточной маневренностью; ведь даже такая простая операция, как полный его разворот с помощью гироскопов, занимает около получаса.

— Когда-то я подготовил расчеты — так, на всякий случай, — спокойно проговорил Накамура. — И этот случай, кажется, настал. Мы ничего не могли предпринять, пока не знали, что же мы в действительности обнаружим, но я все же набросал несколько эскизов. У нас есть шесть вспомогательных ракет в разобранном виде. Так? Монтаж их реактивных двигателей не займет много времени, поскольку их схемы весьма просты. Затем прикрепим их к корпусу «Креста» с его внешней стороны, а их системы управления выведем к пульту оператора корабельного компьютера. Думаю, что если мы очень постараемся, то за два-три дня сможем завершить и монтаж, и проверку узлов, и даже приведение всей этой системы в рабочее состояние. Каждая пара ракет должна быть смонтирована на корпусе так, чтобы образовалась пара сил, которая будет вращать корабль вокруг одной из трех ортогональных космических осей. Я не прав? Таким образом, звездолет станет весьма чутко реагировать на

команды. Кроме того, мы разрежем на куски корпусы аэролетов, а также все, что может пригодиться для нашего замысла и без чего мы можем обойтись — например, внутреннюю арматуру. Из этих кусков мы сконструируем треножник, который будет оградой и защитой всех конструкций на корме. Он, конечно, будет не слишком изящным, да и корабль из-за него разбалансируется. Но я надеюсь, что мои скромные навыки в области пилотажа смогут компенсировать этот недостаток. Треножник будет не таким уж прочным, но с помощью радара и мощной ионной тяги можно очень мягко посадить корабль.

— Хм-м. — Макларен потер подбородок, переводя взгляд то на Райерсона, то на штурмана. — Прикрепить на место те ракетные двигатели так, как ты сказал, будет несложно. Но треножник более сотни метров в длину, для корабля с такой массой, как наш… не знаю. Если ничего другого придумать нельзя, то как насчет механизмов саморегулирования для этой штуки?

— Пожалуйста. — Накамура отмахнулся от его слов. — Я понимаю, что у нас нет времени делать все как следует. Мой план не предусматривает каких-либо опорных конструкций с автоматической регулировкой. Простого жесткого

сооружения вполне достаточно. А с помощью радара мы сможем выбрать почти ровную посадочную площадку.

— Там, внизу, все площадки такие, — заметил Макларен. — Железо этой планеты когда-то кипело, и с тех пор не подвергалось никаким атмосферным воздействиям. Разумеется, там хватает всяких неровностей — пусть незначительных, но и они способны опрокинуть нас на нашем треножнике. Представляете, как мы хлопнемся об землю всей своей массой в тысячу тонн!

Накамура опустил глаза.

— Все будет зависеть от быстроты моей реакции, — сказал он. — Конечно, мы рискуем.

Подготовив корабль, они еще раз встретились в обсервационном отсеке, чтобы надеть скафандры. При посадке корпус мог треснуть. Через несколько минут они должны были разойтись по своим местам: Макларен и Райерсон — вниз, к рычагам управления двигателем, а Накамура — в штурманскую рубку. Там он обвяжется противоперегрузочными ремнями, оставив свободными только руки. Накамура устремил свой взгляд на Макларена.

— Мы можем больше не встретиться, — про-

говорил он.

— Не исключено, — сказал Макларен.

Маленькое, плотно сбитое тело Накамуры не дрогнуло, но лицо его смягчилось. Впервые за много времени на нем появилось выражение, и оно было кротким.

— Другой возможности у меня может не оказаться, — сказал он, — поэтому мне хотелось бы поблагодарить вас.

— За что же?

— Я больше не боюсь.

— Не благодари меня, — сказал Макларен в замешательстве. — Парень, знаешь, справляется с этим сам… ну, что-то в этом роде.

— По крайней мере, вы дали мне время на это. — Накамура поклонился в воздухе. — *Сэнсей,* дайте мне свое благословение.

— Послушай, — немного смущаясь, заговорил Макларен, — у любого из вас мастерства больше, чем у меня, и в корабль я вложил меньше, чем остальные. Я всего лишь рассказал вам в нескольких словах об этой звезде и об этой планете, а вы — по крайней мере, Дэйв — смогли раскусить это с чуть большим трудом. Зато я никогда бы не узнал, как отремонтировать ионный привод… или контур; и я никогда бы не смог посадить этот

корабль.

— Я говорил не о физическом выживании, — сказал Накамура. На его губах заиграла улыбка. — И все же, вы помните, как мы поначалу растерялись и как шумели, а потом какими мы стали спокойными и нам так хорошо работалось вместе? Это все вы. Наивысшее искусство в межчеловеческом общении — дать возможность другим показать *свое* искусство. — Накамура посерьезнел. — А вот следующая ступень успеха находится в самом человеке. Вы научили меня. Сознательно или нет, Терангисан, но вы научили меня. Я бы, конечно, многое отдал за то, чтобы у вас… появился шанс… научить себя.

Из отсека, где находились их рабочие шкафчики, вернулся Райерсон.

— Вот они, пожалуйста, — произнес он. — Куда ни глянь, повсюду эти водолазные жестянки.

Облачившись в свой скафандр, Макларен отправился на корму. «Интересно, много ли Сейки знает? Знает ли он, что я стал ко всему безразличен и что я не ликовал по поводу обнаружения нами этой планеты не потому, что я — стоик, а просто потому, что мне было страшно надеяться.

Я, наверное, даже не знал, для чего мне надеяться. Затевать всю эту борьбу, лишь бы попасть

обратно на Землю и снова развлекаться? Нет, конечно. Это даже смешно».

— Нам бы следовало раздать дневной паек перед тем, как спускаться вниз, — заметил Райерсон. — Там нам, может, и не удастся поесть.

— А у кого есть аппетит при таких делах? — спросил Макларен. — Откладывая обед, мы растягиваем свои припасы еще на пару часов.

— Осталось только на семнадцать дней.

— Мы можем продержаться без еды чуть подольше.

— Нам придется продержаться, — сказал Райерсон и облизал губы. — За каких-то семнадцать дней мы ни за что не успеем столько сделать: и добыть нужный нам металл, и газифицировать его, и выделить ничтожный процент германия, а потом сделать из него транзисторы и настроить линию связи.

Макларен состроил гримасу:

— А не все ли равно, от чего мы умрем — от истощения или из-за этой жестяной плетенки? Если честно, то я не вижу большой разницы.

Спохватившись, он поспешил широко улыбнуться Райерсону, так чтобы парнишка принял сказанное им за шутку. Всякий ропот отныне был исключен; они просто не смели роптать. А их

мечтания вслух типа «когда мы вернемся домой» — то, что являлось положительной стороной любой беседы — давно уже иссякли. Застольная беседа была для них ритуалом, в котором они одно время чувствовали потребность, но в каком-то смысле уже выросли из нее, как из платья. И теперь каждый погружался в себя. «Именно это и имел в виду Сейки, — подумал Макларен. — Вот только ничего я в себе не нашел. Впрочем, нет. Нашел. Но не знаю, что именно. Там слишком темно, чтобы разглядеть».

Затянувшись ремнями, он приступил к проверке приборов.

— Штурман машинному отделению. Дайте отсчет показаний!

— Машинное отделение штурману. Положительный вольтаж — норма. Отрицательный вольтаж — норма. Подача ртути — в пределах нормы…

Корабль ожил.

И началось движение вниз. Мощная ионная тяга стала притормаживать его разбег по орбите, и по нисходящей спирали корабль двинулся к безжизненной черной стальной планете, манившей его к себе. Он шел осторожно, словно нащупывая себе дорогу. Надо было следить и за вращением,

и за тем, чтобы не слишком быстро сбрасывать скорость. В противном случае начнется вибрация массивной сферы, а это, в свою очередь, грозит полным выходом ее из-под контроля. Двигатели, периодически включаясь, раскручивали корабль и направляли его. Ионный привод работал почти бесшумно, но ракеты на корпусе грохотали так, словно по нему били молотом.

Все вниз и вниз.

И только потом, восстанавливая обрывки воспоминаний в единое целое, Макларен понял, что произошло, но до конца он этому так и не поверил. «Крест» опустился на железную равнину. На нее встала одна нога треножника, вторая. Поверхность планеты оказалась не совсем ровной. Корабль начал опрокидываться. Только благодаря своему мастерству Накамура, слив воедино мощности двигателей корабля и закрепленных на его корпусе ракет, смог одним рывком оторвать его от поверхности. Подобного мастерства способен достигнуть только полностью сбросивший с себя всякое напряжение человек, который воспринимает себя неотъемлемой частью корабля. Только он может с такой быстротой реагировать на постепенно меняющиеся колоссальные силы, задействованные в этом процессе.

Накамура поднял корабль на несколько метров и, выбрав другую площадку, снова попытался сесть. И опять треножник коснулся почвы двумя опорами. Корабль снова стал опрокидываться. Третья нога соскочила в ямку, образованную не чем иным, как застывшей в железе рябью. Удар опоры о поверхность оказался настолько сильным, что она наверняка согнулась.

Накамура едва успел поднять корабль. Мгновение он висел в воздухе на столбе пламени, удерживая равновесие короткими разрядами реактивной тяги. Нижний край конструкции на корме «Креста» нависал всего лишь в нескольких метрах над поверхностью планеты.

Внезапно Накамура отключил ионную тягу, И за тот краткий миг, пока падал корабль, штурман успел перевернуть его на одних вращательных реактивных двигателях. «Крест» врезался в планету носом. Штурманскую рубку снесло начисто, от носа практически ничего не осталось. Автоматы наглухо задраили аварийные переборки, чтобы прекратить утечку воздуха, со свистом покидающего корабль. Масса его была огромна, и удар по своей силе получился чудовищным. Сфера, не выдержав, треснула, и от носа к корме зазмеилась многометровая трещина. С задран-

ным к небу ионным приводом и совершенно не пострадавшим приемопередаточным контуром «Крест» неподвижно застыл в положении Колумбова яйца.

А сверху на него спокойно изливали свое сияние звезды.

Впоследствии Макларен мучился в догадках: может быть, Накамура уже задолго до этого точно знал, что иным способом посадить корабль невозможно. Или он решил, что его паек позволит оставшимся в живых протянуть лишнюю неделю. А возможно, он просто встретился со своей трагической судьбой.

Глава 15

Планета вращалась вокруг своей оси чрезвычайно быстро: один оборот менее чем за десять часов. Ее сумрачные железные равнины никогда не видели дня — отсчет времени шел только по звездам и по чувству голода. Здесь царила мертвая тишина, не нарушаемая ни ветром, ни дождем, ни шумом волн несуществующих морей — ничем, кроме шелеста звуков в наушниках людей, который сливался с еле слышным шипением равнодушно переговаривающихся звезд.

Стоя на краю шурфа, Макларен поднял голову и увидел над собой черное пронзительное небо — бездонное пространство абсолютного холода. Теоретически все эти огромные скопления солнц — бело-голубых, цвета заиндевевшего золота или тускнеющего багрянца — в одинаковой степени находились в пределах лишь видимой бесконечности. Но здравый рассудок подсказывал, что за одной беспредельностью следует другая, и он ужасался этому. Не утешала даже твердая земля под ногами — почти такая же мрачная, как и небо. Звездный свет ограничивал поле

зрения до нескольких метров, а далее все тонуло в непроглядном мраке. Усеченный Млечный Путь и восходящее созвездие (про себя Макларен назвал его Ризус-Усмешка) наводили на мысль о существовании горизонта, но его животные инстинкты не верили этому.

Он вздохнул, надвинул светофильтр на лицевое стекло шлема и принялся вырубать грунт. Атомно-водородный резак не слепил глаза, но в полыхавшем из него огне гасло сияние звезд. Торопливо отрезая десятикилограммовые куски, он пинком сбрасывал их в шурф, чтобы те снова не сплавились вместе. Сама дыра в почве была первоначально пробита взрывом, а дальше ему пришлось добывать руду вручную, поскольку запасы взрывчатки на «Кресте» были мизерны.

Руда, подумал он, это пустяк. Но как могут двое, пешком, проводить геологоразведочную работу в стерильном мире, запечатанном в вакуум сотни миллионов лет тому назад? Да и вряд ли в этих изысканиях есть такая уж необходимость. Однажды эта планета кипела — по крайней мере, на поверхности. А когда раздавленные атомы стали расширяться до своих нормальных размеров, металлическая кора при этом раскалилась — вполне возможно, даже расплавилась — и ее слои

перемешались. Все тело этой планеты, скорее всего, представляет собой одну сплошную сплавленную глыбу металла. Можно было взять любой кусок этой руды, раздробить его, газифицировать, ионизировать, поместить в электромагнитный сепаратор изотопов и извлечь из него столько германия, сколько из любого другого куска. А уж много или мало его в том куске — это как повезет. Узнав скорость извлечения германия по такой методике, можно было вычислить, через какое время накопится четыре килограмма. До этой даты оставались еще недели.

Макларен прекратил вырубку грунта, выключил резак и, повесив его на генератор, забрался в бадью подъемника на краю шурфа. При спуске его фонарик отбрасывал на стены вертикальной выработки лужицы света. С трудом передвигаясь по дну шурфа, он загрузил бадью и, усевшись на нее сверху, поднялся к поверхности. Там его ожидала маленькая электротележка, и он высыпал в нее содержимое бадьи. А затем ему пришлось проделать все сначала, и еще раз, и еще — до тех пор, пока тележка не наполнилась.

Слава Богу и мертвым создателям «Креста», что корабль был прекрасно оборудован для работы на поверхности безвоздушных планет; на его бор-

ту были машины для рытья, строительства, для транспортировки грузов. Конечно, так и должно было быть. Ведь его основной целью являлась установка новой приемо-передаточной станции на новой луне; а все остальное потом присылалось прямо из Солнечной системы.

Когда-то это было его целью.

Но, черт возьми, эта цель и сейчас стояла перед ним.

Макларен устало взобрался на сиденье тележки. Вместе со скафандром его вес на одну четверть превышал здесь земной. Фары высветили проведенную краской линию, указывающую путь к кораблю. В целях безопасности было решено взрывать шурф в некотором отдалении от него, чтобы вибрация почвы не смогла причинить вреда контуру или сепаратору изотопов. А затем трассу пришлось пометить, раз уж здешняя природа не удосужилась оставить им какие-либо ориентиры, чтобы не сбиваться с пути. Поверхность этой планеты была голой, как череп.

Бремя существования свинцовой тяжестью навалилось на Макларена.

Вскоре он различил сплюснутую сферу «Креста», увенчанную металлическим каркасом, и туманность Ориона. Не шутка, когда внутри все

перевернулось вверх дном. Они потратили целый день на то, чтобы просто расставить по местам все необходимые им предметы. Что ж, Сейки, ты сделал то, что на тот момент казалось самым подходящим, и сейчас твое изуродованное тело с честью покоится рядом с Чангом Свердловым на обширных железных равнинах.

Яркие прожекторы заливали светом пространство под корпусом корабля. Райерсон как раз заканчивал обработку предыдущей партии груза, кроша камень и затем измельчая его в пыль. Великолепная слаженность в работе. Макларен остановил тележку и слез с нее. Райерсон обернулся к нему. Направленный свет прожектора проник сквозь лицевое стекло и выхватил из тьмы внутри скафандра осунувшееся бородатое лицо, размером чуть больше носа, скул и колючего подбородка. Под этим высоким сводом небес, в своей фантастической броне скафандра он походил скорее на тролля, чем на человека. «А может, и я, — подумал Макларен. — Человечество далеко от нас. Мы перестали мыться, бриться, обращать внимание на одежду, готовить пищу… притворяться. Мы работаем до тех пор, пока не перестанет соображать голова, и после этого остаемся поработать еще. А затем мы вполза-

ем по лестнице в корабль, чтобы на пару часов забыться в тревожном сне, и просыпаемся под трезвон будильника, и обманываем свои ссохшиеся желудки, заливая их литром чая. А потом мы кладем в свои рты по крошечному кусочку пищи и снова выходим наружу. Потому что времени у нас почти не осталось».

— Привет, нибелунг, — произнес Райерсон. Макларен вздрогнул.

— Ты что, становишься телепатом?

— Не исключено, — заметил Райерсон. Голос его уже сел до хриплого шепота. Взглядом обшарив темноту, Райерсон добавил: — Здесь все возможно.

— Как закончим с этой партией груза, — предложил Макларен, не желая дальше развивать мысль Райерсона, — не мешало бы убрать весь шлак подальше от корабля. Эти девяносто девять процентов отходов, абсолютно для нас бесполезные, накапливаются слишком уж быстро.

— М-хм. — Тяжело ступая, Райерсон подошел к тележке и начал разгружать ее. — А затем опять все сначала: вырубать грунт, грузить, дробить… Боже милостивый, как же я устал! Ты действительно думаешь, что мы сможем и дальше выполнять такую тяжелую работу — вот как

сейчас, — когда съедим свой последний кусок?

— Но нам все равно придется это делать, — сказал Макларен. — И, конечно, всегда есть… — Он приподнял огромный кусок породы, и в голове у него все закружилось. Выронив из рук камень, он ткнулся коленями в твердую поверхность планеты.

— Теранги! — Голос Райерсона, казалось, пробивался к нему сквозь густую пелену тумана из каких-то непостижимых и смутных дельфийских[23] глубин. — Теранги, что с тобой?

— Ничего, — пробормотал Макларен. Качнувшись, он натолкнулся на вытянутые руки Райерсона. — Оставь… все в порядке, через минуту… — Осязая твердую устойчивость скафандра, он позволил себе расслабиться. Слабость, откатываясь волнами, отпускала его постепенно.

Вскоре Макларен почувствовал себя значительно лучше. Он поднял глаза. Райерсон как раз скармливал дробилке последние куски породы. Машина перемалывала их с таким грохотом, что дрожала сама планета и он, Макларен, вместе с ней. Даже зубы его, вибрируя, слегка постукивали друг о друга.

---

[23] Примечания: 23

Намек на храм в Дельфах, построенный в IX веке над скалой. Из расселин скалы выделялись одурманивающие испарения.

— Прости, Дэйв, — проговорил он.

— Все в порядке. Тебе лучше подняться в корабль и немного полежать.

— Самое время. Наверное, нам не следовало так сильно урезать наши пайки.

— Ты теряешь в весе даже быстрее, чем я, — заметил Райерсон. — Тебе, пожалуй, нужен дополнительный паек.

— Ну нет. Это просто следствие нарушения обмена веществ, вызванного годами неумеренного потребления вина, женщин и нескладных песенок.

Райерсон присел возле него.

— Я уже и сам еле дышу. Наверное, нам обоим стоит передохнуть, пока дробилка расправляется с породой.

— Хорошо, — произнес Макларен, — если твой копчик может выдержать такой грохот, выдержит и мой.

Какое-то время оба молчали. Их тела дрожали от громыхания машины, а в головах гудело от нескончаемого бормотания звезд.

— Как ты думаешь, сколько времени займет подготовка контура? — спросил Макларен. — По твоим последним прикидкам.

— Раньше я недооценивал время, затрачива-

емое на каждую операцию, — ответил Райерсон. — А сейчас — просто не знаю. Сначала нам нужно добыть германий. Затем собрать блоки… Не знаю. Две недели, три? А затем, как только все схемы начнут функционировать, их надо настраивать. В основном вслепую. Ведь я совсем не знаю критических констант. В общем, мы потратим *x* времени, где *x* зависит от нашего везения.

— Скоро мы откроем последнюю банку с едой, — сказал Макларен. Напоминать об этом было совершенно излишне, это подводило их к тому, о чем они оба избегали говорить.

Райерсон решительно отказывался приближаться к опасной теме.

— Говорят, что от курения пропадает аппетит.

— Пропадает, — подтвердил Макларен, — но я докурил последние сигареты несколько месяцев назад. А теперь у меня даже пропало желание курить. Хотя я, конечно, благополучно восстановлю эту свою привычку, как только мы попадем на Землю.

— Когда мы вернемся домой… — Слова замерли у Райерсона на губах, словно он бормотал во сне. — Мы уже давно не говорили о наших планах на будущее.

— Как сказал бы любой из нас, оно становится

слишком предсказуемым.

— Это так. А сейчас ты его тоже можешь предугадать? Я имею в виду: ты еще не передумал насчет того кругосветного круиза на паруснике… э-э… с женским экипажем и полным трюмом шампанского?

— Не знаю, — ответил Макларен, слегка удивляясь тому, что мог бы осуществить этот план. — Я думал… А ты помнишь, как мы однажды в космосе разговаривали о плавании под парусами и делились друг с другом своим опытом в этом деле, и ты еще сказал мне, что море — это самое жестокое творение на нашей планете?

— М-м-м-да. Конечно, моим морем была Северная Атлантика. Она воспринималась по-разному.

— Верно. И все же, Дэйв, море не выходит у меня из головы. Теперь я вижу, что ты был прав. Любой океан для нас слишком… велик, древен, ослепителен… слишком красив. — Он обратил свой взгляд на миллиарды солнц Млечного Пути. — И этот черный океан, в котором мы терпим катастрофу, тоже.

— Странно, — сказал Райерсон. — Я считал, что именно под твоим влиянием все больше и больше думаю о море как о… наверное, не как

о друге. Но как о надежде и жизни, и… даже не пойму. Знаю только одно: мне бы хотелось, чтобы ты взял меня с собой в тот круиз.

— Непременно, — сказал Макларен. — Я вовсе не имел в виду, что буду бояться теперь воды, стоило мне заглянуть в нее поглубже. И не только в нее — наверное, во все. Шутка сказать, но здесь, на этой планете, у меня временами появляется чувство, которое Сейки называл внутренним видением, интуицией.

— Космос многому учит, — согласился Райерсон. — Мне тоже начало что-то открываться, когда я пришел к выводу, что не Бог зашвырнул меня сюда и что Он не собирается возвращать меня домой — Ему нет до этого дела… Да, так насчет того круиза. Мне бы хотелось поехать с женой, но она догадается о твоих, э-э, спутницах.

— Наверняка, — подтвердил Макларен. — Как это я не подумал? Ты мне так много рассказывал о ней, что я чувствую себя другом семьи. «У меня такое чувство, будто я сам люблю ее».

— Приезжай к нам в гости и будь нам нашим добрым дядюшкой, когда мы устроимся… Черт, я совсем забыл о карантине. Что ж, тогда приезжай к нам на Рам через тридцать лет!

«С моей стороны это просто безрассудство, —

подумал про себя Макларен. — Сокрушив меня, небо низринуло меня в детство. То, что у нее прекрасные глаза и волосы, похожие на темный цветок, не означает, что она — та единственная женщина, которую я всегда искал и тоску по которой я много лет пытался заглушить. Просто она — первая женщина после смерти моей матери, которая оказалась человеком.

И поэтому, Тамара, я незаметно подкладываю обратно три четверти своего пайка в общую долю, чтобы твой муж мог с чистым сердцем брать половину этой доли себе. Это то немногое, чем я, никогда тебя не видевший, могу отплатить за то, что ты дала мне».

— Теранги! С тобой все в порядке?

— Что? Да-да, конечно. — Прищурившись, Макларен посмотрел на призрачные очертания стоявшего рядом с ним человека в скафандре. — Прости, старина. Мой ум блуждал далеко отсюда, в одной очень трогательно-прекрасной экспедиции.

— Странная штука, — сказал Райерсон. — Я все чаще и чаще ловлю себя на мысли, что думаю о совершенных пустяках. Взять хотя бы твой круиз. Я действительно хочу пойти с тобой в это плавание, если ты еще не передумал, и мы

возьмем с собой то шампанское и будем останавливаться у каждого солнечного острова, и будем наслаждаться жизнью — нам некуда спешить, и чертовски хорошо проведем время. Никогда не ожидал, что… происшедшее с нами… изменит меня подобным образом. А ты ожидал?

— Наверное, нет, — ответил Макларен. — Как тебе сказать… Вообще-то я думал, что ты…

— Знаю. Я считал, что Бог посылает на меня свою кару. Я верил, что сотворенная Им Вселенная должна быть подвластна Его праведному гневу. А сейчас я побывал по ту сторону Судного дня. Здесь, на этой кошмарной земле. И тем не менее даже не знаю почему, но тот же самый Бог, который воспламенил эту новую звезду, равным образом счел нужным… сотворить вино на свадьбе в Кане.

Макларен спросил себя, а не пожалеет ли потом парень о таком откровенном обнажении своих чувств. Возможно, и нет, если откровения будут взаимны. Поэтому он ответил, осторожно подбирая слова:

— Как это ни странно, а может, и вовсе не странно, но мои мысли направились в противоположную сторону. Я не видел настоящих причин, чтобы мне оставаться в живых, разве

что быть живым забавнее, чем мертвым. Сейчас я не смог бы перечислить все эти причины. Воспитать детей, узнать что-либо новое о Вселенной, не соглашаться со справедливостью в вольном переложении некоторых коронованных ублюдков… Боюсь, что мои взгляды остались прежними или около того. Перед моими глазами все тот же слепой космос, управляемый теми же слепыми законами. Но неожиданно в нем появился какой-то смысл. Огромный смысл. Космос что-то означает. Что именно, я еще не постиг. Вероятно, никогда и не постигну. Но у меня теперь есть причина, чтобы жить — или умереть, если понадобится. Может, в этом и заключается вся цель жизни, а именно: цель сама по себе. Но надеюсь, что мир от этого покажется мне намного привлекательнее.

— Полагаю, мы научились воспринимать жизнь серьезнее, — задумчиво произнес Райерсон. — Мы оба.

Измельчитель отправил в приемное устройство последнюю порцию пыли. Газификатор находился внутри корабля; к тому же через тепловую защиту скафандров начал просачиваться холод. Райерсон встал. На его ноги легла густая тень.

— Не очень-то это, конечно, поможет нам, — сказал он вдруг надтреснутым голосом, — если мы умрем здесь с голоду.

Макларен встал рядом с ним. В свете прожекторов их лица рельефно выделялись на фоне сплошной стены мрака. Макларен посмотрел в глаза Райерсону. Стоя неподвижно под равнодушными созвездиями, они какое-то мгновение боролись взглядами, пока на лбу у Райерсона не выступили капли пота.

— Ты понимаешь, — проговорил Макларен, — что на самом деле мы можем протянуть с едой намного дольше. По приблизительным подсчетам, думаю, еще два месяца.

— Нет, — прошептал Райерсон. — Нет, я ни за что не смогу.

— Сможешь, — сказал ему Макларен.

Он постоял еще с минуту, чтобы утвердиться в своей победе, которую он в качестве дара предназначил Тамаре. Затем он круто развернулся и зашагал к машине.

— Пойдем, — сказал он, — поработаем.

Глава 16

Макларен проснулся сам, без будильника. Сначала он никак не мог понять, где находится. Он только что был на каком-то холме, поросшем деревьями; а внизу, весело сверкая на солнце, журчал ручей. С ним кто-то был, но имени и лица той женщины он не запомнил. Зато губы все еще хранили томительное тепло.

Прищурясь, он посмотрел наверх и увидел стол, прикрепленный к потолку. Сам он лежал на матрасе…

Ну конечно. «Южный Крест» — горькая, отрезвляющая правда. Но почему он так рано проснулся? Сон был для него и Дэйва последним прибежищем. Все дни напролет они несли вахту у пульта управления контуром, возвращались в свою перевернутую вверх дном спальню и питались сном. Жизнь свелась к отправлению лишь этих функций.

Макларен зевнул и перевернулся на бок. Его внимание привлек будильник. Дурацкая штука остановилась, что ли? Он понаблюдал некоторое время за секундной стрелкой и пришел к

выводу, что она, безусловно, движется. Но тогда он проспал — о зубастые боги морей — целых тринадцать часов!

Он сел, тяжело дыша, и в глазах у него потемнело. От головы, казалось, отхлынула вся кровь. Вцепившись в простыни, он ждал, пока приступ слабости не оставит его. Сколько же времени прошло с тех пор, как его ткани стали поедать самих себя из-за отсутствия всякого другого питания? Он уже давно потерял счет часам. Но выпирающие из него ребра и суставы говорили сами за себя; иногда он даже слышал, как они гремят при ходьбе. Может, так продолжается уже месяц? По крайней мере, все это время он не выходил из корабля и мало двигался. Только благодаря этому он все еще жив.

Медленно, словно тяжелобольной, он поднялся на ноги. Если Дэйв не позвал его, значит, он потерял сознание или умер, или голод подействовал на его рассудок. Обуреваемый «легионом безумных фантазий…», Макларен еле волочил ноги, направляясь к шахте. Нуль-камеры находились ближе к корме, сразу за гироскопами. При ускорении они должны были бы, по идее, находиться «внизу» — по отношению к обсервационному отсеку, но сейчас получилось так, что они нахо-

дились наверху, над отсеком. К счастью, корабль был сконструирован с учетом того, что большую часть времени они проведут в условиях невесомости. Макларен ухватился за перекладину обеими руками. «А ведь мне, пожалуй, сейчас под силу парить в невесомости», — подумал Макларен, борясь с головокружением. Он встал одной ногой на следующую перекладину, с помощью этой ноги и обеих рук подтянул вторую ногу и встал на перекладину уже обеими ногами. А теперь все сначала; еще раз; один раз за папу, один раз за маму, один раз за няню, один раз за кота и так далее — до победного «вот и мы» с дрожью крайнего изнеможения.

Райерсон сидел за пультом управления рядом с нуль-камерами — приемной и передающей. Рабочее кресло с закрепленной на нем лестницей пришлось в свое время приварить к стене, ну и, конечно, освоить работу на перевернутом вверх ногами пульте. К нему обратилось бледное, бородатое и осунувшееся лицо, но голос показался Макларену почти бодрым:

— А, проснулся.

— Будильник не сработал, — задыхаясь, проговорил Макларен. — Почему ты не разбудил меня?

— Потому что я, прежде всего, выключил звонок.

— Что? — Макларен сел на то, что раньше было потолком, и уставился на Райерсона.

— Тебе сейчас нужно больше отдыхать, иначе окончательно свалишься, — сказал Райерсон. — Ты выглядишь намного хуже меня, и причем уже давно — несколько недель, наверное. То есть даже задолго до того, как… кончилась еда. А чтобы сидеть тут и крутить ручки, вовсе не обязательно делать передышки каждые восемь часов. Мне это нетрудно.

— Что ж, может быть. — Макларен слишком устал, чтобы спорить.

— Ну и как, получается? — спросил он после недолгого молчания.

— Пока нет. Я сейчас пробую новую последовательность. Не волнуйся, скоро мы обязательно добьемся резонанса.

Макларен задумался, размышляя о проблеме настройки. Так же, как его ослабевшие пальцы уже не могли удерживать предметы, его ум в последнее время потерял способность удерживать что-либо в голове. Он мучительно и тяжело восстанавливал в памяти все, связанное с теорией и практикой нуль-переброски материи по гра-

витационному лучу. Его рассуждения логически основывались на том, что сам факт нуль-переброски вообще возможен. Сигналы, как правило, передаются кодированными импульсами различной продолжительности и с переменной амплитудой. Существуют разные хитроумные способы, чтобы хоть немного увеличить объем пропускаемой информации в одну миллисекунду, меняя количество импульсов при заданном верхнем пределе продолжительности каждого импульса. Все эти процессы происходят так быстро, что без всякого преувеличения инженеры могут даже разговаривать на языке волновых импульсов. Каждый приемопередатчик опознается по особой «несущей» волне. Изменение частоты ее колебаний и является самым что ни на есть сигналом нуль-транспортировки материи. Все это происходит при условии, что установлен контакт. То есть если передающее устройство нуль-передатчика излучает несущую волну работающего приемного устройства — эффект «резонанса» или «отголоска», в прах разбивающий закон обратной пропорциональности. Это как бы развитие великой истины Эйнштейна: космос есть не что иное, как протекающие на данный момент процессы в каждой из его мате-

риальных частей.

Сам нуль-передатчик при сканировании производит сигналы, по которым и воссоздается пересылаемый объект. Но сначала нуль-передатчик необходимо настроить на нужную принимающую станцию. Корабль с ручным управлением может вызвать по кодовому сигналу несущей волны любой действующий приемопередатчик, но, естественно, на языке стандартного проверенного контура, изначально встроенного в корабль. Таким образом, как утверждает справочник, чтобы достичь Солнца, следует соединить две несущие волны — самого Солнца и звезды Рашида. В данном случае эта звезда является исходной ретрансляционной станцией. Ваш сигнал будет автоматически перебрасываться по нуль-передатчикам через несколько миров, пока не достигнет земной Луны. Сюда соответствующие напряжения, частоты колебаний и т. д. доходят в виде развертки. Их следует сложить и применить равнодействующую.

Самодельный контур Райерсона не был стандартным. С помощью электроники он мог вложить в контур какую-либо известную несущую волну, а их система наведения гравитационного луча наверняка выдаст совершенно неизвестную

— например, сигнал вызова некой станции, постройка которой не начнется даже в ближайшее тысячелетие. У Райерсона не было приборов, чтобы замерить зависимость, так что он не мог даже просчитать поправки к соответствующим установкам контура на сигнал. Настройка была произведена вслепую, методом проб и ошибок, и обладала поистине неисчерпаемой многовариантностью выбора. Сделанные наспех расчеты позволили исключить лишь некоторые из возможных вариантов.

Макларен вздохнул. Пока он сидел и размышлял, прошло довольно много времени. Во всяком случае, если судить по его часам. Для него самого время пролетело незаметно.

— Знаешь что, Дэйв? — произнес он.

— Хм? — Повернув ручку, Райерсон плавно передвинул верньер на одно деление и пальцами пробежался по ряду кнопок.

— Мы попали в никуда, в самый дальний его край. Я забыл, сколько отсюда до ближайшей станции, но знаю, что чертовски далеко. Этот наш агрегат из вязальной проволоки может оказаться слишком маломощным, чтобы сигнал дошел до нее.

— Я все время это знал, — отозвался Райерсон,

щелкнув сетевым выключателем магистрали. Стрелки на циферблатах заколебались, а осциллоскопы принялись вычерчивать свои кривые, замерцавшие призрачным зеленым светом. Помещение заполнил пронзительный вой. — И все же, думаю, наша аппаратура справится. Вспомни, этот звездолет забрался так далеко от Солнца, как ни один другой. Его создатели знали это — и немудрено, ведь курс по прямой, естественно, должен был опередить объемное расширение нашей территории. Поэтому они создали сверхмощный приемопередатчик. Даже в таком потрепанном виде, как сейчас, он способен послать сигнал, который прямиком достигнет Солнца, — если, конечно, соблюсти все условия.

— Думаешь, мы сможем? Было бы забавно посмотреть. Райерсон пожал плечами:

— Если честно, то я сомневаюсь. Но только из-за статистики. Сейчас пооткрывалось так много разных станций… Эй!

Макларен даже сам не заметил, как вскочил на ноги, дрожа от нетерпения.

— Что это? — вскричал он. — Что это? Бога ради, Дэйв, что это?

Не в силах произнести ни слова, Райерсон только открывал и закрывал рот. Костлявой рукой

он молча указал на приборы. Рука его заметно дрожала.

Под ним, словно спустившаяся с небес звезда, горел красный огонек (по идее, он должен был находиться наверху).

— Контакт, — сказал Макларен.

Это слово эхом отозвалось в голове, как будто его произнес сам создатель, чей голос донесся из мрачных глубин все такой же черной и пустынной Вселенной.

По щекам Райерсона катились слезы; губы его беззвучно шевелились.

— Тамара, — произнесен. — Тамара, я возвращаюсь домой.

«Если бы Чанг и Сейки были сейчас рядом, — подумал Макларен, — *в такой поистине знаменательный момент*».

— Давай, Теранги, — прошептал Райерсон. Зубы у него стучали, а руки тряслись так сильно, что они навряд ли смогли бы сейчас работать на пульте. — Давай, Теранги, иди.

Сначала Макларен не понял. Еще не понял. Уж слишком быстро в их жизнь ворвалась реальная возможность спасения. Но в нем заговорила прирученная к осторожности раса, которая эволюционировала среди змей и войн.

— Погоди, Дэйв. Погоди минуту. Просто чтобы быть уверенным. Пошли туда сигнал. Телетайпограмму, конечно, — у нас ведь нет телефонной связи. Ты можешь сделать это прямо сейчас, за этим пультом.

— Для чего? — закричал Райерсон. — Для чего? Если ты не хочешь идти, то пойду я!

— Ты просто подожди, и все. — В голосе Маклaрена неожиданно появились умоляющие нотки. В нем проснулось все безумие месяцев, проведенных среди звезд, которые жгли ему глаза. Он смутно понимал, что человек может жить в стесненных обстоятельствах и ходить в страхе, но быть человеком всегда составляет предмет его гордости. Он поднял беспомощную руку и закричал — его крик был ненамного громче шепота…

— Да пойми ты, наконец, может, за этим кроется какое-нибудь искажение сигнала. Пусть и крайне редко, но несчастные случаи все же происходят, а этот контур, сделанный вручную, причем наполовину по памяти… Отправь туда сообщение. Попроси о контрольной нуль-передаче для нас. Это не займет много времени и… Боже мой, Дэйв, что же ты отошлешь Тамаре домой, если сигнал был ошибочный?

Подбородок Райерсона, скрытый бородой,

мелко задрожал. Не отвечая, юноша принялся сердито долбить по клавишам печатающего устройства. Учащенно дыша, Макларен снова сел. Итак, их надеждам наконец-то суждено сбыться. Значит, он снова будет ходить под высоким небом Земли, с медленно проплывающими на нем летними облаками.

«Нет, — подумал он. — Я никогда уже не попаду на Землю. Теранги Макларен умер на орбите вокруг черного солнца, на стальной планете, где вечная зима. На Землю может вернуться тот Я, кем я сейчас являюсь; но тот Я, кем я был раньше, уже никогда не вернется».

Райерсон перегнулся так, чтобы видеть экран, который передавал изображение принимающей нуль-камеры.

Макларен ждал. Время тянулось томительно медленно.

— Пусто, — сказал Райерсон. — Они ничего не прислали.

Макларен удрученно молчал.

— Конечно, это станция в какой-нибудь колонии, — произнес Райерсон. — Возможно, одно из самых отдаленных поселений, весь персонал которого — всего лишь два человека… или, о Господи, другой космический корабль. Да, вот это

вероятнее всего. Мы в контакте со звездолетом. С единственным вахтенным на борту и…

— И где должен быть звонок для его вызова, не так ли? — очень медленно спросил Макларен.

— Ты ведь знаешь, как у них там со связью в дальних рейсах, — сказал Райерсон. Он стукнул кулаком из одних костяшек по подлокотнику кресла. — Наш вахтенный спит слишком крепко, чтобы услышать какой-то там сигнал. Или же…

— Подожди, — произнес Макларен. — Мы ждали дольше, поэтому можем позволить себе еще несколько минут, чтобы знать наверняка.

Райерсон засверкал на него глазами, словно перед ним стоял враг.

— Подождать? Подождать, черт побери? Ну уж нет! Он установил на контрольном реле времени пятиминутную готовность к нуль-передаче и сполз со своего сиденья и затем вниз по лестнице. В своей грязной заношенной тунике, из которой торчали худые руки и ноги, да еще желтая копна волос, он казался огромным пауком.

Макларен снова встал и с трудом подковылял к нему.

— Нет, — прохрипел он. — Послушай, я понимаю, что у тебя сейчас на душе, но я также понимаю, что у тебя космический психоз, и я

запрещаю тебе, я запрещаю…

Райерсон улыбнулся.

— А каким образом ты собираешься удержать меня? — спросил он.

— Я… но неужели тебе трудно подождать, подождать и увидеть, и…

— Послушай, — сказал Райерсон, — допустим, что в сигнале сбой. Оттуда нам присылают контрольный типовой объект, и он попадает в приемное устройство нашей нуль-камеры. В лучшем случае типовой объект просто деформируется… в худшем его вообще невозможно будет воссоздать, а мы взрываемся. Во втором случае мы погибаем. В первом — у нас больше нет времени, чтобы работать. Сомневаюсь, чтобы я смог снова выйти наружу и вскарабкаться на этот контур. А ты, мой друг, тем более. Кому как не мне знать это, черт возьми! Так что у нас с тобой нет другого выбора, как только пройти через нуль-камеру. Вот!

— Если на другом конце находится корабль, и ты явишься причиной взрыва, — прошептал Макларен, — то ты убьешь еще одного человека.

Словно из какого-то полузабытого далека, он с затаенной печалью узнал это выражение непреклонности, застывшее на лице стоявшего напротив него человека. Надежда преобразила

Дэвида Райерсона, снова делая его молодым.

— Он не взорвется, — заявил юноша, не допуская даже мысли, что подобное может произойти.

— Хорошо… Возможно, и нет… но еще остается опасность молекулярного искажения или… — Макларен вздохнул. Словно пробуя свои силы, он толкнул Райерсона в грудь. Высокая тощая фигура юноши даже не шелохнулась — настолько Макларен ослаб от голода.

— Ну хорошо, — сказал он. — Ты победил. Я пойду в нуль-камеру.

Райерсон покачал головой.

— Нет, я передумал, — ответил он. И, засмеявшись, весело продекламировал: — Свою работу я примерю на себя, Теранги!

— Погоди! Позволь мне… я хочу сказать — подумай о жене, по крайней мере… ну пожалуйста…

— До скорого! — крикнул Райерсон. Уже у двери в нуль-камеру он оглянулся, и взгляд его голубых глаз был теплым. Открыв дверь, Райерсон вошел внутрь. Тяжелая дверь с лязгом захлопнулась за ним. Макларен бессильно подергал ручку. Бесполезно, дверь блокировалась автоматически.

«Кто из нас дурак? Похоже, мне никогда не ответить с уверенностью на этот вопрос, чем бы все ни кончилось. Удача, конечно же, целиком

на его стороне… выражаясь человеческим языком, — вычисленная с той точностью, какую нам позволили наши знания… но неужели он так и не смог распознать вместе со мной, насколько велика Вселенная и сколько еще непознанного таится в ее черных глубинах?»

С трудом переставляя ноги, он направился к лестнице, чтобы взобраться по ней на кресло. На него, конечно, обрушится гнев за то, что он вскарабкался наверх и выключил автоматику. Но каких-то несколько неприятных минут он переживет. А за это время странно, ужасно беспечный оператор на другом конце может прочитать их телетайпограмму и прислать им контрольный объект. И тогда Райерсон узнает. Они оба узнают. Макларен начал свое восхождение. Ему предстояло одолеть всего-то два метра, но беспомощные руки отказывались подтягивать его, а ноги на перекладинах тряслись. И все же он понемногу продвигался вперед. Макларен был уже на полпути к пульту, когда услышал щелчок его основной кнопки включения и пронзительный скрежет заработавшего механизма передающей нуль-камеры.

С удвоенной энергией он продолжал ползти вверх. «Вот теперь я понимаю, что значит быть

старым», — подумал он.

Когда он наконец добрался до кресла, сердце в его груди неистово трепетало, словно пламя свечи, готовое вот-вот угаснуть. Его глаза застлало черной пеленой, и какое-то время он не видел, что творилось на видеоэкранах. Сердце постепенно успокаивалось, и черная пелена перед глазами понемногу отступила. В нуль-камере было пусто. Красный огонек все еще горел, подтверждая контакт. Что ж, во всяком случае принимающее устройство на той стороне не разрушилось. Не считая, возможно, Дэйва. Чтобы убить человека, достаточно совсем незначительного молекулярного изменения. «Но я слишком боязлив в своей нерешительности. Мне бы не следовало бояться смерти. Уж ее-то меньше всего. Так что давай-ка я последую его примеру и покончу со всем этим».

Он потянулся к реле времени. Взгляд его упал на часы. Как, полчаса с тех пор, как ушел Дэйв? Уже? Неужели он ползал по этой лестнице и предавался своим непродолжительным размышлениям целых полчаса? Но за это время Дэйв, уж конечно, мог поднять на ноги даже самого сонливого оператора. Им следовало уже прислать на «Крест» телетайпограмму: «Иди сюда, Теранги. Иди сюда, чтобы вместе вернуться домой». В чем же дело?

Макларен уставился на окружавшие его со всех сторон глухие стены. Отсюда он мог видеть звезды, но он и без того знал, какое бесчисленное их множество роится в небе за пределами, корабля. К нему вдруг пришло прозрение, истинное прозрение, что их скученность — всего лишь иллюзия и каждое из тех солнц пребывает в страшном одиночестве.

«И еще одно я узнал в эту последнюю минуту, — подумал он. — Теперь я понимаю, что значит нуждаться в сострадании».

Макларен принял решение. Он поставил реле времени на десять минут, чтобы успеть добраться до нуль-камеры, и начал медленно спускаться по лестнице.

Раздался звонок.

Сердце в его груди подпрыгнуло. Он пополз обратно, смутно ощущая на своем лице слезы, и уставился в экран.

В приемной нуль-камере стояло существо. На нем было некое подобие скафандра, и поэтому Макларен не смог толком разглядеть чужака. Он лишь заметил, что, хотя существо и опиралось на две ноги, его облик был явно не человеческим. Сквозь прозрачное стекло круглого шлема, заполненного воздухом желтоватого оттенка,

Макларен увидел лицо существа. Именно лицо, а не морду. Оно было ни рыбьим, ни лягушачьим, ни какого-либо млекопитающего. Оно просто было другим — настолько другим, что разум Макларена почти не отметил его. Позднее, когда он пытался вспомнить это лицо, в памяти всплывали лишь неясные, расплывчатые черты, странные завитки, похожие на усики растений, и большие красные глаза.

Удивительно, но, наверное, каким-то внутренним чутьем Макларен с первого взгляда прочитал на этом лице выражение сочувствия.

Существо держало в своих руках тело Дэвида Райерсона.

Глава 17

Там, где над Зондским проливом нависали тяжелые тучи, сыпавшие дождь, земля промокла насквозь. Но сквозь серую пелену, затянувшую небо, уже пробился первый солнечный луч и отразился на воде светлой узкой дорожкой. Земля утопала в зелени, в миллионе ее тончайших оттенков; джунгли, плантации и рисовые поля — все полыхало в изумрудном пламени листьев. Вершина вулкана была окутана белесой дымкой. Оттуда доносилось погромыхивание — был ли это гром, сражающийся с ветром, или разговаривала во сне сама гора?

Посадив свой аэрокар на серебристо-бурую воду, Теранги Макларен стал подруливать к берегу Суматры. Хотя с каждым днем его силы прибывали, он порядком измотался, увертываясь от многочисленных проа,[24] плавучих домиков и подводных лодок.

— Здесь, туан,[25] — показал пальцем его

---

[24] Примечания: 24
Малайское парусное судно.

[25] Примечания: 25
Господин (малайск.) — при обращении к европейцу.

проводник, и Макларен со вздохом заглушил двигатели. Аэрокар, плавно скользнув по воде, пристал к берегу.

— Ты уверен? — спросил Макларен. Он изъездил чуть ли не все побережье и везде встречал такие же хижины из тростника и выброшенного морем на берег пластика. Это был напоенный влагой мир, переполненный смуглыми веселыми людьми. Половину своей радостной жизни они проводили на воде — все эти искатели жемчуга, ловцы губок и палубные матросы, которые продавали свой труд морским фермам, но всегда возвращались домой, в бедность и невежество. Зато здесь было больше жизни и надежды, чем могла предложить им Цитадель.

— Да, туан. О ней каждый знает. Она не похожа на остальных, и ни с кем не сближается. Именно это и выделяет ее.

Макларен решил, что малаец, вероятно, прав. Тамара Сувито Райерсон не могла бесследно раствориться в безликой массе пролетариата Земли. Если она не поменяла свои планы насчет эмиграции, то в Отделе должен быть, по крайней мере, оставленный ею почтовый адрес. Узнав его, Макларен сразу же примчался в Индонезию. Но здесь круг его поисков неожиданно расширился,

так как в Нью-Джакарте тем же почтовым отделением, что у нее, пользовались сотни людей, а их места обитания не укладывались в стройную систему телефонных справочников и нумерации домов. Чтобы найти вот это жилище, ему потребовались время и деньги. Он въехал на берег.

— Оставайся здесь, — приказал он проводнику и вышел из машины. На него обрушился стремительный тропический дождь. Туника тут же промокла, и по коже побежали струйки воды. Это был первый дождь, в который он попал, с тех пор как… сколько времени прошло? Дождь имел привкус утренней зари.

Она ожидала его у двери. Он, конечно, сразу узнал ее по фотографиям, но грация, с которой она держалась, была ему незнакома. На ней был простой саронг и блузка. Дождь оседал на ее волосах цвета воронова крыла мелкими капельками, в которых, дробясь, искрился свет.

— Вы — техн, — произнесла она. Он едва расслышал ее голос, настолько тихо он прозвучал. Ее взгляд не отрывался от его лица. — Добро пожаловать.

— Вы видели меня в новостях? — Вопрос банальный, но он спросил первое, что пришло ему в голову — лишь бы не молчать.

— Нет. Просто слышала. У старого Прабанга, там в деревне, нет видеоприемника, есть только обычный. Но кем же еще вы можете быть? Входите, прошу вас, сэр.

И только позднее Макларен понял, какой серьезный проступок она совершает в глазах общества, открыто пренебрегая правилами приличия. Впрочем, она объявила себя свободной от моральных устоев Протектората много месяцев назад. Он узнал об этом, когда впервые пробовал выступить в роли посредника между ней и ее свекром. Хижина внутри была чисто прибрана и чрезвычайно просто обставлена. Единственным украшением могла считаться ваза с ранними гибридными розами, стоявшая у портрета Дэвида.

Макларен подошел к колыбели и посмотрел на спящего младенца.

— Сын, не так ли? — спросил он.

— Да. Он носит имя отца.

Макларен осторожно погладил малыша по щеке. Никогда еще его пальцы не ощущали ничего более нежного, чем эта щечка.

— Привет, Дэйв, — сказал он.

Тамара присела на корточки у крохотной жаровни и раздула огонь. Макларен сел на пол.

— Я мог бы прийти и раньше, — произнес

он, — но так много всего навалилось, и меня еще держали в больнице…

— Понимаю. Вы очень добры.

— У меня… от него кое-что осталось… буквально пара вещей. И я могу организовать похороны — так, как вы пожелаете — и… — У него перехватило горло. Дождь, смеясь, резвился на тростниковой крыше.

Зачерпнув из кувшина, она наполнила чайник.

— Как я понимаю, — сказала она, — от него не было никакого письма?

— Нет. Так уж вышло… даже не знаю почему. Никто из нас не писал ничего подобного. Наверное, мы думали, что если погибнем, то все вместе — а это значит, что никто бы нас не обнаружил раньше, чем через пятьдесят или сотню лет, — или же все вернемся домой. Мы и не подозревали, что может получиться вот так — вернется один-единственный человек. — Макларен вздохнул. — Бесполезно пытаться предугадать будущее. Оно слишком велико.

Он не услышал ее ответа.

— Но почти последнее, что произнес Дэйв, — с усилием продолжил Макларен, — было ваше имя. Он вошел в ту нуль-камеру с мыслью о том,

что скоро будет дома, рядом с вами. — Макларен уткнулся взглядом в колени. — Он, по всей вероятности… умер быстро. Очень быстро.

— Я не совсем поняла, что произошло, — сказала она. Чтобы поставить чашки, она грациозно опустилась на колени, как это делают только австралийки. Пытаясь не давать волю чувствам, она говорила каким-то безжизненным, невыразительным голосом. — Я имею в виду, что сообщения по нуль-передаче всегда такие несерьезные и запутанные, а в печатных журналах слишком уж много всяких технических терминов. Среднего больше нет. Это одна из причин, почему мы и хотели покинуть Землю. Я еще не отказалась от этой мысли, вот только Дэйв пусть немного подрастет.

— Я понимаю ваши чувства, — проговорил Макларен. — И сам разделяю их.

Быстро повернувшись, она удивленно вскинула на него глаза, и Макларен невольно залюбовался этим нервным движением головы.

— Но вы же техн! — воскликнула она.

— И человек тоже, моя леди. Но прошу вас, задайте мне свой вопрос, куда бы он ни завел нас. С вашего позволения, я тоже хочу спросить вас, но вы первая.

— А что вы хотите узнать? Пожалуйста.

— Ничего особенного. Я бы не имел права на этот вопрос, но ваш муж был моим другом. Я думаю о том, что вы могли бы сделать ради него. Я не тороплю с ответом. О чем вы хотели спросить?

— Ах да. Мне известно, что вы настроились на приемопередатчик чужаков, сами того не понимая. Но… — Сжав кулаки и невидяще глядя на дождь через светлый проем двери, она в отчаянии вскрикнула: — Но ведь вероятность этого была так ничтожно мала! Такая глупая случайность, и она убила его!

Макларен молчал, тщательно подбирая про себя слова. Затем мягко, как только мог, произнес:

— Нельзя сказать, что подобная встреча была такой уж невероятной. Все это время мы знали, что не можем быть единственной расой, устремляющейся к звездам. Смешно даже подумать, что это не так. Но «Крест» забрался в такие глубины космоса, куда людям до него еще не удавалось проникнуть; а чужой звездолет находился почти у самой кромки той территории, которую они смогли освоить. Целью их экспедиции была также альфа Южного Креста. Странно, но во мне возникает какое-то чувство родства к моему собрату звездоплавателю, пусть и с хлором в

легких и кремнием в костях, но который руководствовался той же путеводной звездой. Контакт, несомненно, был случаен, поскольку они и мы вошли в область действия наших сигналов. Дэвид был первым человеком, который замкнул кольцо. У нас не было нужных измерительных приборов, но мы пытались нащупать кодовые сигналы несущих волн, перебирая все возможные варианты. С той же долей вероятности мы могли наткнуться и на один из наших сигналов.

Вода закипела, и она занялась чайником. Длинные локоны, свесившиеся ей на лицо, скрыли его от Макларена, и если она даже и плакала, он не видел ее слез.

— А знаете, моя леди, — добавил он, — мне думается, что мы, наверное, посылали сигналы вызова сотням других рас, освоившим космос. Мы, конечно, находились вне сферы действия их нуль-передатчиков, но я уверен, что мы вызывали их.

— А что об этом подумали чужаки? — глухо прозвучал ее голос.

— Не знаю. Лет через десять мы сможем говорить с ними. Еще через сотню лет мы, возможно, научимся понимать их. А они нас, надеюсь. Конечно, в тот момент, когда Дэвид… появился перед

ними… они поняли, что произошло. Один из них пришел ко мне. Можете представить, сколько мужества потребовалось ему, чтобы совершить этот шаг? А каких прекрасных людей мы узнали благодаря вашему мужу! Они сделали для меня то немногое, что могли: проверили контур «Креста» и исключили все известные им кодовые сигналы. А дальше я уже продолжал пробовать сам. Через неделю мне посчастливилось попасть на человека. Через свой нуль-передатчик я прошел в его приемную нуль-камеру, вот и все. Наши техники сейчас сооружают на планете черной звезды новую ретрансляционную станцию. Но «Крест» они оставят там, где он есть, и выгравируют на нем имя Дэвида Райерсона.

— Я подумала, — прошептала она, все еще пряча свое лицо, — что вы… я имею в виду, карантинные правила…

— Ах да. Протекторат пытался сослаться на них. Как будто можно задержать неизбежное. Их попытки оказались напрасными. Наши с чужаками организмы настолько несовместимы, что на их планете нет никого и ничего, что могло бы питаться за счет Земли и ее колоний. Этот факт уже неопровержимо доказан объединенной научной комиссией. И пусть нам пока не под силу

передать друг другу свои мысли из-за незнания языка, но мы можем мыслить одинаковыми категориями! Чужаки, конечно же, знают о нас. Человеку просто невозможно спрятаться от всей Вселенной. Поэтому меня и освободили. — Макларен принял у нее из рук предложенную ему чашку и насмешливо добавил: — Мною, разумеется, отныне весьма недовольны в Цитадели.

Она подняла на него свои огромные глаза, и он увидел их мерцание.

— Но почему? — спросила она. — Вы должны быть героем для…

— Для космонавтов, ученых, некоторых колонистов и немногих землян, которые были бы рады концу застоя. И не то чтобы я заслуживал их благодарность. Те трое погибших — вот кто действительно сделали все. Во всяком случае, моя леди, можно предвидеть, какой грядет переворот. Мы неожиданно столкнулись с… Вот послушайте, их цивилизация, очевидно, освоила по меньшей мере такое же по величине пространство, что и человек. И у наших двух цивилизаций совершенно разные типы планет. Объединив наши приемопередаточные сети, мы вдвое увеличиваем свои территории! Ни одно правительство не сможет навязывать свою волю такому огромному

количеству миров.

Более того. У них есть такие науки, технологии, философии, религии, искусства, чувства восприятия мира, которые нам и не снились. Иначе и быть не может. А мы, естественно, можем предложить им наши. Сколько времени, вы думаете, способен продержаться этот ограниченный, ничтожный Протекторат и его узколобые умишки при подобном прорыве новой мысли? — Макларен наклонился вперед. В нем самом появилось ощущение необычайного подъема. — Моя леди, если вы хотите жить во вновь осваиваемом мире и чтобы ваш ребенок вместе с вами находился там, где тяжело и опасно, где требуется напряжение сил и где с ним может случиться все что угодно, — оставайтесь на Земле. Будущая цивилизация начнется здесь, на самой Земле.

Тамара поставила свою чашку. Она уткнулась лицом в ладони, и он растерялся, увидев, что она плачет.

— Может быть, — сказала она ему, — может быть, я не знаю. Но почему именно Дэвид должен был оказаться тем человеком, который выкупил нас на свободу? Почему именно Дэвид? Он вовсе не хотел этого. Он не стал бы, если бы знал. Я не сентиментальная дурочка, Макларен-сан, но я

знаю, что он хотел всего лишь вернуться сюда. А он умер! И никакого смысла в этом нет!

Глава 18

Северная Атлантика катила с запада свои грохочущие серо-зеленые волны. С их верхушек ветер срывал белопенные гривы. Далеко на юге светилась узкая полоска угасающего осеннего дня, а на севере собирались огромные свинцовые тучи, готовые вот-вот разразиться дождем и снегом.

— Вон там, — указала Тамара. — Это то самое место. Макларен повел аэрокар к земле. Небо со свистом расступалось перед ним. Значит, Дэйв родом отсюда. Остров оказался довольно угрюмой скалой, морщившейся острыми складками. Но Дэйв рассказывал, какой у них летом можжевельник, а осенью — вереск, и какие лишайники всевозможных цветов и оттенков.

Девушка ухватила Макларена за руку.

— Я боюсь, Теранги, — шепнула она. — Лучше бы ты не заставлял меня ехать сюда.

— Это все, что мы вообще сможем когда-либо сделать для него.

— Нет. — Несмотря на сгущавшиеся сумерки, он увидел, как она вскинула голову. — Это еще не конец. Его не будет. Его и мой ребенок, воспита-

ние его и… Во всяком случае, *мы* можем внести в нашу жизнь хоть какой-то смысл.

— Я не знаю, вносим мы новое или ищем то, что существовало всегда, — ответил он. — Не это меня волнует. По мне, важно то, что существует цель: порядок, красота, душа — назови ее как хочешь.

— Здесь, на Земле — да, — вздохнула она. — Цветок или ребенок. Но с другой стороны, далеко от нашего солнца умирают три человека, и оказывается так, что наша цивилизация получает от этого пусть небольшую, но выгоду, а я продолжаю думать о тех людях, которые просто умерли далеко отсюда. Или вернулись слепыми, искалеченными, изломанными, словно хворост, и ведь ни одной живой душе от этого не стало лучше. Почему? Я все спрашивала себя и не находила ответа. Не нахожу его и сейчас. И как мне думается — по той простой причине, что никакого объяснения нет вообще.

Макларен посадил машину на берег. Он все еще искал ответ на ее вопрос, но рассуждения его шли по другому руслу. Он прибыл на Скьюлу не для того, чтобы просто предложить отцу Дэвида все, что в его силах: как минимум примирение и возможность время от времени видеться с ребенком Дэвида в свои оставшиеся годы. Смутно Макла-

рен чувствовал, что именно здесь, на Скьюле, он сможет найти решение.

Люди и правда уходят в космос, как когда-то уходили в море, подумал он, и космос губит их, но их сыновья все равно возвращаются туда. Соблазн наживы — лишь часть ответа. Космонавты, как некогда и моряки, не становятся богаче. Любовь к приключениям… что ж, в некоторых, может, и есть что-то от этого чувства, но вообще-то покорители расстояний никогда не были романтиками. Они самые обыкновенные люди, ограниченные мелкими житейскими интересами, и смерть их так же буднична, как их жизнь. Если спросить одного из них, что влечет его к черной звезде, то ответит, что подчиняется приказу, или что ему платят за это, или что ему просто любопытно взглянуть на нее — причин существует сколько угодно. И все они могут отражать истину. Но есть ли все-таки среди них хоть одна истинная?

И почему, спросил себя Макларен, человек, весь род человеческий приносит в жертву морю и звездам свою молодость, кровь, богатство, все свои высокие мечты и надежды? Было ли это только следствием взаимодействия бессмысленных сил — как бы оно ни называлось: экономика, социальный гнет, плохая приспособляемость,

миф, — где силы представляют собой набор векторов случайности с сардонической равнодействующей? Человек сам ломает ее, пытаясь удовлетворить свои потребности, хотя легче и проще было бы угождать себе дома.

«Если бы мне удалось найти ответ получше этого, — подумал Макларен, — я смог бы ответить Тамаре. И себе. А потом мы смогли бы похоронить наших мертвых».

Он помог ей выйти из машины, и они пошли вверх по тропинке по направлению к дому, на вид очень древнему. В сумрак, наполненный тяжелым шумом прибоя, из его окон проливался свет. Но не успели они подойти к нему, как открылась дверь и на пороге показалась крупная мужская фигура, четко вырисовывающаяся на светлом фоне дверного проема. Они остановились.

— Это вы, техн Макларен? — окликнул мужчина.

— Да. Капитан Магнус Райерсон? — Шагнув вперед, Макларен поклонился. — Я взял на себя смелость, сэр, привести с собой гостя, о котором я не упомянул, когда звонил вам.

— Нетрудно догадаться, — произнес мужчина. — Все в порядке, девочка. Входите и добро пожаловать.

Проходя по неровному полу к креслу, Тамара легко коснулась Макларена и, воспользовавшись моментом, шепнула:

— Как он постарел!

Магнус закрыл дверь. Руки его, с толстыми, словно веревки, жилами, слегка подрагивали. Тяжело опираясь на трость, он прошел в другой конец комнаты и помешал кочергой угли в камине.

— Присаживайтесь, — обратился он к Макларену. — Когда я узнал, что вы приезжаете, я заказал немного виски с континента. Надеюсь, это хорошая марка. Сам я не пью, но не стесняйтесь и пейте без меня.

Макларен взглянул на бутылку. Фабричное клеймо на ней было ему незнакомо.

— Благодарю вас, — сказал он, — как раз одна из самых моих любимых марок.

— Вы ели? — обеспокоенно спросил старик.

— Да, благодарю вас, сэр. — Макларен взял протянутую ему рюмку. Тяжело прихрамывая, Райерсон подошел к Тамаре и подал ей рюмку.

— Вы можете остаться на ночь? У меня на чердаке есть несколько лишних кроватей — еще с того времени, когда ко мне на огонек заворачивали парни из рыбаков, чтобы переночевать. Они

больше не приходят, сейчас это и ни к чему, но кровати так и остались.

Макларен обменялся взглядом с Тамарой.

— Вы оказали бы нам честь, — ответил Макларен. Шаркая ногами, Магнус Райерсон подошел к каминной полке, снял с нее чайник и, налив себе кружку чая, поднял ее.

— За ваше здоровье. — Райерсон сел в стоявшее у огня потертое кресло. Он коснулся руками книги в кожаном переплете, которая лежала на подлокотнике.

Некоторое время все молчали, словно прислушиваясь к глухому рокоту волн внизу на прибрежной полосе.

Макларен первым нарушил молчание:

— Я… мы, я хочу сказать… мы приехали, чтобы… выразить свое соболезнование. Если что, я мог бы рассказать вам… Я был там, вы знаете.

— Да. Вы очень добры. — Райерсон нащупал в кармане трубку. — Насколько я понял, он хорошо себя вел.

— Да. Конечно.

— Вот это самое главное. Попозже я обдумаю свои вопросы, если вы дадите мне время. Но этот, что я задал вам, имел для меня принципиальное значение.

Макларен обвел взглядом комнату. В колеблющихся тенях он разглядел справочники штурмана на полках, камни, шкуры и божков, привезенных из странствий по ту сторону неба. А еще он увидел двойную звезду Сириуса — словно два пылающих близнеца, две преисподние на фоне бездонной черноты; вместе с тем они были прекрасны.

— Ваш сын не изменил вашим традициям, — осторожно заметил он.

— Надеюсь, лучшим, — сказал старик. — Жизнь не имела бы смысла, если бы нашим мальчикам не давался шанс стать лучше своих отцов.

Тамара встала.

— Но вы говорите о том, чего нет! — неожиданно закричала она. — Нет никакого смысла! А есть только смерть, смерть и смерть — ради чего? Чтобы мы имели возможность ходить еще по одной планете или узнать еще что-то новенькое? Что нам это дало? Что мы сделали по-настоящему? И зачем? Во имя вашего Господа, что мы такого натворили однажды, что Он сейчас посылает туда наших мужчин?

Она сцепила пальцы. В наступившей тишине было слышно ее прерывистое дыхание.

— Извините меня, — проговорила она наконец

и снова села. Ее пальцы непроизвольно подергивались, пока Макларен не взял их в свои руки.

Магнус Райерсон поднял голову. На них смотрели его помолодевшие глаза. Он немного подождал, пока не затихнет ворчание прибоя на старых стенах его дома. А потом он ответил ей:

— *«Ведь это гордость наша и судьба».*

— Что? — Она вздрогнула. — О, это по-английски. Теранги, он хочет сказать… — Она произнесла это на интерлингве.

Макларен не шевелился.

Райерсон открыл свою книгу.

— Люди сейчас совсем забыли Киплинга, — сказал он. — Но однажды они вспомнят. Потому что ни один народ не живет долго, если ему нечего предложить своему молодому поколению, кроме достатка и чувства уверенности в будущем. Тамара, девочка, пусть твой сын послушает это однажды. Это и его песня, ведь он — человек.

Слова были незнакомы Макларену, но он слушал и какими-то таинственными, непостижимыми путями их смысл раскрывался перед ним.

Уже тысячу лет нам покоя нет —
Море жадное нас зовет;
Мы нашему мерю в дань отдаем

Всех лучших своих сынов.
И в зыбучей волне, и на вязком дне
Рвут акулы свой страшный корм.
Господь, если кровь их — плата за риск,
То мы уплатили долг.

Когда Райерсон закончил, Макларен встал и, сложив вместе ладони, поклонился.

— *Сэнсей,* — сказал он, — дайте мне свое благословение.

— Что? — Старик откинулся на спинку кресла, и лицо его ушло в тень. Теперь он снова казался совсем старым. Его слабый голос был едва слышен в шуме волн осеннего моря. — Тебе не за что благодарить меня, парень.

— Нет, я многим обязан вам, — ответил Макларен. — Вы подсказали мне, почему люди уходят — сначала в море, а теперь в космос — и что их устремления не напрасны. Потому что они — люди.